

РУССКИЙ
АРХИВ

АРХИВ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

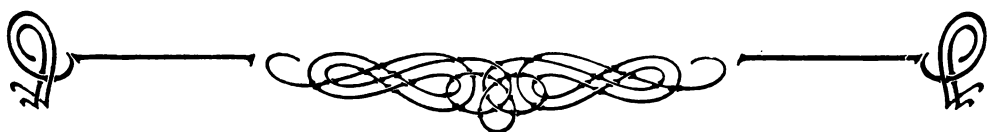
17-18

«ТЕРРА»

РУССКИЙ АРХИВ

9

17-18

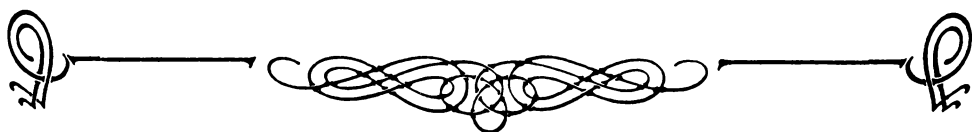

«ТЕРРА» - «TERRA»

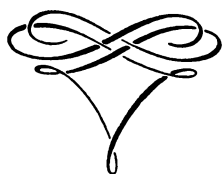

МОСКВА 1993

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

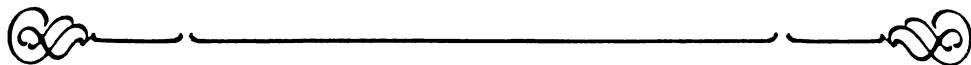
*Изданный
И. В. ГЕССЕНОМ*

17-18

«ТЕРРА» – «TERRA»

МОСКВА 1993

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

издаваемый
И. В. ТЕРСЕНОВЪ

XVII

БЕРЛИНЪ 1926

Изъ воспоминаній

проф. Н. Н. Алексѣева

Лѣтомъ 1918 года у меня созрѣло убѣжденіе въ необходимости покинуть Совѣтскую Россію. Я не принадлежалъ къ числу людей, полагавшихъ, что русскій большевизмъ есть случайный и кратковременный эпизодъ русской исторіи. Это сознаніе длительности большевистскаго процесса при внутренней невозможности примириться съ большевиками должно было толкать къ попыткамъ устройства жизни внѣ Совѣтороссіи. Но помимо этого обывательскаго соображенія въ душѣ моей я питалъ еще одну мысль, которая властно толкала меня къ выѣзду: это была идея вооруженной борьбы съ большевиками. Многіе въ настоящее время найдутъ, что она стоитъ въ явномъ противорѣчій съ сознаніемъ длительности большевистскаго процесса — и, можетъ быть, дѣйствительно здѣсь есть нѣкоторое противорѣчіе. Однако, если оно и было, то я склоненъ считать его и жизненно, и нравственно необходимымъ. При полномъ сознаніи этой длительности я былъ убѣжденъ, что есть только одинъ способъ ускорить этотъ процессъ, именно, способъ хирургически-оперативный. «Если организмъ захватываетъ злая болѣзнь, то нужно отрубить больную часть» — такъ рассуждалъ тогда я. Ясно, что операція можетъ и не удался, однако, трудно было думать, что она не удался ни при какихъ условіяхъ.

Судьба сложилась такъ, что мнѣ удалось покинуть Совѣтскую Россію, выѣхать изъ нее въ Западную Европу, когда это было достаточно трудно, но еще возможно. Я взялъ изъ одного изъ Московскихъ высшихъ учебныхъ заведеній командировку съ научной цѣлью за границу, — съ цѣлью «изученія вопросовъ междунагоднаго права и новѣйшихъ международныхъ отношеній». Командировку эту нужно было провести черезъ утвержденіе подлежащихъ властей. Мнѣ удалось при помощи знакомствъ со старыми министерскими чиновниками, находившимися еще тогда на службѣ въ соотвѣтствующемъ комиссариатѣ, получить документъ, изъ котораго при нѣкоторомъ свободномъ толкованіи можно было вывести, что моя командировка утверждена. Именно, мнѣ разрѣшили «отпускъ на командировку за границу на три мѣсяца». Съ этимъ отпускомъ я пошелъ добывать заграничный паспортъ въ Комиссариатъ Иностранныхъ Дѣлъ, который помѣщался тогда въ зданіи гостиницы Метрополь на Театральной Площади въ Москвѣ. Я не былъ увѣренъ, что миссія моя здѣсь увѣнчается успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что для полученія такового паспорта нужно было идти на пріемъ къ самому товарищу Карахану. Попасть на пріемъ этотъ уже было дѣломъ довольно труднымъ, однако, здѣсь выручилъ меня счастливый случай. Меня послали для предварительнаго доклада къ одному изъ секретарей, очень чистенькому, дипломатическаго вида, молодому человѣку, оказавшемуся моимъ слушателемъ по Московскому Университету. При его весьма любезной помощи я въ короткое время по-

лучилъ паспортъ съ нѣмецкой визой, позволявшей мнѣ совершенно легально выѣхать въ сферу нѣмецкой оккупации и даже въ Берлинъ. Тогда изъ Совѣтской Россіи нельзя было вывозить болѣе пятисотъ рублей денегъ, но при посредствѣ того же моего слушателя, мнѣ удалось вывести довольно значительную сумму Керенскихъ денегъ, запечатанную имъ въ пакетъ, которому суждено было сыграть особую роль въ моемъ дальнѣйшемъ путешествіи.

Вечеромъ 21-го іюля я пріѣхалъ на Александровскій вокзалъ въ Москвѣ. На вокзалѣ царствовалъ обычный въ то время «революціонный порядокъ». До отхода поѣзда было еще два часа, но онъ весь былъ перегруженъ пассажирами. Ѣхали преимущественно польскіе уроженцы, возвращавшіеся на родину съ остатками домашняго скарба. Красноармейцы ходили по вагонамъ, повѣряли документы, выбрасывали вещи изъ оконъ и высаживали плачущихъ бабъ. Кто то выстрѣлилъ изъ винтовки, какому то несчастному прострѣлили ногу. Его пронесли на носилкахъ по платформѣ. Я стоялъ съ носильщикомъ въ сознаніи полной невозможности сѣсть въ поѣздъ. Видно было, что выѣздъ мой въ этотъ день не удастся, если только не попасть въ одинъ вагонъ перваго класса, который охраняли красноармейцы. Въ немъ помѣщались нѣсколько нѣмецкихъ офицеровъ и еще какія то статскія лица. Я рѣшилъ попытаться проникнуть въ этотъ вагонъ во что бы то ни стало. «Не выѣдешь сегодня, выѣдешь ли завтра», — думалъ я. Надо сказать, что возможность выѣзда за границу была въ то время столь невѣроятной, что я до послѣдняго момента не вполне былъ увѣренъ въ дѣйствительности всего, со мною происходящаго. Мнѣ иногда казалось, что все это я вижу во снѣ и что въ концѣ концовъ обманъ обнаружится и что вмѣсто Берлина проснусь я въ жилищномъ отдѣлѣ у себя на Полянкѣ, куда приходилось ходить каждый день — устраивать пренепріятныя дѣла по поводу реквизиціи нашего дома.

Я вступилъ въ переговоры со стражей, побуждаемый къ тому моимъ носильщикомъ.

«Сюда нельзя, товарищъ!» — объяснили мнѣ. — «Здѣсь для дипломатическихъ курьеровъ».

Я сталъ объяснять, что, хотя я и не курьеръ, но все же командированъ за границу правительствомъ. Носильщикъ мой, помню, горячо меня поддерживалъ. Онъ почему то очень сочувствовалъ моему выѣзду за границу. «Товарищемъ» онъ меня не считалъ и даже называлъ бариномъ.

Мой паспортъ подвергся продолжительному осмотру. Не было признаковъ, чтобы дѣло пріобрѣтало благопріятный для меня оборотъ.

«Да не курьеръ вы», — рѣшительно заявилъ одинъ изъ стражи. И какъ бы желая окончательно ликвидировать дѣло, рѣшилъ уничтожить меня вопросомъ, на которомъ я и выигралъ всю игру.

«А пакетъ у васъ есть? Пакетъ дипломатическій имѣете ли?» — Въ учрежденіи, отъ котораго я получилъ командировку, мнѣ дали разрѣшеніе на вывозъ нѣкоторой суммы денегъ. Представивъ это удостовѣреніе при выдачѣ заграничнаго паспорта, я возбудилъ просьбу о томъ, чтобы сумма эта была запечатана въ пакетъ для безпрепятственнаго перевоза черезъ границу. Удовлетворенія этой просьбы мнѣ удалось съ трудомъ добиться. А что если показать этотъ пакетъ — пришла мнѣ смѣлая мысль. Пакетъ былъ запечатанъ пятью казенными печатами и производилъ весьма импозантное впечатлѣніе. Я зналъ русскую слабость ко всякаго рода печатамъ.

«Пакетъ есть», — рѣшился заявить я и вытащилъ его изъ чемодана.

Минута была опасная. Внутренно я очень волновался, опасаясь того, что не сяду въ поѣздъ и лишусь къ тому же денегъ.

Красноармеецъ вертѣлъ въ рукѣ пакетъ и, видимо, колебался. Печати производили магическое дѣйствіе. Я почувствовалъ, что сдѣлалъ вѣрный ходъ.

«А въ пакетѣ что?» — въ нерѣшительности спросилъ онъ меня.

«Этого я вамъ не обязанъ говорить».—

«Да пускай садится», — сказалъ кто то изъ стражи. «Проходите въ вагонъ».

Путешествовавший по Россіи Уэльсъ сказалъ въ своей небезызвѣстной книгѣ, что совѣтское правительство есть одно изъ самыхъ наивныхъ правительствъ въ мірѣ. И дѣйствительно степень наивности его измѣряется степенью простоты русскаго народа. Приспосаблиаясь къ ней, оно принуждено быть наивнымъ даже въ своемъ макіавелизмѣ. А русскій народъ при всей своей смѣтливости въ иныхъ дѣлахъ бываетъ ребячески простъ въ другихъ.

«Ну, баринъ, здорово отдѣлались, подвезло», — говорилъ мнѣ носильщикъ, водружая вещи на полку. «Счастливаго пути... Эхъ, и самъ куда нибудь уѣхалъ бы, хоть къ чертовой матери отъ этой свободы»...

Онъ былъ рослый, крѣпкій мужикъ съ окладистой бородой. Мѣсяца за два до отъѣзда я сидѣлъ вотъ съ такими же за самоваромъ въ Ярославской губерніи и разговаривалъ на современные темы. Запали мнѣ въ душу слова одного изъ нихъ, мѣстнаго мельника:

«Повѣрьте», — говорилъ онъ, — «такая у меня тоска на душѣ, такая тоска, что даже сна лишился. Выйдемъ съ женой на зарѣ на плотину, приволье, рыба плещетъ, утки въ камышахъ крикаютъ, а у насъ радости нѣтъ. Жена все плачетъ... Тоска»...

Я вѣрилъ тогда, что среди русскаго народа есть еще много чувствующихъ такъ, какъ чувствовали мы, небольшая часть побѣжденной и загнанной интеллигенціи. И я вѣрилъ, что на ней, на этой части будетъ строиться армія для вооруженной борьбы съ совѣтской властью. Это придавало мнѣ особую бодрость въ моемъ далекомъ пути.

Поѣздъ былъ кое какъ укомплектованъ, пассажиры частью высажены, частью втиснуты въ вагоны, но мы не начинали двигаться. Казалось, что мы не тронемся вообще. Было особенно томительнымъ это безнадежное ожиданіе. Наконецъ, произошло какое то живительное движеніе среди военнаго караула на платформѣ, раздался свистокъ и мы немедленно тронулись. Протянулись унылыя мѣста брестскихъ и прѣсенскихъ предмѣстій. Ваганьковское кладбище, огороды у Москвы рѣки, открывающіе послѣдній взглядъ на городъ и потомъ ряды обнищавшихъ подмосковныхъ дачъ. Я чувствовалъ, что сейчасъ обрывается одинъ изъ значительныхъ періодовъ моей жизни. Мысли и воспоминанія покрываго нѣжной грустью прошлаго заполняли мою душу.

Мы занимали въ вагонѣ два отдѣленія. Въ остальной части вагона, отдѣленной дверью, помѣщались какіе то важные совѣтскіе чины, какъ я узналъ впоследствии, настоящіе дипломатическіе курьеры. Я очутился въ обществѣ трехъ нѣмецкихъ офицеровъ, какого то молодого человѣка неопредѣленной профессіи, какъ оказалось, представителя кинематографической фирмы и пожилаго господина изъ нѣмцевъ, образованнаго и пріятнаго собесѣдника, обладающаго къ моему удивленію своимъ лакеемъ, который ѣхалъ въ другомъ вагонѣ и по дорогѣ прислуживалъ «барину», — одинъ изъ парадоксовъ тогдашней Россіи. Господинъ этотъ оказался однимъ изъ извѣстѣйшихъ южныхъ нашихъ помѣщиковъ, нынѣ уже покойнымъ. Сначала мнѣ какъ то было ужасно неловко въ присутствіи нѣмцевъ. Русскій человѣкъ — большой абсолютистъ по своимъ воззрѣніямъ. Для него, ежели уже врагъ, такъ врагъ. А съ нѣмцами мы были четыре года врагами. И нужно было что то переломить въ себѣ, чтобы почувствовать себя способнымъ къ естественной и непринужденной бесѣдѣ. Да и вообще первое время разговоръ не клеился, всѣ какъ то приглядывались другъ къ другу. Даже нѣмецкіе офицеры разговаривали между собой вполголоса. Однако, когда мы проѣхали первыя станціи, разговоръ постепенно завязался. Впечатлѣнія покинутой нами Москвы — вотъ была первая его тема.

«Но это ужасно, ужасно, что мы видимъ у васъ въ Москвѣ», — говорилъ, горячася, маленький, картавый лейтенантъ съ моноклемъ. «Что это терроръ?»...

То, что дѣлалось тогда въ Москвѣ, для cadaго мало мальски разумаго иностранца не могло не представляться безобразіемъ и ужасомъ. Особенно для

тѣхъ, кто видѣлъ ранѣ императорскую Россію, поражавшую своимъ величіемъ и могуществомъ. Однако, могущество, впавшее въ ничтожество, еще болѣе внушаетъ чувство презрѣнія, чѣмъ ничтожество простое и заурядное. И въ общемъ, несмотря на возмущеніе московскими порядками, у собесѣдниковъ моихъ несомнѣнно проглядывало это презрѣніе къ Россіи. «Ничего иного вамъ свиньямъ и не подобаетъ», — такъ сквозило изъ нѣкоторыхъ рѣчей ихъ. И тогда я уже замѣтилъ, что ихъ возмущеніе совѣтскимъ строемъ всего менѣе есть возмущеніе, вызванное сочувствіемъ и потому требующее какихъ то актовъ противодѣйствія тѣмъ, кто былъ виновникомъ происшедшаго. Напротивъ, московскіе порядки разсматривались такъ, что какъ будто они могли быть выгодно использованы нѣмцами.

Разговоръ естественно вращался около волнующей всѣхъ темы о необходимости германской оріентаціи въ Россіи. Тогда въ Москвѣ это было еще очень острый вопросъ, связанный съ Украиной, съ гетманомъ, съ недавнимъ выступленіемъ Милокова и надеждами на скорую германскую оккупацию центральной Россіи. Русскій кожный помѣщикъ изъ нѣмцевъ естественно оказался яркимъ сторонникомъ германской оріентаціи. Съ возмущеніемъ подчеркивалъ онъ, что русское общество не можетъ понять, что спасеніе Россіи въ рукахъ Германіи и отъ вратительно относится къ нѣмцамъ. Для меня этотъ вопросъ ставился тогда ясно и просто: если Россію можно спасти при помощи нѣмцевъ, то нужно идти съ Германіей. Только хотятъ ли этого спасенія нѣмцы и могутъ ли оказать помощь? Я такъ и ставилъ вопросъ, но не получилъ опредѣленнаго отвѣта ни на первую, ни на вторую часть его. Какъ только разговоръ переходилъ отъ общихъ мѣстъ къ опредѣленнымъ выводамъ и требовалъ точныхъ отвѣтовъ, нѣмцы надувались, замолкали или принимали загадочный видъ. Но видъ этотъ не сулилъ приятныхъ сюрпризовъ и ни къ чему не обнадеживалъ. Скорѣе можно было почувствовать, что нѣмцамъ вовсе не до того, чтобы спасти Россію. Ситуація эта тогда мнѣ была совершенно не ясна и не понятна, но она стала совершенно понятной и ясной черезъ двѣ-три недѣли послѣ пріѣзда въ Берлинъ.

Такъ незамѣтно за разговорами перевалили мы за Смоленскъ и стали подвигаться къ Оршѣ. Мелькали посѣрѣвшія печальныя станціи, переполненные сѣрой одѣтой въ защитный цвѣтъ толпой. Этотъ сѣрый цвѣтъ окрасилъ тогда великую Русь. Нѣкто сѣрый загулялъ по русскимъ полямъ и, казалось, долго будетъ онъ здѣсь гулять, смазывая все цвѣтное, яркое, и накладывая на все свою страшную тѣнь.

Въ Оршу мы пріѣхали поздно. Здѣсь сильно пострѣливали. То близко отъ полотна желѣзной дороги бухнетъ винтовка, то вдали раскатятся выстрѣлы, аккомпанируемые четкимъ трескомъ пулеметы. Мнѣ показалось, что нѣмцы наши чѣмъ то были обезпечены, особенно когда нашъ вагонъ отцѣпили, повели впередъ и поставили гдѣ то во тѣмѣ, — въ зонѣ между нѣмецкой оккупацией и совѣтской Республикой. Изъ разговоровъ мы узнали, что на дняхъ здѣсь происходилъ бой между какими то частями совѣтскихъ войскъ. Послѣ долгаго стоянія въ темнотѣ къ намъ подошелъ отрядъ людей въ шлемахъ — первый нѣмецкій патруль. Нѣмцы наши сразу воспрянули духомъ и оживленно переговаривались со своими. Наши документы осмотрѣли, прицѣпили паровозъ и перевезли на Оршу Нѣмецкую. Она походила на какую-то маленькую пограничную станцію на бывшей польской границѣ. Россія здѣсь какъ бы докатилась до своихъ естественныхъ предѣловъ и уже изсякла. Два три случайно замѣшавшихся русскихъ лица, а остальное все уже германское. Странно и непривычно было видѣть этотъ образцовый военный порядокъ, эти уже позабытые обычаи и нравы, невольнo вызывавшіе воспоминанія изъ прежнихъ путешествій. И какъ бы не вѣрилось, что власть сѣраго цвѣта уже миновала, какъ дурной сонъ, что снова попалъ въ условія гражданскаго быта. Было поздно и я легъ спать.

Когда я проснулся, вокругъ уже былъ давно знакомый полѣсскій пейзажъ. Мы подъѣзжали къ какой то станціи, на которую выбѣжалъ я съ большимъ лю-

бобытствомъ. Приходилось ли вамъ когда либо, послѣ долгой разлуки, гдѣ нибудь на перепутьѣ, въ чужой новой обстановкѣ, увидѣть вдругъ старое, давно знакомое, милое и даже, можетъ быть, родное лицо. Безучастно смотреть оно уже поблекшимъ взглядомъ вокругъ, не видитъ и не замѣчаетъ васъ, а у васъ въ душѣ въ то время, мгновенно и мимолетно, встаютъ, какъ живыя, умершія тѣни прошлаго. Такъ, на первой полѣской станціи, внезапно мелькнула передо мной и на мигъ ожила тѣнь старой Россіи. Я увидѣлъ ея забытое и знакомое лицо, — не знаю, въ чемъ увидѣлъ, въ краяхъ ли черного хлѣба, продаваемого бабой на платформѣ, въ старомъ ли станціонномъ служителѣ, въ погонахъ ли и жакетомъ околѣшъ какого то кавалерійскаго ротмистра, проходившаго по перрону, или же просто въ отсутствіи сѣраго и въ своеобразномъ порядкѣ общей жизни. Но только на одинъ мигъ показалось мнѣ, что это старая Русь. Два-три мгновѣнія — и увидѣлъ я другой складъ лица, новыя измѣнившіеся не къ лучшему черты. Какая то тихая задумчивая грусть, какой то мертвенный отблескъ лежалъ на всемъ. Казалось, то сѣрое и сюда успѣло набросить свою тѣнь, — на все, и на лица людей, и на околѣшъ кавалерійскаго ротмистра, и на красненькое зданіе станціи. И только ярко блестѣлъ надъ всѣмъ нѣмецкій караульный штыкъ.

На слѣдующій день утромъ мы прибыли въ Минскъ. Городъ имѣлъ видъ нѣсколько запустѣлый и обнищавшій, но до роскоши богатый по сравненію съ совдепскими городами. Базаръ и лавки были полны провизіей. Въ парикмахерской меня полили одеколономъ, въ ресторанѣ угостили водкой, борщемъ и разными другими пріятными некоммунистическому желудку кушаньями. Во время обѣда я обнаруживалъ, повидимому, необычный аппетитъ, такъ какъ я замѣтилъ, что многіе не меня смотря не безъ удивленія. Хозяинъ подошелъ ко мнѣ изъ за стойки и спросилъ, не изъ Россіи ли я? Видно было, что Россія отсюда лежитъ такъ же далеко, какъ и Америка. Я сталъ рассказывать о Москвѣ; собралась группа людей, съ удивленіемъ слушавшая, что въ Москвѣ можно обѣдать только въ общественной столовой, что конина тамъ обычное, занесенное въ карточку блюдо, что хлѣба такого мы уже давно не видали. Путешественникъ изъ Москвы былъ въ Минскѣ въ то время большой рѣдкостью, и рассказы мои слушались съ глубокимъ интересомъ. Я въ свою очередь спрашивалъ моихъ собесѣдниковъ о жизни въ Минскѣ, о германской оккупаци и о германскихъ порядкахъ. Жалобъ я отъ нихъ не слышалъ, но они открыто высказывали боязнь, что скоро это можетъ кончиться и нѣмцы могутъ уйти.

Изъ Минска сообщеніе на Германію было тогда не черезъ Варшаву, а черезъ Ковно и Вержболово. Шелъ маленькій поѣздъ изъ трехъ вагоновъ, въ которыхъ почти не было пассажировъ. Нѣмцы не слишкомъ поощряли въ этихъ мѣстахъ свободное передвиженіе населенія. Въ вагонѣ оказались тѣ же нѣмецкіе офицеры — помѣщикъ застрялъ въ Минскѣ — и еще два новыхъ попутчика. Они ѣхали съ нами изъ Москвы въ другой части нашего старого вагона. Это были настоящіе курьеры съ визами. Одинъ изъ нихъ товарищъ К...ій, конечно псевдонимъ, другой, совсѣмъ мальчикъ лѣтъ 18, полякъ изъ Лодзи, социалистъ-интернаціоналистъ, какъ онъ себя величалъ. Они уже не первый разъ совершали этотъ путь и совершенно откровенно рассказывали о своихъ визитахъ минскимъ коммунистамъ и объ агитаціонныхъ цѣляхъ, которые они выполняютъ во время своихъ курьерскихъ миссій. Младшій долженъ былъ на обратномъ пути посѣтить Лодзь для связи съ польскими коммунистами. Онъ выражалъ надежду, что скоро польскій пролетаріатъ возстанетъ и сброситъ германское иго. Я не знаю, понималъ ли кто нибудь изъ нѣмецкихъ нашихъ спутниковъ по русски, но все это рассказывалось при нихъ вслухъ, безъ всякой предосторожности. Неужели нѣмцы это могутъ терпѣть? — думалъ я. Я получилъ твердое убѣжденіе, что все рассказанное было не мальчишеская болтовня, а дѣйствительные приемы большевистской пропаганды. Причемъ германскія власти, какъ я убѣдился, вполнѣдѣйстви сѣ полнѣйшимъ признаніемъ и по всѣмъ правиламъ международной вѣжливости обхо-

дѣлились съ этими курьерами. При этихъ условіяхъ, вооружившись курьерскими документами, можно было натворить не мало дѣлъ.

Товарищъ К...ій съ нѣскольکو смѣшной важностью поддерживалъ престижъ совѣтскаго курьера. Вообще онъ былъ оболоченъ ореоломъ совѣтской власти. На одной изъ станцій мы купили приложенія къ нѣмецкимъ газетамъ съ рисунками. Тамъ былъ изображенъ посолъ Іоффе въ цилиндрѣ съ зонтикомъ, стоящій рядомъ съ автомобилемъ. Товарищъ К...ій пришелъ, помню, по этому поводу въ полный восторгъ.

«Смотрите», — говорилъ онъ, «какого мы назначили?.. Ну развѣ не представительный? Какъ же вы находите? Въ такой дѣятельности нужна представительность...»

Выѣхавъ изъ Минска на Молодечно мы постепенно стали приближаться къ линіи прежняго германскаго фронта. Все чаще стали попадаться еще не возстановленные слѣды военныхъ разрушеній, — разваленные и сгорѣвшіе дома, станціи, пробитыя снарядами, тянувшіяся лентами проволочныя загражденія и зіяющія щели окоповъ. Лѣса были мѣстами срублены и деревья валялись, то кучами, то по одиночкѣ. Мѣстами стояли кресты на земляныхъ могилахъ — безвѣстные памятники безвѣстныхъ бойцовъ. Мы въѣзжали въ нѣмецкую оккупационную зону въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — въ области, которые должны были отойти отъ Россіи по Брестскому договору. Страна стала походить на военный лагерь. Гражданское населеніе исчезло съ видамаго изъ вагона горизонта.

При отъѣздѣ изъ Минска я не запасся провизіей, рассчитывая на нормальныя условія старыхъ путешествій. Я заплатилъ за эту непредусматрительность, такъ какъ отъ Минска до Берлина я не видѣлъ ни одной желѣзно-дорожной станціи, на которой можно было бы получить что либо съѣстное за исключеніемъ отвратительной коричневой жидкости, именуемой кофе. Съ въѣздомъ въ эти земли исчезло съ видимымъ гражданскимъ населеніемъ и сравнительное изобиліе матеріальныхъ благъ, которое наблюдалось отъ Минска до Орши. Старый Вержболовскій вокзалъ, блиставшій ранѣе своимъ буфетомъ, оказался полуразрушеннымъ. Таможенный и полицейскій осмотръ происходилъ въ сколоченномъ изъ досокъ баракѣ, пристроенномъ къ одной изъ внутреннихъ стѣнъ лишеннаго крыши стараго вокзальнаго зданія. Съ Вержболова поѣздъ пошелъ не на Кенигсбергъ, а на старую Александровскую границу. Мы опять ѣхали по линіи старыхъ жестокихъ боевъ на восточно-прусской границѣ. Но здѣсь слѣды войны уже почти исчезли. Кое гдѣ виднѣлись остатки прежнихъ окоповъ и проволочныхъ загражденій. Земля была воздѣлана, какъ раньше, на поляхъ зрѣлъ хлѣбъ. Всего болѣе поражалъ видъ новизны сельскихъ построекъ, сдѣланныхъ, видно, по одному архитектурному плану и напоминающихъ образцовые домики на выставкахъ.

То зрѣлище большого военнаго лагеря, которое поразило меня уже въ области нѣмецкой оккупации, еще болѣе оформилось при въѣздѣ въ подлинно германскія владѣнія. Поѣздъ шелъ черезъ столь знакомыя по прежнимъ путешествіямъ города—Торнъ, Бромбергъ, Франкфуртъ на Одерѣ, гдѣ, бывало, схватывались первыя нѣмецкія впечатлѣнія. Сейчасъ здѣсь все было до крайности милитаризовано. Встрѣчныя поѣзда были наполнены одними военными. Военное одѣяніе преобладало и на станціяхъ. Только женщины и дѣти, провожавшія наряженныхъ въ каски и вооруженныхъ съ ногъ до головы людей, вносили нѣкоторое разнообразіе въ нѣмецкій «униформъ». И сколько траурныхъ одѣяній мелькало въ этой толпѣ, въ которой много было плачущихъ лицъ? Сколько было убитыхъ отцовъ, мужей и братьевъ? Военные поѣзда грузились и двигались на Западъ, въ царство смерти. Другіе, встрѣчныя везли людей на востокъ, на Украинскіе хлѣба.

Мы двигались томительно долго. Только черезъ сутки послѣ выѣзда изъ Минска начали мелькать передъ нами берлинскія предмѣстья — большіе пятиэтажные дома, стоящіе посреди полей и огородовъ, чахлый лѣсъ, карликовые участки, застроенные шаламами, въ которыхъ ютятся лѣтомъ семьи рабочихъ и

ремесленниковъ. Надъ горизонтомъ протянулась полоса черного дыма, висѣвшая надъ столицей. Вотъ и Берлинъ, вотъ первыя городскія остановки. Здѣсь, въ среди городской толпы, было болѣе не одѣтыхъ въ форму, частныхъ лицъ «Униформъ» уже наблюдался въ состояніи болѣе разжиженномъ. Пахнуло старымъ Берлиномъ въ вечерній его часъ, когда запираются магазины и многолюдная толпа бѣжитъ на станціи городскихъ желѣзныхъ дорогъ. Толпа эта, какъ и въ старину, наполняла тротуары, но новымъ казалось одно — полнѣйшее отсутствіе экипажей на мостовыхъ. Въмѣсто безчисленныхъ автомобилей и извозчиковъ зіяла пустота дѣвственно вымытаго и вылощенного асфальта. Меня это удивило, такъ какъ я не зналъ, что въ Германіи въ то время уже почти вышли всѣ резиновыя шины и всѣ лошади.

Вокзалъ Фридрихштрассе былъ разваленъ и недостроенъ. Прежде всего бросалось въ глаза отсутствіе той чистоты, которая прежде составляла отличительную черту Берлина. Я назвалъ съ трудомъ отысканному носильщику близъ лежащій отель и съ волненіемъ вышелъ съ перрона. Все та же давно знакомая площадь, та же берлинская толпа. Порталъ отеля поразилъ меня блескомъ электрическихъ лампъ, чистотой одежды и непривычной роскошью. Удивительно было это первое впечатлѣніе возврата въ прежнія условія жизни отъ нищеты и убожества Совѣтской Россіи. Россія и раньше казалась бѣдной передъ западомъ, но теперь ощущеніе этой бѣдности было еще сильнѣе. А это былъ Берлинъ въ послѣдніе мѣсяцы войны, — тотъ Берлинъ, который такими мрачными чертами описывалъ Келлерманъ въ своемъ романѣ «9-ое ноября». Да, иностранцы даже и понятія не имѣли о степени того мрачнаго разрушенія, которое произвела у насъ революція.

Памятны мнѣ эти первыя впечатлѣнія берлинской жизни. Мнѣ дали прекрасную комнату съ чистымъ бѣлымъ и ванной. Горничная и корридорный называли «товарищемъ» и не обнаруживали никакъ чертъ нашего совѣтскаго «демократизма». Сначала меня тревожило одно — это необходимая явка въ полицію. Послѣ многочисленныхъ опытовъ хожденія по совѣтскимъ учрежденіямъ, я получилъ непобѣдимое отвращеніе ко всякаго рода администраціи. Черту эту я замѣтилъ не только у себя, но и у всѣхъ позднѣе прибывавшихъ изъ Совдепіи. Она ходили прописываться въ участокъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ, вѣроятно, ходятъ въ чрезвычайку. Признаться, и я былъ тогда въ подобномъ настроеніи. Однако, я былъ принятъ въ участкъ чрезвычайно вѣжливо. У меня тогда уже мелькнула мысль, что нѣмцы стали, что называется, шелковыми, — мысль, въ справедливости которой мнѣ не разъ въ послѣдствіи пришлось убѣдиться. Съ легкой душой возвращался я изъ полиціи въ отель, обурѣваемый однимъ желаніемъ — утолить свой невѣроятный голодъ. Я не ѣлъ приблизительно съ Минска. Ресторанный залъ отеля былъ полонъ гостями. Столы блистали бѣлыми скатертями, — правда, какъ я замѣтилъ, сдѣланными изъ японской бумаги. Я съ нетерпѣніемъ попросилъ карточку кушаній и сразу нѣсколько охладѣлъ. Супъ — зачеркнутъ, рыба — зачеркнута, закуски — зачеркнуты, овощи — зачеркнуты. Вообще все зачеркнуто, кромѣ одного блюда, именуемаго *Lammbraten*. Я заказалъ это самое блюдо.

«Есть у васъ карточки на хлѣбъ и картофель?» — спрашиваетъ кельнеръ. — «Нѣтъ!» — «Тогда вы не можете получить хлѣба и картофеля». —

Начались продолжительныя выясненія этого вопроса, въ результатѣ которыхъ мнѣ согласились подать впредь до полученія карточекъ только одного картофеля.

Послѣ нѣкотораго ожиданія на столѣ у меня появляется, наконецъ, *Lamm* съ двумя кусочками картофеля. Съ нетерпѣніемъ и жадностью набрасываюсь я на первый кусокъ, — но, о ужасъ, — *Lamm* оказался старымъ вонючимъ козломъ. Мясо было столь отвратительно, что я не могъ доѣсть его, несмотря на весь

мой голодъ. Я всталъ изъ за стола злой и голодный отправился гулять на Фридрихштрассе.

Она была еще по прежнему блистательно освѣщена. Въ кафэ «Викторія» были выставлены обольстительные торты съ какимъ то фантастическимъ розовымъ кремомъ. «Вотъ, что, наконецъ, я сѣмъ», — рѣшилъ я и зашелъ въ кафэ.

Мнѣ подали чашку черной жидкости — ее, говорятъ, дѣлали изъ жженныхъ конскихъ каштановъ. «Вы можете получить только одинъ кусокъ торта», — заявилъ мнѣ кельнеръ. — «Два запрещено». Я получилъ одинъ тортъ. Изъ бутылочки бѣлой жидкости по примѣру сосѣда я покапалъ въ чашку — получилось нѣчто сахаристо сладкое. Я предвкушалъ голодными совдепскими глазами мой тортъ. Но тарту суждено было привести меня уже въ веселое настроеніе. Я не могъ подозрѣвать, чтобы серьезно можно было изощряться въ такомъ надувательствѣ: кремъ былъ сдѣланъ изъ какой то мыльной пѣны, а бисквитъ — я не знаю изъ чего — изъ толченой соломы или изъ торфа. «Ну, пожалуй, такъ войны не выиграешь», — подумалъ я.

На слѣдующее утро я получилъ въ конторѣ отеля продовольственные карточки для путешествующихъ — срокомъ на одну недѣлю — на хлѣбъ, картофель и мясо. Мнѣ дали денную порцію хлѣба, которую я всю сѣлъ тотчасъ же утромъ. Хлѣбъ былъ пріятный на видъ, но совершенно безсодержательный въ смыслѣ насыщенія. Мнѣ казалось, все равно сѣсть его или соответствующее количество бумаги. Я въ два дня сѣлъ всю мою недѣльную порцію мяса. Мало мальски сносная порція въ ресторанѣ требовала половиннаго количества недѣльных мясныхъ марокъ. Къ тому же мясо, подаваемое въ ресторанѣ, было настолько вывареннымъ и лишеннымъ всѣхъ питательныхъ свойствъ, что оно совершенно не насыщало. Сахаръ отсутствовалъ въ пищѣ. Въ кафэ можно было получать то, что называлось мармеладомъ, но этотъ продуктъ обладалъ характеромъ какого то свекловичнаго тѣста. Потомъ я прочелъ въ газетахъ, что въ Германіи были десятки судебныхъ процессовъ, на которыхъ фигурировали производители мармеладовъ. На одномъ изъ нихъ прокуроръ сказалъ, что производимый фабрикой „sogar für die Pferde schädlich“...

Для меня стало совершенно яснымъ, что продовольственные условія въ Совѣтской Россіи были не хуже, если даже не лучше, чѣмъ въ Германіи. Только у насъ не было никакой организаціи, а здѣсь все дѣло было въ организаціи. Однако, скоро и организація эта представилась уже не такой совершенной. Дней черезъ пять, растративъ, какъ блудный сынъ, всѣ свои продовольственные запасы, я впалъ въ состояніе полного угнетенія, изъ котораго былъ выведенъ однимъ встрѣтившимся стариннымъ пріателемъ, посовѣтовавшимъ мнѣ переѣхать къ нему въ пансіонъ. Въ пансіонѣ этомъ я платилъ 12 марокъ въ день и получалъ также довольно ограниченное и достаточно фальсифицированное питаніе. Однако, я уже въ первый день замѣтилъ, что каждый жилецъ, кромѣ хозяйской пищи, имѣетъ еще свой приватный подкормъ. Вскорѣ научили, какъ это дѣлается. Я далъ сто марокъ почтальону и черезъ два дня получилъ изъ Бранденбурга по почтѣ пакетъ съ масломъ. По спекулятивнымъ дѣламъ и обходными путями можно было достать все. Германія оказывается жила двойной жизнью, — одна была тощая жизнь военнаго социализма, другая сытая жизнь спекуляціи. Черезъ недѣлю — другую я былъ уже своимъ человекомъ въ Берлинѣ. Я зналъ, въ какой ресторанъ нужно зайти и за какой столъ сѣсть, чтобы въ любое время, безъ всякихъ карточекъ, сѣсть сколько угодно мяса и хлѣба. Война и военный социализмъ разложили основанный на принципахъ средней протестантской честности экономическій бытъ Германіи. Обходъ закона и тайная торговля стали обычными явленіями.

Съ жадностью набросился я въ Берлинѣ на газеты. Периодическая печать въ Германіи во время войны была введена въ рамки строгой цензуры и всѣ газеты стали почти официальными. Оттого по германскимъ газетамъ нельзя бы-

ло получить безпристрастнаго представленія о соотношеніяхъ силъ въ европейской войнѣ. Однако, къ чести нѣмцевъ нужно сказать, въ Берлинѣ совершенно свободно продавались почти всѣ иностранныя — и французскія, и англійскія, и итальянскія газеты, — за исключеніемъ небольшого количества специально германофобскихъ изданій, ввозъ которыхъ былъ запрещенъ въ Германію. Понятно, что чтеніе газетъ этихъ было для меня настоящимъ откровеніемъ. И уже черезъ нѣсколько дней мнѣ изъ чтенія этого сталъ яснымъ отвѣтъ на основной волновавшій меня тогда вопросъ — вопросъ объ исходѣ мировой войны. Какая разница настроеній и чувствованій ощущалась при чтеніи германской періодической прессы и газетъ Антанты. Здѣсь, въ Германіи — отсутствіе всякаго энтузіазма, суровая подавленность, оффиціальная и лапидарно выраженная ложь объ успѣхахъ, ослабленная постоянными напоминаніями о серьезности современнаго положенія, о продовольственной нуждѣ, о разныхъ неустройствахъ и бѣдствіяхъ. Тамъ — твердая увѣренность людей, которые знаютъ, что дѣло трудно, но что во всякомъ случаѣ они его окончатъ съ успѣхомъ, несмотря на всѣ неудачи. Сила Антанты опредѣлялась не оффиціальными донесеніями о нерѣдко неуспѣшныхъ дѣйствіяхъ на фронтѣ, а общимъ тономъ жизни и чувствованій народовъ, ее составляющихъ. Каждая страница французскихъ или англійскихъ газетъ, начиная съ передовиковъ и кончая публикаціями, свидѣтельствовала о томъ, что, несмотря на величайшія потрясенія, Антанта живетъ еще нормальной жизнью; а, главное, увеличиваетъ съ каждымъ днемъ свою военную мощь. Германія же разрушалась и добѣдала послѣднія крохи своей картошки. Когда человекъ твердитъ, что онъ еще богатъ и можетъ жить, вы подозреваете, что у него уже ничего нѣтъ. Богатый просто ведетъ соотвѣтствующій образъ жизни. Такъ вела, судя по газетамъ, свою жизнь Антанта. Германія же тщетно хотѣла прикрыть свои неизлѣчимыя раны.

Но были и другія, нерѣдко тонкія и неуловимыя, черты, изъ которыхъ мнѣ уже въ теченіе первыхъ недѣль моего пребыванія въ Берлинѣ почувствовалось, что нѣмцы побѣдить не могутъ. Помню, я сидѣлъ однажды въ маленькомъ, обсаженномъ каштанами скверѣ, которыхъ много въ западной части города. На лавочку ко мнѣ подсѣлъ солдатъ съ женой и съ ребенкомъ. «Знаешь, мы воюемъ только до новаго года», — сказалъ онъ женѣ. — «А потомъ бросимъ винтовки и идемъ домой...»

— Что ты говоришь? — съ испугомъ отвѣтила жена. — Вѣдь это преступленіе...

— Преступленіе... А кто же насъ будетъ наказывать, когда мы всѣ до одного откажемся воевать?..

Какъ знакомы были мнѣ эти разговоры, которыхъ мы достаточно наслаждались въ Россіи? И это былъ не единственный случай. Мнѣ часто приходилось ѣздить въ трамваѣ, который идетъ изъ фабричнаго района Шпандау и въ которомъ всегда ѣхало много рабочихъ и бабъ. Разговоры ихъ были чисто русскіе — изъ эпохи Временнаго Правительства. «Довольно, молъ, попили нашей кровушки и скоро придетъ время, когда мы будемъ жить вотъ въ этихъ квартирахъ и домахъ». Я подѣлился моими впечатлѣніями съ однимъ изъ нѣмцевъ профессоровъ, съ которымъ обѣдалъ въ пансіонѣ. Онъ сталъ увѣрять меня, что эти уличные горланы на самомъ дѣлѣ самые отъявленные патріоты. Въ пансіонѣ я наблюдалъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ съ западнаго фронта. Всѣ они имѣли совершенно больной и нервно истрепанный видъ. Они въ одинъ голосъ говорили, что Антанта задавила Германію своей техникой. — «Это не война! Можно храбро воевать съ врагомъ, но нельзя воевать съ желѣзной машиной. Противъ нея не хватаетъ ни нервовъ, ни физическихъ силъ». Они открыто признавали, что въ настоящій моментъ вопросъ побѣды зависитъ исключительно отъ превосходства техники, но въ этомъ отношеніи Германія, конечно, не можетъ конкурировать съ Антантой и, въ частности, съ Америкой. Вообще говоря, въ Германіи въ то время никто серьезно не вѣрилъ въ побѣду. Говорилось только о болѣе или

менѣе благопріятномъ окончаніи войны. Расчитывали, что Антанта устанетъ, что союзниками разсорятся, что падутъ Клемансо и Ллойдъ Джорджъ—люди, съ которыми не могла вести переговоры Германія. При своей внѣшней сдержанности нѣмцы, конечно, никогда не упоминали о томъ, что всѣ эти расчеты могутъ и не сбыться и что придется испытать прямое военное пораженіе. Эта возможность всегда входила въ разговоры и замалчивалась, однако, несомнѣнно болѣе дальновидные люди не считали и ее исключенной. Но вотъ, что я рѣшаюсь категорически утверждать и что чрезвычайно меня поражало: даже весьма проницательные люди въ Германіи совершенно искренне, по моему мнѣнію, не учитывали всѣхъ послѣдствій этого возможнаго пораженія и его неизбежно трагическаго конца. Русскій опытъ не далъ никакихъ уроковъ Германіи. Что въ Германіи возможна исторія, подобная русской—эта мысль еще въ сентябрѣ 1918 года казалась нѣмцамъ просто невѣроятной и смѣшной.

Вообще говоря, я скоро замѣтилъ, что самое обсужденіе вопроса о германской побѣдѣ въ предѣлахъ Германіи казалось невозможнымъ. А вмѣстѣ съ этимъ отпалъ вопросъ и о германской оріентаціи въ Россіи — вопросъ, который такъ много волновалъ меня въ Москвѣ. Планъ этой оріентаціи отсюда казался плодомъ полнаго незнакомства съ западно-европейскимъ военнымъ и политическимъ положеніемъ — незнакомства, позволительнаго для обывателя, но совершенно недопустимаго для политика-профессіонала. Нужно было обладать значительной долей политическаго легкомыслія, чтобы сколько нибудь серьезно расчитывать на выполненіе этого плана и съ нимъ связывать будущія судьбы Россіи.

Впечатлѣнія, вынесенныя мною въ Германіи, менѣе всего располагали къ тому, чтобы въ ней длительно оставаться. Мнѣ ясно было, что ставка на Германію бита и ни съ какой стороны Германія не можетъ быть базой для борьбы съ большевизмомъ. Такимъ образомъ все болѣе и болѣе въ душѣ моей начали расти надежды на Антанту. «Антанта побѣдитъ», — думалъ я, — «и тогда первый ея шагъ будетъ направленъ въ сторону Россіи на позорныхъ измѣнниковъ общему дѣлу, на создателей Брестскаго мира». Вообще, мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы по окончаніи войны Европа могла терпѣть большевиковъ. Я такъ и прорицалъ тогда: «конецъ войны будетъ концомъ большевизма». Мнѣ думалось только, что въ русскихъ интересахъ полезно, чтобы большевизмъ былъ свергнутъ не только иностранными, но и русскими руками. Потому дѣло организацій Бѣлыхъ Армій, къ которымъ, безъ сомнѣнія, должна придти помощь Антанты, казалось мнѣ тогда самымъ нужнымъ и самымъ важнымъ дѣломъ.

Почему то особая надежда возлагалась мною въ то время на Англію. Англійская авантюра въ Архангельскѣ началась еще до моего отъѣзда изъ Москвы и ей то я придавалъ тогда наиболѣе важное значеніе. Я привыкъ думать, что англійскій бульдогъ обладаетъ мертвой хваткой. Да и кто могъ бы тогда предположить, что Британская хватка обломаетъ зубы о русскую кость, какъ она обломала ихъ въ Архангельскѣ и на Югѣ Россіи. Въ силу всего этого вниманіе мое, понятно, было направлено болѣе всего на Сѣверъ Россіи, куда по моимъ тогдашнимъ представленіямъ всего цѣлесообразнѣе было бы выбраться. Я началъ производить развѣдку въ этомъ направленіи, но натолкнулся на непреодолимыя трудности. Изъ Германіи, да и еще русскому, было почти что невозможно выѣхать въ страны Антанты. Можно было еще получить съ большими затрудненіями визу въ сѣверныя нейтральныя страны, но безъ всякаго ручательства оттуда куда нибудь выбраться. Денегъ у меня было не очень густо, и я не могъ пускаться на очень рискованныя авантюры.

Не видя свободнаго пути на сѣверъ, я сталъ думать о югѣ. Игра въ гетманщину была въ моихъ глазахъ проиграна, но тѣмъ болѣе привлекали меня другія южныя движенія, о размѣрахъ и успѣхахъ которыхъ я здѣсь мало зналъ. Тамъ была Корниловская Армія, была какая то Южная Армія, былъ Независимый

Крымъ. Я былъ убѣжденъ, что какъ только рухнетъ нѣмецкій фронтъ, всѣ эти южные опыты получатъ мощную поддержку съ Балканъ и изъ Константинополя. И я началъ пытаться выѣхать на Югъ Россіи.

Долженъ сказать, что послѣ двухъ трехъ-недѣль жизни въ Берлинѣ, я конечно стосковался о Россіи, какъ тоскуютъ о несчастномъ больномъ, родномъ человѣкѣ. Тянуло меня назадъ въ Россію страшно, хотя я и не могъ безъ отвращенія вспомнить о Москвѣ. Но вернуться въ южную Россію было не такъ то легко.

Первымъ дѣломъ я пошелъ къ здѣшнему Украинскому представителю. Меня приняли очень любезно, но очень подозрительно отнеслись къ моему большевистскому паспорту, и сказали, что запросятъ Кіевъ. Потомъ я узналъ, что въ вопросахъ выѣзда украинцы были совершенно безсильны и все зависѣло отъ нѣмецкихъ оккупационныхъ властей. Для ускоренія дѣла я послалъ телеграмму И. А. Кистяковскому. Время шло, но не было ни отвѣта, ни визы. Тогда я началъ хлопотать черезъ нѣмцевъ, но оказалось, что и этотъ путь дологъ. Нужно было разрѣшеніе изъ Штаба оккупационныхъ войскъ въ Ковно, разрѣшеніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и т. д. Такъ въ безплодныхъ ожиданіяхъ протянулось нѣсколько недѣль. Я сталъ терять всякую надежду и отчаивался. Передо мной предсталъ тогда новый планъ: получить право выѣзда обратно въ Москву, доѣхать до Минска, сжечь свой большевистскій паспортъ и попытаться проникнуть изъ Минска на Украину. Для этого нужно было идти въ Русское Совѣтское Представительство на Унтеръ денъ Линденъ. Тамъ я не встрѣтилъ никакихъ формальныхъ препятствій, т. к. паспортъ мой былъ въ полномъ порядкѣ. Въ нѣсколько дней я получилъ обратную визу въ Москву и уже назначилъ день отъѣзда. Но вдругъ неожиданно пришла для меня кіевская виза.

Помню, это былъ одинъ изъ счастливыхъ дней моей жизни. Мнѣ казалось, что сама судьба помогаетъ мнѣ выѣхать на Югъ и осуществить мои планы. Въ туманный октябрскій вечеръ стоялъ я на вокзалѣ Зоологическаго Сада и прощался съ Берлиномъ. Было немного грустно, какъ и всегда передъ отъѣздомъ, но въ то же время и весело; впереди была новая жизнь, впереди было будущее...

Первыя внѣшнія впечатлѣнія отъ Украины были благоприятныя тѣхъ прогнозовъ о ея будущемъ, которыя мнѣ казались тогда вѣроятными. Долженъ подчеркнуть, что изъ всѣхъ видѣнныхъ мною «бѣлогвардейскихъ» политическихъ образований гетманщина была несомнѣнно самымъ блестящимъ и самымъ пропѣтающимъ. Всѣ они жили въ концѣ концовъ за счетъ прошлыхъ богатствъ Россійской Имперіи — и, разумѣется, богатствъ этихъ въ 1918 году въ Кіевѣ было болѣе, чѣмъ поздне въ Екатеринодарѣ и въ Ростовѣ или, наконецъ, въ Крыму у Врангеля. Гетманъ ни съ кѣмъ не велъ войны. Еще неразложившаяся дисциплинированная чужая военная сила обезпечивала здѣсь внѣшнюю безопасность и поддерживала внѣшній порядокъ. Такимъ образомъ правительство гетмана въ значительной степени было освобождено отъ труднѣйшихъ въ революціонную эпоху заботъ — отъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей арміи и полиціи. Поѣзда ходили почти какъ и въ царское время. Карбованецъ не летѣлъ внизъ какъ летѣли денкинскіе «колокольчики». Кіевъ ломился отъ бѣлаго хлѣба, арбузовъ и сахара. Повышеніе цѣнъ не производило впечатлѣнія катастрофы. Дѣлались громадные дѣла, создавались предпріятія и строились планы. «Можно работать», — говорили дѣльцы и спекулянты. И бѣглый, и мѣстный «буржуй» чувствовал себя здѣсь въ своей стихіи. Въ ресторанахъ лилось вино, кафѣ были полны съ утра и до вечера, пестрая толпа покрывала широкіе тротуары Крещатика. Глубоко и невидимо притаились гдѣ-то тѣ страшныя разлагающія силы, которыя каждый мигъ могли снести все это феерическое зданіе, всю эту легко налаженную государственную оперетку съ собственнымъ языкомъ, съ собственнымъ бутафорскимъ войскомъ, одѣтымъ подъ Тараса Бульбу, съ бывшей имперской бюрократіей наверху правительственнаго аппарата, заговорившей по украински для того,

чтобы свалить большевиковъ. Все это было недурно задумано,—но, увы, ошибочна была основная предпосылка — ставка на нѣмцевъ. Удастся эта ставка, кто знаетъ, можетъ быть, и русская исторія пошла бы иначе. Однако, она не удалась и не могла удалась.

Первый визитъ мой въ Кіевъ былъ къ покойному Б. А. Кистяковскому. Покойный Богданъ Александровичъ былъ всегда искреннимъ германофиломъ и не менѣе искреннимъ украинцемъ. Въ эпоху войны въ Москвѣ это отдѣлило его отъ московскаго интеллигентнаго общества, проникнутаго анти-германскимъ духомъ. Революція не способствовала ихъ сближенію, такъ какъ теоретически исповѣдуемый имъ федерализмъ практически соединенъ былъ съ отрицаніемъ права великоруссовъ на гегемонію въ Россіи. Какъ человекъ съ богато выраженной индивидуальностью Б. А. очень оригинально соединялъ свое природное украинофильство съ глубоко продуманнымъ и прочувствованнымъ монархизмомъ. Даже въ первые дни паденія у насъ монархіи, когда всѣ сдѣлались республиканцами, когда защищать монархію казалось просто безуміемъ, онъ открыто и горячо отстаивалъ свой взглядъ, что монархія есть единственно возможная для насъ форма политическаго устройства. Всѣ эти обстоятельства создавали для него на Украинѣ такую политическую обстановку, которая, казалась, какъ бы специально ему приготовлена. Здѣсь были и нѣмцы, и самостійность, и даже видимость монархическаго принципа, воплощеннаго въ лицѣ гетмана. Въ такомъ окруженіи Богданъ Александровичъ былъ какъ бы въ своей стихіи, и жилъ въ полнотѣ надеждъ и вѣры въ свою Украину. Я былъ для него худымъ гостемъ, такъ какъ первый, кажется, принесъ съ собою воздухъ сомнѣнія.

Первый вопросъ естественно былъ о томъ, что въ Германіи и какой можетъ быть исходъ войны. Я началъ освѣщать вопросъ прямо, безъ обиняковъ, какъ я его тогда понималъ. «Нѣмцы кончены»,—говорилъ я,—«къ новому году они лопнутъ». Я привелъ Богдана Александровича буквально въ ярость, какъ можно привести въ ярость человека, которому твердятъ, что бѣлое есть черное. Онъ счелъ всѣ мои сужденія за фантазію, внушенную неумѣньемъ разбираться въ фактахъ и создавшуюся подъ вліяніемъ пристрастнаго отношенія къ Германіи. Ясно было, что всѣ мои германскія впечатлѣнія, какъ бы задѣвали его лично и были противъ него направлены. Я понялъ тогда, что онъ живетъ въ полномъ блаженномъ невѣдѣніи происходящихъ въ мірѣ событій.

И такъ жилъ въ Кіевѣ не онъ одинъ, такъ жили всѣ. Я первый привезъ многочисленнымъ встрѣченнымъ мною здѣсь московскимъ и петербургскимъ бѣглымъ «буржуямъ» это тревожное извѣстіе о возможномъ крушеніи нѣмцевъ и о ненадежности германской оріентаціи, — извѣстіе, которое всѣ встрѣчали съ удивленіемъ, — или сердито, или добродушно, смотря по оріентаціи. Кіевъ жилъ еще въ полной увѣренности въ силу Германіи, на которую опирался весь украинскій политическій порядокъ. И это было въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца 1918 года, то есть недѣли за три до пораженія Германіи и до германской революціи...

Я смотрѣлъ на Кіевъ, какъ на временный промежуточный пунктъ моихъ странствій. Взоры мои были направлены на югъ Россіи, но и отсюда, изъ Кіева, для меня не стало яснымъ, что происходитъ тамъ и гдѣ можно найти наиболѣе надежную точку южно-русскихъ противобольшевистскихъ силъ. Южная армія, повидимому, была блефомъ. Трудно было понять, что происходитъ на Дону и способно ли Донское Казачество оказать сопротивленіе большевикамъ въ случаѣ ухода нѣмцевъ. Повидимому, всего серьезнѣе организація противобольшевистскихъ силъ происходила на Кубани. Однако, въ тѣ дни Добровольческая Армія подвергалась натиску большевиковъ и терпѣла частыя неудачи. На такомъ положеніи трудно было выработать дальнѣйшій планъ дѣйствій. На помощь мнѣ пришелъ случай, помогшій мнѣ избрать ту часть нашихъ южныхъ земель, находившихся въ сферѣ вліянія всѣхъ этихъ силъ, которая могла служить хотя бы

временно хорошимъ мѣстомъ осядлости. Случай привелъ меня изъ Кіева въ Крымъ.

Въ то время Кіевскій Университетъ организовалъ въ Симферополѣ свое отдѣленіе подъ наименованіемъ Таврическаго Университета. Кафедра государственнаго права была тамъ свободна, и я выставилъ на нее свою кандидатуру. Я былъ избранъ на эту кафедру юридическимъ факультетомъ Университета Св. Владимира. Оставались еще выборы въ Совѣтъ. День засѣданія Совѣта былъ уже назначенъ, но выборы мои внезапно не состоялись, т. к. въ день выборовъ получено было изъ Крыма извѣщеніе, что Таврическій Университетъ отложился отъ Кіевского и объявилъ себя самостоятельнымъ. Вслѣдствіе этого Совѣтъ Кіевского Университета не считъ возможнымъ меня выбирать и я попалъ въ довольно необычное и трудное положеніе. Затруднительность положенія особенно обуславливалась тѣмъ, что кіевляне обижались на меня, когда я хотѣлъ непосредственно обратиться въ Симферополь, а не обращаясь туда, я рисковалъ потерять кафедру. Наконецъ, не безъ долгихъ колебаній я рѣшилъ принести въ жертву кіевлянъ. Я послалъ подробную телеграмму въ Симферополь и черезъ нѣсколько дней получилъ извѣщеніе, что избранъ профессоромъ Таврическаго Университета.

Порядокъ этого избранія вѣроятно не имѣетъ прецедентовъ въ нормальной университетской практикѣ.

Отъ Кіева до Харькова ходилъ еще курьерскій поѣздъ и я совершилъ этотъ переѣздъ въ международномъ спальномъ вагонѣ со всѣми удобствами мирнаго времени. Но отъ Харькова въ Крымъ передвиженіе было болѣе затруднительнымъ и неудобнымъ. Харьковскій вокзалъ представлялъ собою зрѣлище нашихъ вокзаловъ революціоннаго времени, и пришлось буквально рисковать жизнью, чтобы добраться черезъ наполненные разнузданной толпой перроны къ Севастопольскому поѣзду. Однако, вагонъ 1-го класса охранялся какими то часовыми и въ него пускали только билетныхъ пассажировъ. Вагонъ оказался пустымъ. Подошедшій послѣ меня единственный попутчикъ помѣстился въ моемъ купѣ, говоря, что такъ будетъ безопаснѣе и пріятнѣе ѣхать, такъ какъ по дорогѣ ненадежно. Онъ рассказывалъ мнѣ про разные ужасы, которые происходили со многими проезжими въ Крымъ, въ районѣ Мелитополя, гдѣ тогда господствовали какія то разбойничьи банды, кажется Махно. Несмотря на это мы совершенно безъ приключеній добрались до сѣверной Тавріи и перевалили на Крымскій полуостровъ. Въ районѣ Мелитополя и за нимъ бросалось въ глаза чрезвычайное обиліе съѣстныхъ продуктовъ на станціяхъ и необыкновенная по сравненію съ Кіевомъ ихъ дешевизна. Южная Россія въ то время и много позднѣе была полной чашей, которую долго не могли исчерпать всѣ военныя передраги и исчерпали наконецъ пришедшіе сюда большевики.

Привѣтливо и гостепріимно встрѣтилъ меня Крымъ. Жизнь въ Симферополѣ походила еще въ то время на жизнь послѣднихъ лѣтъ войны до февральскаго переворота. Хорошій обѣдъ въ Симферополѣ стоилъ три рубля. Городъ былъ заваленъ фруктами и рыбой. Строгій порядокъ охранялся оккупационными германскими отрядами, которыхъ, впрочемъ, было очень незначительное количество. Приходилось удивляться, какимъ образомъ незначительнымъ нѣмецкимъ силамъ удавалось держать въ подчиненіи разбушевавшуюся стихію русской революціи.

Мнѣ не долго пришлось прожить въ Крыму подъ управленіемъ германскихъ оккупационныхъ войскъ. Судьба германской оккупации была предрѣшена проигрывшемъ войнѣ и фактомъ революціи. Не могу сказать, чтобы германская военная власть въ Крыму, сколько мнѣ пришлось наблюдать, проявляла себя иначе, чѣмъ въ другихъ занятыхъ русскихъ областяхъ. И здѣсь она умѣла установить образцовый порядокъ, внушить чувство уваженія, не граничащее съ простымъ страхомъ и, главное, не переходящее въ ненависть. Режимъ, конечно, былъ суровый, военный, но не лишенный основныхъ элементовъ законности и не переходящій

въ безправный произволъ. Положительно могу сказать, что оккупационныя войска Антанты, какъ съ ними мнѣ пришлось познакомиться въ Константинополѣ, вели себя мелочныѣе, безсовѣстнѣе и беззаконнѣе, чѣмъ нѣмцы въ Россіи. Но объ этомъ еще впереди.

Ухода нѣмцевъ и здѣсь всё, не ориентирующіеся на большевиковъ, ждали съ смущеніемъ и страхомъ. Свершился онъ какъ то незамѣтно, и незамѣтно обнаружилась та страшная пустота безвластія, въ которой на нѣсколько дней пришлось погрузиться Тавріи. Помню, днемъ еще игралъ нѣмецкій военный оркестръ въ городскомъ саду и стояли около штаба одѣтые въ желѣзныя каски караулы. По прежнему регулярно происходили ихъ смѣны, хотя смѣнами завѣдывалъ какой-то выборный послѣ паденія кайзера солдатско-офицерскій комитетъ. И днемъ еще нѣмецкій патруль ловилъ при общихъ одобреніяхъ какого то бандита на базарѣ. Но пришла ночь, прогремѣли по улицамъ военныя повозки, прозвучалъ мѣрный военный шагъ и на tutto городъ проснулся, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ и силамъ своего краевого правительства, въ распоряженіи котораго было всего нѣсколько городовыхъ и стражниковъ. И на другой день въ Симферополѣ начались грабежи, налеты и разбои.

— «Придетъ генералъ Деникинъ», — было у всѣхъ на устахъ. И слово это одни произносили съ живымъ нетерпѣніемъ, другіе съ тайной боязнью, третьи съ вскрываемой ненавистью.

Я хорошо помню тотъ ненастный ноябрьскій вечеръ, когда въ Симферополь вступили первые добровольческіе отряды. Моросилъ дождь и сырой туманъ пронизывалъ душу. Въ городѣ было тревожно, ибо фактически не было власти. «Буржуи» попрятались по домамъ, зато на улицы выползли какіе то новые персонажи. Хорошо знакомы они мнѣ теперь послѣ того, какъ я столько разъ наблюдалъ ихъ появленіе всякій разъ, когда пахло грабежомъ и кровью. Я видѣлъ ихъ позднѣе и въ Ростовѣ, и въ Екатеринодарѣ, и опять въ Крыму передъ различными испытанными и пережитыми мною эвакуаціями. И когда я взиралъ на нихъ, я невольно вспоминалъ того «сѣраго», съ которымъ я, какъ казалось мнѣ, навѣки простился тогда въ Оршѣ. «Нѣкто сѣрый» загулялъ въ тѣ дни по улицамъ нашего тихаго городка, собираясь въ кучи, луча сѣмьячки, стоя на углахъ и ругаясь гнусной матерной бранью. И вотъ вдругъ, въ ночной мглѣ опустѣлыхъ улицъ послышался топотъ коней и лязгъ оружія, выросли откуда-то силуэты всадниковъ и прокатилась и прогремѣла славная казачья пѣсня. То прошли первые кубанскіе отряды.

На другой день по улицамъ города прошла и первая пѣхотная часть. Нельзя было смотрѣть на нее безъ чувства глубокаго душевнаго волненія. Шло всего человѣкъ семьдесятъ — все худые, блѣдные, измученные люди. Несмотря на суровую и мокрую осеннюю погоду многіе не имѣли шинелей. На ногахъ у нѣкоторыхъ вмѣсто сапогъ были какія то тряпки. Составъ части былъ до чрезвычайности разнообразенъ — и сѣдой полковникъ, и рядомъ мальчикъ кадетъ. Шли они безъ музыки и безъ пѣсни. Казалось, витали надъ ними тѣни замученныхъ отцовъ и матерей, пепелъ сожженныхъ жилищъ и стоны несравненныхъ обидъ.

И въ тотъ же день на одной изъ улицъ, впервые послѣ долгаго промежутка, вывѣшенъ былъ трехцвѣтный русскій національный флагъ.

Въ городской массѣ описанныя происшествія вызвали немалое смущеніе. На базарѣ и по улицамъ стали собираться кучки народа, какъ это было въ 1917 году, и митинговать. Я не разъ старался прислушаться къ этимъ разговорамъ, чтобы опредѣлить отношеніе демоса къ добровольцамъ. Отношеніе было несомнѣнно отрицательное. «Чего они пришли сюда? Кто ихъ звалъ? Не хотимъ власти генерала Деникина», — вотъ что говорилъ базарь. А трехцвѣтный флагъ и золотые погоны просто возбуждали ненависть, какъ символъ стараго «проклятаго» времени.

Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по крайней мѣрѣ въ Крыму (я не имѣю данныхъ объ Украинѣ), русскій демосъ относился куда спокойнѣе и

сдержаннѣе къ Германцамъ, чѣмъ къ добровольцамъ. Есть въ этомъ что-то смердяковское, таинственно предугаданное въ свое время Достоевскимъ. «Въ двѣнадцатомъ году», — какъ говорилъ Смердяковъ, — «было на Россію великое нашествіе императора Наполеона французскаго перваго... и хорошо кабы насъ тогда покорили эти самые французы: умная нація покорила бы весьма глупую-съ и присоединила бы къ себѣ. Совсѣмъ даже были бы другіе порядки-съ»... Больно писать объ этомъ, но у меня есть увѣренность, что смердяковское умонастроение было у насъ широко распространено. «Я всю Россію ненавижу, Марья Кондратьевна... Я не только не желаю быть военнымъ гусарикомъ, но желаю, напротивъ, уничтоженія всѣхъ солдатъ съ»... Можетъ быть въ глубокомъ, метафизическомъ смыслѣ здѣсь нужно искать корни отрицательнаго отношенія къ добровольческому движению. Но, конечно, явленіе это имѣло также и свои ближайшія уже чисто опытные причины.

Послѣ ухода германскихъ войскъ въ Крыму установился очень оригинальный и въ высшей степени необычный политическій строй. Существовало правительство, которое не опиралось на какую либо собственную организованную физическую силу, и существовала организованная физическая сила, которая не подчинена была крымскому правительству, а подчинялась собственному военному командованію и даже имѣла собственное гражданское правительство не въ Крыму, а въ Екатеринодарѣ. Отношенія между крымскимъ правительствомъ и правительствомъ Добровольческой арміи едва ли поддаются какимъ либо юридическимъ опредѣленіямъ. Это не были отношенія между двумя независимыми суверенными единицами власти, но ихъ нельзя назвать также и отношеніями двухъ частей одного и того же государства. И Крымъ, и Екатеринодаръ были еще не вполне сложившимися самостоятельными попытками противопоставить красной Россіи Россію бѣлую. Изъ нихъ одна пыталась опираться на нѣмцевъ, другая же построена была на собственной военной силѣ. Съ уходомъ нѣмцевъ между ними установились отношенія сотрудничества, которыя не во всѣхъ отношеніяхъ могли быть согласными. Мнѣ совершенно неясно, во что могли бы вылиться отношенія между Екатеринодаромъ и Крымомъ въ томъ случаѣ, если бы Крымское правительство дожило до эпохи расцвѣта Екатеринодара. Вѣроятно, Крымъ долженъ былъ бы уступить значительную долю своей автономіи и, можетъ быть, даже совсѣмъ ее утерять. Тогда въ концѣ 1918 года отношенія между Крымомъ и Екатеринодаромъ держались на томъ, что бѣлое движеніе находилось еще въ состояніи зачаточномъ и не вполне развитомъ. Однако и тогда нельзя было сказать, что въ отношеніяхъ этихъ все было гладко.

Крымское краевое правительство, возглавляемое С. С. Крымомъ и Винаверомъ, считало себя едва ли не самымъ демократическимъ правительствомъ на землѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ это было, вѣроятно, одно изъ самыхъ слабыхъ и безсильныхъ правительствъ, которыя когда либо существовали. Можно съ увѣренностью сказать, что истинному крымскому демосу такъ же далеко было крымское краевое правительство, какъ ему далека и враждебна была добровольческая армія. Крымскій демосъ, смутившійся при приходѣ добровольцевъ, терпѣлъ демократическое крымское правительство только потому, что оно основывалось на нѣмецкой военной силѣ. Самъ по себѣ онъ не имѣлъ никакого вкуса къ тѣмъ демократическимъ принципамъ, которые являлись символомъ вѣры людей, составлявшихъ крымское краевое правительство. Въ Крыму, какъ и вездѣ въ Россіи, народъ, конечно, былъ «демократичнымъ», — и какимъ же онъ еще можетъ быть? — но это былъ демократизмъ кровный, а не идеологическій, — демократизмъ безъ догмата. Далеки для него были всѣ эти догмы всеобщаго избирательнаго права, личныхъ свободъ, раздѣленій властей, парламентаризма и т. д.

Во главѣ Добровольческой Арміи, пришедшей въ Крымъ, стоялъ ген. Деникинъ, — лицо, олицетворявшее собою начало военной и политической власти въ предѣлахъ дѣйствія вооруженныхъ добровольческихъ силъ. Но ген. Деникинъ не

былъ диктаторомъ и, повидимому, не хотѣлъ имъ быть. Около него стоялъ какой то призракъ гражданскаго правительства, — призракъ, особенно въ началѣ, вполне безплотный и безличный. Ему даже былъ присвоенъ соотвѣтствующій анонимъ — Особое Совѣщаніе. Едва ли можно было придумать болѣе неудачное названіе, какъ бы олицетворяющее всю неопредѣленность этого политическаго органа. Особенно неудачно выдуманно было это названіе въ наше тревожное и революціонное время, способное повѣрить только чему-нибудь ясному и яркому. А что такое это Особое Совѣщаніе, — объ этомъ у насъ въ Крыму безъ преувеличенія никто не зналъ, даже и люди свѣдущіе. Я не преувеличиваю, но вотъ какъ приблизительно смотрѣли на это Особое Совѣщаніе люди, принимающіе и горячо сочувствующіе въ Крыму Добровольческой Арміи: собралась въ Екатеринодарѣ кучка шептунъ, которая и нашептываетъ генералу Деникину разный вздоръ. При чемъ болѣе правые полагали, что шептуны эти состоятъ исключительно изъ жидовъ и масоновъ, а лѣвые считали, что они исключительно собрались изъ черносотенцевъ. По мнѣнію правыхъ — это они нашептывали генералу Деникину «проклятые» демократическіе лозунги. По мнѣнію лѣвыхъ — это они толкали его въ объятія монархистовъ. Всего ужаснѣе, что сама армія безпричинно недовѣряла Особому Совѣщанію и видѣла въ немъ весь корень неустройства и зла. «Сидитъ тамъ какое то еще Совѣщаніе, бѣсъ его дралъ, неизвѣстно зачѣмъ и почему, а мы вотъ тутъ сражаемся безъ сапогъ, вошь ѣстъ», — такъ говорила фронтовая армейская молва. И была права, ибо для арміи, для всѣхъ находящихся на фронтѣ, анонимъ Особого Совѣщанія никакъ не расшифровывался.

Я не знаю, освѣдомлены ли были люди, сидѣвшіе въ Особомъ Совѣщаніи, какъ относится къ нему фронтъ. Полагаю, что не вполне знали, иначе, вѣроятно, они сдѣлали бы какіе нибудь болѣе энергичныя усилія къ тому, чтобы укрѣпить идею Деникинскаго гражданскаго Правительства, популяризировать ее, изъяснить и освѣтить. Сколько я знаю, у насъ въ Крыму этого не было сдѣлано или, вѣрнѣе, было сдѣлано уже поздно. По крайней мѣрѣ, когда пришли добровольцы и когда позднѣе я былъ на фронтѣ, Особое Совѣщаніе по отношенію къ намъ хранило нѣмое молчаніе. Когда же мы спрашивали пріѣзжающихъ изъ Екатеринодара военныхъ, намъ отвѣчали или незнаніемъ, или прямымъ неодобреніемъ. Боюсь, что это было не только у насъ въ Крыму и не только во время, которое я описываю.

Когда я былъ на фронтѣ, ко мнѣ, какъ профессору и государствовѣду, не разъ обращались съ вопросомъ и недоумѣніями по поводу Особого Совѣщанія. Я ничего не могъ сказать, т. к. самъ зналъ весьма мало. Понялъ я всю эту систему только тогда, когда самъ прибылъ въ Екатеринодаръ и потомъ въ Ростовъ и посмотрѣлъ все на мѣстѣ.

Мнѣ извѣстно, что между Особымъ Совѣщаніемъ и Крымскимъ Правительствомъ намѣчались довольно опредѣленные несогласія. Крымскому Правительству ставились въ вину его самостоятельность, противорѣчавшая централистическимъ стремленіямъ Особого Совѣщанія. Самостоятельность эта была не по душѣ многимъ сочувствующимъ Добровольческой Арміи и стоящимъ на точкѣ зрѣнія моднаго тогда лозунга: «Единая и недѣлимая Россія». Вѣроятно теперь, послѣ многочисленныхъ предметныхъ уроковъ, данныхъ намъ жизнью, многіе прежніе противники Крымскаго Краевого Правительства измѣнили о немъ свои сужденія. Безспорно то, что гражданское правительство Деникина оказалось совершенно безсильнымъ организовать гражданскую власть на мѣстахъ. Попытки организовать такую власть сводились къ назначеніямъ вполне неспособныхъ губернаторовъ, изъ которыхъ старые, обладая административнымъ опытомъ, не могли примѣниться къ новымъ условіямъ, а молодые были по большей части людьми мало пригодными. Такіе губернаторы строили изъ себя падишаховъ, выѣзжали, напримеръ, на тройкѣ лошадей на перронъ вокзаловъ, давая публику, какъ это было въ Екатеринославѣ, и проявляли одинъ несомнѣнный талантъ — задавать, по извѣстному военному выраженію, «во время драпъ», какъ это было опять таки въ Екатеринославѣ и при эвакуаціи Новороссійска. Въ этомъ смыслѣ Крымское

Правительство имѣло по крайней мѣрѣ то преимущество, что покоилось на признаніи хотя бы нѣкоторыхъ очень узкихъ мѣстныхъ, главнымъ образомъ, городскихъ общественныхъ силъ.

Нельзя сказать, чтобы присланные изъ Екатеринодара въ Крымъ первые представители военного добровольческаго командованія также обнаружили особый тактъ, особыя способности и таланты. Въ самомъ началѣ въ Крыму существовалъ, какъ представитель Деникина, ген. фонъ Б. Въ немъ и въ свитѣ его окружающей было много внѣшняго блеска и дѣланной декоративности. Особенно поражали симферопольскихъ дамъ какіе то весьма фантастическіе, спитые изъ мѣховъ головные уборы его адъютантовъ. Первые появленія генерала ф. Б. въ Симферополѣ были встрѣчены съ большимъ восторгомъ мѣстной буржуазной публикой. Помню, съ какой торжественностью входилъ онъ подъ звуки Преображенскаго марша въ шумящіе залы Симферопольскихъ ресторановъ. Немного неумѣстнымъ казалось только нѣкоторое излишество винъ и яствъ, украшавшихъ столы, у которыхъ сидѣлъ первый представитель Добровольческой арміи въ Крыму, особенно при сравненіи съ тѣми разутыми и раздѣтыми фронтовиками, отряды которыхъ проходили черезъ Симферополь. Первымъ административнымъ актомъ ф. Б. было изданіе приказа о мобилизаціи гражданскаго населенія. Приказъ появился черезъ нѣсколько дней послѣ прихода добровольцевъ и произвелъ своего рода сенсацію. Съ одинаковымъ смущеніемъ отнеслись къ нему и городской демось, и безконечное количество городскихъ «буржуевъ», обивавшихъ пороги ялтинскихъ, севастопольскихъ и симферопольскихъ кофеенъ. И тѣмъ, и другимъ одинаково не хотѣлось итти на фронтъ, — но кому это вообще хочется? Друзья Добровольческой Арміи истолковали этотъ актъ, какъ начало твердой властной политики. Мы знали, что проведеніе приказа наткнется на сопротивленія, не вѣрили въ способность Добровольческаго командованія его преодолѣть. Каково же было наше изумленіе, когда мы узнали, что приказъ этотъ черезъ два-три дня былъ неожиданно отмѣненъ. Спрашивается, зачѣмъ его было вообще издавать? Особо примѣчательно, что подобныя исторіи съ мобилизаціей повторялись въ Крыму неоднократно. Я не знаю, кто въ этомъ виновенъ. Противники крымскаго краевого правительства валили вину на него и главное на его «демократизмъ». И у меня есть свѣдѣнія, что дѣйствительно эта мобилизаціонная путаница происходила отъ несогласованности программъ и дѣйствій крымскаго правительства съ добровольческимъ командованіемъ, но я менѣе всего хочу искать сейчасъ виновниковъ и осуждать ихъ. Я хочу только сказать, что принципъ власти былъ распатанъ съ первыхъ ея выступленій.

Приблизительно въ то же самое время — это было конецъ ноября и начало декабря 1918 года — въ Крымъ прибылъ и другой представитель ген. Деникина — ген. К. Для внѣшняго наблюдателя отношенія между двумя генералами были довольно неопредѣленны. Всѣ замѣчали въ отношеніяхъ этихъ нѣкоторую болѣзненность, которую генералы, повидимому, и не желали скрывать. Это служило предметомъ безконечныхъ провинціальныхъ сплетенъ и слуховъ, которые также не служили къ укрѣпленію авторитета Добровольческаго командованія. Всѣмъ было видно, что оба генерала одинаково не признаютъ другъ друга и будируютъ. Вскорѣ въпрочемъ ген. Б. исчезъ съ Симферопольскаго горизонта. Ген. К. окружала не менѣе блестящая свита, но уже доминировалъ какой то особый, блѣдный цвѣтъ барашковыхъ папахъ. Доброе крымское вино лилось въпрочемъ не въ меньшемъ количествѣ.

Черезъ короткій промежутокъ времени дѣйствовавшія въ Крыму вооруженныя силы были объединены въ особую Крымско-Азовскую армію, начальникомъ которой былъ назначенъ ген. Б...ій. Ген. К. былъ подчиненъ Б...ому и уѣхалъ на фронтъ. Такимъ образомъ въ лицѣ ген. Б...аго и его штаба въ Крыму мы имѣли верховнаго представителя Добровольческихъ вооруженныхъ силъ. Ген. Б...ій сохранилъ свой постъ вплоть до лѣта 1919 г. Въ періодъ сидѣнія на Акманайскихъ позиціяхъ онъ былъ отстраненъ отъ должности ген. Деникинымъ. Про ген. Б...аго

въ Крыму всё говорили, что онъ пропилъ Крымъ. Отставка его привѣтствовала всѣми на фронтѣ, — я самъ былъ тому свидѣтелемъ. Въ арміи ходилъ слухъ, что ген. Деникинъ отдалъ Б...аго подѣ судѣ, однако это оказалось невѣрнымъ. Б...ий получилъ послѣ Крыма назначеніе въ Закаспійскую область. Его военныя дѣйствія тамъ также, какъ извѣстно, не увѣнчались успѣхомъ.

На мѣсто ген. Б...аго при общихъ привѣтствіяхъ былъ назначенъ ген. Шиллингъ. Имя его слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ нужно было много писать. Безобразія, творившіяся имъ и около него, были не разъ описаны. Ген. Шиллингъ былъ однимъ изъ самыхъ злыхъ геніевъ добровольческаго дѣла. Глубокое чувство безнадежности овладѣваетъ душою, когда смотришь на всю эту галерею военачальниковъ. Было ихъ много, но не находилось ни одного, дѣйствительно большого незауряднаго характера. Многимъ изъ нихъ судьба дала въ руки многое. Казалось — бери, умѣй воспользоваться, и господствуй. Однако, вмѣсто этого, начинали они, даже въ зенитѣ своей славы, обнаруживать какое-то страшное ничтожество. Я помню, какъ больно пережилъ я эту мысль позднѣе въ Ростовѣ, когда въ роскошномъ залѣ Паласы Отеля увидѣлъ одного изъ такихъ неудавшихся героевъ, пьянаго, окруженнаго пьяной свитой, пляшущей публично на потѣху ростовскимъ спекулянтамъ. А эти послѣдніе специально покупали мѣста въ кабинетахъ въ бѣль-этажѣ. И это былъ одинъ изъ популярныхъ генераловъ, совершившій рядъ крупныхъ военныхъ дѣлъ. Я не хочу морализировать. Крупные люди бываютъ порочны, но и въ порокахъ своихъ они всегда крупны. Пороченъ былъ Цезарь и не очень добродѣтеленъ Наполеонъ. Но могли ли они находить удовлетвореніе своему честолюбію въ подобномъ пьяномъ дебошѣ ресторанныхъ завсегдатаевъ.

Съ образованіемъ у насъ въ Крыму особой арміи въ Симферополѣ сформировался до анекдотичности многочисленный штабъ. Штабъ этотъ количествомъ людей не уступалъ штабу нормальныхъ армій военного времени, въ то время, какъ сама то Крымско-Азовская армія количественно была не больше одной нормальной дивизіи. Эти непомѣрные штабы составляли характерную особенность добровольческаго командованія. Небезынтересно сказать нѣсколько словъ объ атмосферѣ, создавшейся вокругъ штаба, и о нѣкоторыхъ лицахъ, къ нему принадлежащихъ.

Армія всегда не любитъ штабовъ, но въ тяжкихъ условіяхъ гражданской войны непріязнь эта не могла не усиливаться. Холодные, голодные, разутые и обовшивѣвшіе фронтовики не могли съ особой пріязнью смотрѣть на «окопавшихся» въ Симферополѣ. Непріязнь къ штабу и вообще къ командованію въ Крыму дошла до того, что въ началѣ 1919 года офицерами добровольцами создано было совѣщаніе въ Симферополѣ, на которомъ было высказано о штабѣ не мало нелестныхъ вещей и даже выставлено требованіе отставки нѣкоторыхъ лицъ изъ крымскаго военнаго командованія. Небезызвѣстный капитанъ Орловъ, прославившійся своими послѣдующими выступленіями противъ Шиллинга и Слащева и своей связью съ монархическими заговорами въ Крыму, былъ однимъ изъ инициаторовъ этого Совѣщанія и, кажется, даже на немъ предсѣдательствовалъ. Во всякомъ случаѣ, тогда именно началась его карьера. Такимъ образомъ атмосфера, создавшаяся вокругъ штаба Крымской Арміи, была весьма нездоровой и Штабъ не имѣлъ никакой возможности ее разсѣять. Начальникомъ Штаба тогда состоялъ ген. П., около имени котораго въ Арміи и вообще въ Крыму ходили весьма темные слухи. Слухи эти, въ началѣ не вполне ясные, послѣ занятія большевиками Крыма въ 1919 году приняли уже опредѣленные очертанія. Въ арміи говорили, что ген. П. при оборонѣ Крыма дѣйствовалъ все время такъ, чтобы Крымъ былъ наиболѣе легко взятъ противникомъ. При чемъ въ мнѣніи арміи ген. П. былъ человекомъ умнымъ и ловкимъ, осуществляющимъ какіе то свои тайные планы. Расшифровывая эти планы, одни просто указывали на связь ген. П. съ большевиками, другіе же развивали чрезвычайно сложныя теоріи, о которыхъ въ сущности

не стоит говорить. Вообще, я пишу объ этомъ не съ цѣлью разоблачать ген. П. или чернить его, я просто описываю, какъ очевидецъ, отношенія, создавшіяся въ то время въ Крыму, и хочу обнаружить, насколько все это были отношенія большія и ненормальныя. Я вполне допускаю, что все, что говорилось о ген. П. есть чистый вздоръ, но тѣмъ хуже это для насъ. Мы жили въ отравленномъ воздухѣ и не умѣли и не хотѣли бороться съ этой отравой.

Весьма значительную роль въ Штабѣ Крымской Арміи игралъ будущій Начальникъ Одесской контръ-развѣдки, павшій жертвой офицерскаго самосуда при эвакуаціи Одессы, Н. А. Кирпичниковъ. Онъ не былъ военнымъ по профессіи (Шульгинъ неправильно называетъ его полковникомъ), онъ занималъ, однако, должность политическаго адъютанта при Штабѣ Крымско-Азовской Арміи, должность, надо сказать, чрезвычайно отвѣтственную. Происходилъ онъ изъ извѣстной профессорской семьи и былъ человѣкомъ весьма незауряднымъ, что, я думаю, не будутъ отрицать и многочисленные его тогдашніе противники. Былъ онъ человѣкомъ весьма культурнымъ и образованнымъ обычнаго русскаго интеллигентнаго склада. Въ наружности его было что то серьезное и въ то же время, сказалъ бы я, немного таинственное и скрытное. Такая наружность бываетъ или у очень вѣрующихъ людей, или у заговорщиковъ... Ему въ Крыму дали прозваніе «Фаустъ» — и дѣйствительно, лицо его напоминало доктора Фауста въ изображеніи какой то старинной гравюры. Въ служебныхъ отношеніяхъ, сколько я наблюдалъ, онъ былъ точенъ и строгъ. Въ отдѣлѣ его царствовалъ порядокъ и, можно полагать, какъ разъ эти качества и объясняютъ нѣкоторую нелюбовь къ нему подчиненныхъ. У меня сложилось впечатлѣніе, что дѣло свое онъ велъ умѣло и тонко. Въ то время еще не существовало мѣстныхъ Осваговъ и добровольческая информация входила какъ разъ въ сферу его вѣдѣнія. Нужно по справедливости сказать, что дѣло добровольческой пропаганды отнюдь не выиграло, когда въ Крымъ пріѣхали Ростовскіе Осважники съ Начальникомъ которыхъ, К. Н. Соколовымъ, Кирпичниковъ былъ въ большихъ неладахъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1919 года при оставленіи добровольцами Симферополя Кирпичниковымъ былъ сформированъ особый конный отрядъ, который подъ его начальствованіемъ боролся съ бандитами и большевикамъ, засѣвшими въ Карантинныхъ каменоломняхъ. Позднѣе, когда общія военныя дѣйствія распространились на Керчь, Кирпичниковъ принялъ на себя непріятное дѣло по части политическаго розыска. Въ Керчи было извѣстно, что розыскъ былъ этотъ поставленъ имъ чрезвычайно сурово. Я слышалъ отъ очевидцевъ, несшихъ караулъ въ арестномъ помѣщеніи, о безпощадныхъ допросахъ арестованныхъ и о жестокихъ приемахъ слѣдствія, примѣняемыхъ нашимъ Фаустомъ. Не знаю, былъ ли это садизмъ или жестокость долга.

Помню, въ тѣ тревожные дни, когда тылъ Крымской Арміи висѣлъ на волосѣ, я встрѣтилъ Кирпичникова на одной изъ главныхъ Керченскихъ улицъ. Взглядъ его былъ мутенъ, лицо болѣзненно и блѣдно.

«Что съ вами», — спросилъ я.

«Борюсь съ тифомъ», — сказалъ онъ, улыбаясь.

Онъ такъ и вынесъ на ногахъ возвратный тифъ въ перемежку между допросами арестованныхъ и между поѣздками за городъ въ Карантинныя каменоломни къ своему отряду.

Для меня такъ и остались неразгаданными причины тѣхъ темныхъ слуховъ, которые окружали этого человѣка. Былъ ли это просто протестъ окружающей заурядицы противъ сильно выраженаго характера, — протестъ, особо понятный во время всеобщаго упадка дисциплины. Или же это была умно организованная агитація, направленная противъ опаснаго врага. Или самое страшное — то, въ чемъ увѣряли меня нѣкоторые изъ его самыхъ близкихъ сослуживцевъ и людей, самымъ близкимъ образомъ соприкасавшихся съ его дѣятельностью — именно, что Кирпичниковъ попросту былъ большевистскимъ агентомъ. Меня убѣждали въ этомъ съ такой увѣренностью, при томъ люди, къ которымъ я не могу не отнести съ полнымъ довѣріемъ, что невольно у меня колеблется сейчасъ то бла-

оприятное впечатлѣніе, которое оставилъ Кирпичниковъ при частныхъ соприкосновеніяхъ съ нимъ. Поведеніе Кирпичникова, какъ Начальника Одесской контрразвѣдки—должность, которую онъ занялъ послѣ Крыма—было, по увѣренію многихъ, чрезвычайно подозрительнымъ. Говорили, будто Кирпичниковъ поощалялъ всѣхъ видныхъ большевистскихъ комиссаровъ, жестоко разстрѣливая маловажныхъ и второстепенныхъ лицъ. Указывали на многие другія, изобличающія его дѣянія. Разказы эти связывались съ бывшей его дѣятельностью въ Крыму, вокругъ которой создавались легенды. Въ дни эвакуаціи Одессы онъ былъ, какъ извѣстно, разстрѣлянъ группой офицеровъ.

Какъ бы то ни было, но все изложенное свидѣтельствуетъ о крайне нездоровой атмосферѣ, въ которой жилъ тылъ Добровольческой Арміи.

Мнѣ не представлялось тогда полезнымъ и нужнымъ искать сближенія съ Крымскимъ краевымъ правительствомъ и сотрудничать съ нимъ. Правительство это было не изъ дурныхъ и людей, его составляющихъ, были глубоко честными людьми. Но у меня, какъ и у многихъ великоруссовъ, была тогда особая мнительность по отношенію ко всякимъ, даже самымъ малѣйшимъ проявленіямъ самостоятельности и федерализма. Можетъ быть, это было одной изъ роковыхъ нашихъ ошибокъ. Теперь я думаю, что осознаніе отдѣльными частями Россіи ихъ собственного бытія является однимъ изъ непререкаемыхъ фактовъ революціи — тѣмъ фактомъ, о которомъ можно жалѣть, который можно ненавидѣть, но съ которымъ приходится считаться какъ съ фактомъ. Какъ бы ни сложилось будущее наше, едва ли можно въ немъ устранить теперь эту силу отдѣленія частей отъ цѣлаго. Можно говорить о большемъ или меньшемъ смяченіи дѣйствія этой силы, но не о ея насильственномъ устраненіи. И всякая разумная русская политика должна заключаться въ томъ, чтобы организовать дѣйствіе этой силы по возможности въ русскихъ интересахъ, а не подавлять ея существованіе безцѣльнымъ и неразумнымъ насиліемъ. Теперь мнѣ все это представляется довольно яснымъ, но тогда, подобно многимъ другимъ русскимъ людямъ, я считалъ, что эту обозначившуюся силу можно и должно вычеркнуть однимъ мановеніемъ вооруженной руки. Поэтому съ «краевымъ» правительствомъ мнѣ было тогда какъ будто не по дорогѣ.

Интересъ мой тогда всецѣло сконцентрировался на нашемъ Таврическомъ Университетѣ и на той культурной работѣ, которая велась въ его стѣнахъ.

Академическая жизнь въ молодомъ Таврическомъ Университетѣ къ счастью свободна была отъ многихъ темныхъ сторонъ нашего стараго университетскаго быта. Во главѣ Университета стоялъ покойный Р. И. Гельвицъ, который умѣлъ во внутреннія отношенія наши внести струю истиннаго товарищества и дружбы. Незамѣнимый, энергичный работникъ, человѣкъ довольно свободныхъ убѣжденій, онъ въ то же время обладалъ талантомъ не вносить въ университетскую жизнь никакой политики. Мы жили той хорошей коллегіальной жизнью, которая чужда была интригъ, университетскихъ счетовъ, академической партійности и бюрократизма. Я думаю, всѣ оставшіеся въ живыхъ члены нашей первоначальной молодой коллегіи сохранили о первыхъ мѣсяцахъ нашей университетской жизни самыя хорошія воспоминанія.

Вторымъ дѣломъ, которое меня тогда занимало, была идейная помощь добровольческому движенію. Мы основали тогда въ Крыму Общество «За Единую Россію», ставившее цѣлью пропаганду идей добровольческаго движенія. Въ одной изъ секцій этого общества мы рѣшили издавать ежедневную газету, посвященную добровольческой арміи и добровольческому дѣлу. Редакторомъ газеты этой былъ избранъ тогда я. Средствъ было мало и приходилось организовать все кустарнымъ путемъ. Газета печаталась сначала въ типографіи Штаба Крымско-Азовской Арміи, при чемъ мы сами, ея сотрудники, были и наборщиками, и корректорами. Къ удивленію моему газета пошла, главнымъ образомъ, благодаря тому, что намъ удавалось давать черезъ Штабъ болѣе свѣжія свѣдѣнія о положеніи на фронтѣ. Черезъ нѣсколько недѣль маленькій листокъ превратился ужъ въ до-

вольно большую страницу, которая набиралась и печаталась въ частной типографіи. Газета вмѣстѣ съ Университетомъ занимали тогда почти все мое время.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось по разнымъ дѣламъ ѣздить изъ Симферополя въ Севастополь и на Южный берегъ. Меня всегда поражало то различіе настроеній, которое не трудно было замѣтить между Симферополемъ и особенно Ялтой. Симферополь былъ тыломъ, который, однако, тѣснѣйшимъ образомъ былъ связанъ съ фронтомъ и жилъ фронтовой жизнью. Въ этомъ отношеніи уже болѣе удаленный отъ фронта Севастополь жилъ, какъ это можно было замѣтить, какой то иной жизнью, чѣмъ мы. Въ Севастополѣ господствовали попрежнему морскіе военные круги, которыхъ я раньше не зналъ и съ которыми мнѣ первый разъ тогда пришлось встрѣтиться. Долженъ сказать, что изъ всѣхъ частей Добровольческой Арміи, морскія части были менѣе всего надежны. Они состояли также преимущественно изъ офицерства, но морскіе офицеры заражены были страннымъ духомъ недовѣрія и скептицизма по отношенію къ предпріятію ген. Деникина. Большинство ихъ откровенно высказывало взглядъ, что никакого успѣха у ген. Деникина не будетъ и все, что онъ дѣлаетъ, суть какія то мало нужныя игрушки. Въ то же время, въ Севастополѣ текла какая то больная свѣтская и легкомысленная жизнь, весьма далекая отъ интересовъ войны и фронта. Но особенно отвратительна по своимъ настроеніямъ была Ялта, гдѣ тогда собралось большое количество богатыхъ людей и спекулянтовъ, наполнявшихъ съ утра до вечера Ялтинскія кофейни и рестораны. Въ Ялтѣ была вѣчная паника, господствовали вѣчно какіе то нелѣпыя слухи и рассказы о нашихъ пораженіяхъ и успѣхахъ большевиковъ. Побывъ въ Ялтѣ, я отлично сталъ понимать настроеніе нашихъ фронтовыхъ офицеровъ, которые всегда говорили, что недурно было бы организовать специальный отрядъ для истребленія ялтинскихъ спекулянтовъ.

8-го февраля 1919 года въ Симферополѣ былъ устроенъ вечеръ профессоръ и бывшихъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго Университета. Предсѣдательствовали на немъ Э. Д. Гриммъ и, какъ и свойственно ему, предсѣдательствовалъ весело, живо и остроумно. Т. к. на вечерѣ было много москвичей, то невольно застольныя рѣчи сконцентрировались около темы: Москва—Петербургъ, какъ двѣ стихіи русской исторіи и русской культуры. На тему эту — помню — говорилъ я. Вечеру этому и моей рѣчи суждено было сыграть особую роль въ моей послѣдующей жизни.

Въ помѣщеніе къ намъ въ Петроградскую гостиницу, гдѣ происходилъ вечеръ, заходило не мало постороннихъ лицъ — посмотреть и послушать. Въ числѣ нихъ я увидѣлъ одного изъ Симферопольскихъ офицеровъ, особая щеголеватость котораго не разъ мнѣ бросалась въ глаза. Я его встрѣчалъ въ Симферополѣ часто и всегда удивлялся, какъ онъ сумѣлъ сохранить прежній незащитный военный видъ. Но знакомъ я съ нимъ никогда не былъ. Послѣ моей рѣчи я приобрѣлъ въ его лицѣ одного изъ своихъ трогательныхъ поклонниковъ. Мы познакомились и съ тѣхъ поръ онъ оказывалъ мнѣ всегда какое то особое вниманіе и дѣлалъ сотни различныхъ услугъ. Въ Симферополѣ его всѣ знали и звали Костей Каблуковымъ или просто Костей.

Костя былъ одинъ изъ тѣхъ кадровыхъ офицеровъ, котораго война захватила еще мальчикомъ, выбила изъ жизни и исковеркала. Онъ былъ буквально весь изрѣшетенъ пулями и не было, кажется, у него органа, который не былъ бы прострѣленъ. Война и служба внутренне надоѣли ему безконечно и была у него, повидимому, одна главная мечта — зажить, наконецъ, жизнью, начать учиться или по крайней мѣрѣ что нибудь другое дѣлать, только не воевать. Но по долгу оставался онъ военнымъ и, какъ многіе другіе изъ лучшихъ, не уклонялся отъ службы и терпѣливо несъ свою военную лямку.

Особенно онъ любилъ слушать, когда я ему рассказывалъ о заграничѣ, о большихъ городахъ, о какой то другой, какъ ему казалось, очень хорошей жизни,

которой онъ не видѣлъ и мечталъ увидѣть. «Вотъ кончится война, говорилъ онъ, поѣду за границу». «Учиться, что ли, начать».

Вотъ съ этимъ то Костей Каблуковымъ и связался страннымъ образомъ послѣдующій періодъ моей жизни.

Между тѣмъ, чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ болѣе и болѣе военный успѣхъ на фронтѣ склонялся не въ нашу сторону. Въ результатѣ нажима со стороны красныхъ мы принуждены были оставить сѣверную Таврію. Мы отступили на Перекопскія позиціи и на линію Сивашей. Въ публикѣ ходили слухи, что позиціи эти основательно укрѣпляются, впрочемъ многіе скептики говорили, что укрѣпление позицій нѣсколько запоздало и что фортификаціонныя работы оставляютъ желать лучшаго. Несмотря на эти скептическія мнѣнія, въ общемъ преобладала вѣра, что Перекопъ неприступенъ и что краснымъ ни въ коемъ случаѣ не удастся проникнуть въ Крымъ.

Я не вполне понимаю, на чемъ основывалась эта вѣра, которая позднѣе въ 1920 году послужила основаніемъ для Крымской эпопеи Врангеля. Прежде всего совершенно неприступныхъ позицій вообще, кажется, не бываетъ. Далѣе, если говорить объ относительной неприступности, то она обуславливается первоклассными фортификационными сооруженіями и по всѣмъ правиламъ современной техники. Другими словами, 70-ти верстную линію Сивашей отъ Перекопа и почти до Арабатской стрѣлки нужно было превратить въ своеобразную крѣпость, тогда, можетъ быть, она была бы неприступной. Но о такомъ превращеніи, конечно, серьезно нельзя было думать и по техническимъ, и по финансовымъ соображеніямъ ни въ 1919 г., ни въ эпоху Врангеля. А при довольно примитивномъ укрѣпленіи этихъ позицій, какъ показывалъ опытъ, онѣ легко преодолимы, особенно вслѣдствіе того, что и у Перекопскаго перешейка, и по всѣмъ Сивашамъ уровень воды въ морѣ постоянно мѣняется, открываются мели и броды, легко переходимые и открывающіе возможность прорывовъ и обходовъ въ тылъ. Такъ, повидимому, въ 1918 году нѣмцы обошли у Перекопа большевиковъ и взяли Крымъ. Съ такимъ же успѣхомъ при нѣкоторомъ превосходствѣ силъ и большевики могли обойти насъ.

Такимъ образомъ многіе и тогда допускали мысль, что Крымъ легко можетъ быть занятъ большевиками. Но у всѣхъ насъ тогда была одна совершенно твердая и непрекаемая надежда—надежда на нашихъ союзниковъ. Я, какъ и многіе другіе, былъ наивно увѣренъ, что союзники не позволятъ взять Крымъ. Я предполагалъ, что въ Крыму будетъ сдѣланъ большой десантъ, который поможетъ не только защитить Таврію, но и продвинуться впередъ на Харьковъ.

Дѣйствительно, надежды эти какъ будто начинали оправдываться. Съ начала 1919 года въ Севастополь сталъ прибывать французскій флотъ. Помню, въ одну изъ поѣздокъ въ Севастополь я съ нескрываемымъ восторгомъ увидѣлъ на Севастопольскомъ вокзалѣ французскую военную охрану въ каскахъ. «Ну, скоро будетъ конецъ», подумалъ я. Въ то время мы всѣ знали объ Одесской операціи французовъ, внушавшей столько надеждъ и порождавшей столько разговоровъ и слуховъ. Вопросъ о помощи союзниковъ для меня лично, да и для многихъ изъ насъ, былъ вопросомъ настолько несомнѣннымъ, что всякій скептицизмъ въ этомъ направленіи мы склонны были толковать, какъ прямую измѣну бѣлому движенію и какъ тайное сочувствіе большевикамъ.

Когда начался напоръ на Перекопъ, въ Севастополь стали прибывать и греческіе войска. Рассказывали, что они горятъ желаніемъ драться съ большевиками. Ждали прихода цѣлыхъ дивизій и корпусовъ грековъ къ намъ на помощь. Они не приходили, однако же это не разрушало обшихъ надеждъ.

Первый ударъ былъ нанесенъ неожиданнымъ и непонятнымъ извѣстіемъ объ оставленіи Одессы большимъ французскимъ десантомъ, отступившимъ передъ нѣсколькими тысячами большевистскихъ и украинскихъ бандъ. Всѣ склонны были сначала считать извѣстіе это простой провокаціей, до того оно было не-

вѣроятно. Однако, же оно оказалось соотвѣтствующимъ самой реальнѣйшей дѣйствительности. Да, это былъ первый ударъ, который нанесъ первую рану нашей сентиментальной вѣрности Антантѣ. Сколько было потомъ этихъ ударовъ, не перечесть...

Тревога за судьбу Крыма въ началѣ марта мѣсяца стала у насъ настолько острой, что вопросъ о возможной эвакуаціи обсуждался уже публично и въ частности былъ поставленъ на обсужденіе Совѣта Таврическаго Университета. Помню, при обсужденіи этого вопроса нѣкоторыми членами Совѣта былъ высказанъ взглядъ, что Университетъ есть учрежденіе аполитическое и что, слѣдовательно, ему нѣтъ нужды тянуться за Арміей и за Крымскимъ правительствомъ, въ томъ случаѣ, если они будутъ принуждены эвакуироваться. Я довольно рѣзко высказался противъ этого взгляда, настаивая, что паденіе Крыма есть только временная неудача и что Таврическому Университету не подобаетъ оставаться въ Свѣтской Россіи. Мой взглядъ не только былъ поддержанъ многими членами Совѣта, но и, казалось, большинство склонилось въ то время на его сторону. Вопросъ о возможности эвакуаціи былъ рѣшенъ въ положительную сторону, и ректору поручено было выработать цѣлый рядъ мѣропріятій на предметъ возможнаго выселенія Университета изъ Крыма.

Не могу не описать здѣсь одного изъ этихъ мѣропріятій, въ которомъ я самъ участвовалъ. Рѣшено было отправить депутацію въ Севастополь къ французскому командованію для выясненія общаго положенія дѣлъ и съ просьбой о покровительствѣ Университету и русскимъ ученымъ. Въ депутацію выбраны были ректоръ В. И. Гельвигъ, А. Л. Байковъ и я. Мы выѣхали на автомобилѣ въ Севастополь и послѣ нѣкоторыхъ затрудненій при помощи адмирала Канина получили аудіенцію у французскаго адмирала Амета. Принялъ онъ насъ на одномъ изъ огромныхъ дредноутовъ въ роскошной каютѣ, комфортъ которой, помню, показался намъ всѣмъ совершенно непривычнымъ. Отношеніе къ намъ адмирала было любезно иронически-успокоительное. Какъ всѣ французы, онъ былъ прежде всего актеръ и болтунъ. Великолѣпнымъ жестомъ онъ показалъ на виднѣющіяся въ заливѣ подчиненныя ему морскія вооруженныя силы. Кто можетъ, кто смѣетъ имѣть страхъ подѣ ихъ защитой. „C'est une ville du panique“, — сказалъ онъ, иронически указывая на возвышающійся надъ заливомъ Севастополь. «Всѣ чего то боятся, всѣ волнуются какими то слухами. Они не знаютъ, что такое Франція и французская армія»...

Я былъ такъ наивенъ, что повѣрилъ. Нѣсколько успокоенъ былъ и Р. И. Гельвигъ, болѣе скептическимъ оказался А. Л. Байковъ, утверждавшій, что французы извѣстные вралі. Я, по приѣздѣ въ Севастополь, сейчасъ же жирнымъ шрифтомъ помѣстилъ интервью съ адмираломъ въ нашей газетѣ. Всѣ должны были послѣ этого окончательно успокоиться. Кажется, это была одна изъ величайшихъ глупостей въ моей жизни. Черезъ недѣлю — другую Перекопъ былъ взятъ, и французы позорно отдали Севастополь большевикамъ.

Еще въ субботу вечеромъ у насъ было засѣданіе Издательской Комиссіи Общества «За единую Россію», въ которомъ я докладывалъ проектъ о расширеніи нашей газеты. Представитель Штаба Крымской Арміи Кирпичниковъ, знавшій, разумеется, въ тотъ моментъ обо всемъ случившемся на фронтѣ, пердалъ мнѣ ассигновку Казначейства, по которой я долженъ былъ получить деньги на газету. Послѣ окончанія засѣданія мы спросили у Кирпичникова о военныхъ новостяхъ, но онъ увѣрилъ насъ, что все обстоитъ благополучно. Въ тотъ моментъ Перекопъ былъ уже взятъ, а въ Штабъ Крымской арміи изготовленъ уже приказъ объ эвакуаціи. Нѣкоторые отдѣлы штаба и правительство начали уже упаковку своихъ вещей.

Я пришелъ домой поздно вечеромъ и еще побесѣдовалъ нѣкоторое время съ моимъ хозяиномъ генераломъ, который также ничего не зналъ и былъ увѣренъ,

что наши дѣла не дурны. Въ воскресенье утромъ я долженъ былъ встрѣтиться съ Кирпичниковымъ въ одномъ изъ Отдѣловъ Казенной Палаты. Былъ отличный весенний день и я, съ наслажденіемъ пройдя по городскому саду, отправился на мое свиданье. Меня нѣсколько удивило, что около Штаба стояли автомобили и грузились какіе то ящики. Въ Казенной Палатѣ я Кирпичникова не нашелъ, но встрѣтилъ нѣсколько растерянныхъ чиновниковъ, которые объяснили мнѣ, что фронтъ нашъ прорванъ и что объявлена эвакуація Крыма. Я поспѣшилъ въ университетъ, въ которомъ засталъ уже всю профессорскую коллегію, созванную на экстренное засѣданіе Совѣта.

Засѣданіе это прошло при совершенно иныхъ настроеніяхъ, чѣмъ предшествующее. На немъ обнаружилось, что большинство членовъ Совѣта — и даже тѣ, которые прошлый разъ рѣшительно поддерживали мысль о необходимой эвакуаціи университета — рѣзко измѣнили свои взгляды. Какъ ѣхать и куда ѣхать? — вотъ нота, которая звучала въ устахъ у многихъ. Но въ рѣчахъ нѣкоторыхъ чувствовалась уже и «кидеологія». Говорили о томъ, что Совѣтская власть не такъ дурно относится къ ученымъ, что при ней университетъ будетъ жить не хуже, чѣмъ при крымскомъ правительствѣ и Деникинѣ. Мои добровольческія симпатіи уже никого больше не увлекали. Совѣтъ постановилъ измѣнить свое рѣшеніе и не эвакуировать университетъ. Что же касается до отдѣльныхъ преподавателей, не желающихъ оставаться въ Крыму, то препятствія имъ не чинить и дать имъ отпускъ на лѣтнее каникулярное время.

Отпускомъ пожелало воспользоваться всего нѣсколько человекъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Большинство изъ этой группы моихъ коллегъ тотчасъ же стали прилагать усилія къ тому, чтобы ѣхать въ Севастополь и тамъ грузиться на пароходы. Но тотчасъ же обнаружилось, что эвакуація проходитъ въ большомъ безпорядкѣ, поспѣшности и даже въ нѣкоторой паникѣ. Выѣхать изъ Симферополя было не легко, хотя тогда удалось выѣхать всѣмъ, кто хотѣлъ. Въ Севастополѣ же, повидимому, дѣло обстояло много хуже. Воротившіеся оттуда люди рассказывали, что въ Севастополѣ царитъ страшная паника. При погрузкѣ на суда происходитъ невѣроятный хаосъ, а французы, помогающіе эвакуаціи, относятся къ русскимъ съ невыразимымъ хамствомъ. Самъ я въ Севастополь не поѣхалъ и обстоятельствъ тамошней эвакуаціи не знаю. Но, кажется, и тамъ съ затрудненіями погрузились на пароходы всѣ, кто хотѣлъ. Оставшіеся же просто въ послѣдній моментъ раздумали ѣхать, что случилось и съ нѣкоторыми изъ моихъ университетскихъ коллегъ.

Самъ я рѣшилъ не ввергаться въ первоначальную эвакуаціонную панику и выждать. Я полагалъ, что при желаніи всегда успѣю выѣхать или просто уйти пѣшкомъ съ арміей. И въ то же время въ душѣ у меня все чаще и чаще появлялась мысль: не время ли въ такой рѣшительный моментъ взять наконецъ винтовку и отъ словъ о вооруженной борьбѣ съ большевиками перейти къ дѣлу? Я чувствовалъ, что на всѣхъ насъ, способныхъ носить оружіе, лежалъ тогда этотъ долгъ и я понималъ нѣсколько ироническое отношеніе рѣшившихся остаться въ Крыму къ тѣмъ, которые сейчасъ съ преувеличенной поспѣшностью складывали свои чемоданы, а нѣсколько дней тому назадъ призывали къ оружію и бряцали словами. Всякая эвакуація есть бѣгство и во всякомъ бѣгствѣ есть нѣчто позорное и жалкое. Я и по сию пору радъ, что въ тотъ тяжелый моментъ мнѣ удалось найти наиболѣе приличный путь къ бѣгству.

Многое изъ послѣдующаго произошло, правда, по чистой случайности. Въ поведѣльникъ я безъ особыхъ опредѣленныхъ плановъ вышелъ въ городъ и присматривался къ тревожной перемѣнѣ въ его лицѣ. Снова, какъ и тогда, когда уходили нѣмцы, «буржуи» куда то исчезли. Многіе переодѣлись и перекрасились, стараясь приспособиться къ защитнымъ тонамъ вышедшей на улицу толпы. Подводы и автомобили, нагруженные ящиками и всякимъ скарбомъ, тянулись къ вокзалу. Въ бывшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ взламывали шкафы и жгли бумагу. Звенѣли гдѣ то разбивающіяся стекла. Массовыя ощущенія стра-

ха носились въ воздухѣ и какъ зараза передавались всѣмъ. Вся эта картина была для меня тогда еще нова и интересна, но она невыносима стала потомъ при многочисленныхъ послѣдующихъ эвакуаціяхъ, обнаруживающихъ въ общемъ совершенно тѣ же черты.

На одной изъ улицъ вижу идетъ Костя Каблуковъ.

«Что вы предпринимаете?», — спрашиваетъ онъ, — «Неужели остаетесь?»

«Конечно, не остаюсь ,но, ей-Богу, не знаю, куда и какъ поѣду».

«Поѣдьте съ нашимъ полкомъ», — предложилъ онъ.

Предложеніе было довольно внезапно, но оно показалось мнѣ уже не такимъ невозможнымъ. Почему бы на самомъ дѣлѣ и не идти походнымъ порядкомъ! Я безъ особыхъ колебаній согласился.

Тотчасъ же Костя повелъ меня въ казармы представляться полковому командиру и просить у него разрѣшенія слѣдовать съ полкомъ. Долженъ сказать, что колебанія меня взяли тогда, когда я очутился въ саду бывшаго собранія Крымскаго Коннаго полка, которое нынѣ служило и полковыми казармами. Въ саду, на крыльцѣ и въ сѣняхъ толпились группы военныхъ, оставивъ меня одного. Прошло нѣсколько минутъ, и я уже началъ думать, что поступилъ нѣсколько опрометчиво.

Первая неловкость однако же внезапно разрѣшилась довольно неожиданнымъ образомъ. Появился Костя съ высокимъ солиднымъ полковникомъ, лицо котораго показалось мнѣ чрезвычайно знакомымъ. Съ удивленіемъ вижу, что это мой постоянный слушатель въ аудитории Таврическаго Университета. Всю зиму сидѣлъ онъ на первой лавкѣ, не пропустилъ, кажется, ни одной лекціи и всегда старательно записывалъ. Одѣтъ былъ тогда въ какой то статскій, казалось, не совсѣмъ привычной для него костюмъ. Сначала я его принималъ за отставного батюшку, но потомъ мнѣ сказали, что это бывший командиръ одного изъ стоявшихъ ранѣе въ Крыму полковъ, поступившій вмѣстѣ съ своимъ сыномъ на юридическій факультетъ Таврическаго Университета. Въ Крымскомъ полку онъ тогда завѣдывалъ хозяйственной частью.

«Профессоръ, воевать захотѣли, позвольте, гг. офицеры, представить»...

Меня познакомили и повели къ полковому командиру. При первомъ впечатлѣніи мнѣ казалось, что этотъ нѣсколько холодный съ монгольскимъ лицомъ полковникъ Генеральнаго Штаба принялъ меня немного сухо. Потомъ, когда я ближе узналъ его, я понялъ, что эта сухость у него только наружная — слѣдъ особой военной выправки, которая не мѣшала ему быть чрезвычайно сердечнымъ и глубоко привлекательнымъ человѣкомъ.

«Разумѣется, вы можете слѣдовать съ полкомъ», — сказалъ онъ, «но предупреждаю, удобствъ никакихъ не ожидайте. Что касается до вещей, то возьмите минимумъ. Просту также васъ, если вы рѣшили идти съ нами, сегодня же переселитесь въ казармы...»

Въ тотъ же вечеръ я переодѣлся въ полуохотничій, полувойennyй костюмъ, взялъ за плечи небольшой нѣмецкій рюкзакъ, и пришелъ въ казармы Крымскаго Коннаго полка.

Крымскій Конный, бывший Ея Величества Императрицы полкъ, какъ и многія другія войсковыя части, находился въ то время въ стадіи довольно первоначальнаго формированія. Его главной боевой силой былъ первый эскадронъ, набранный изъ мѣстныхъ нѣмцевъ колонистовъ, этой наиболѣе надежной части крымскаго населенія. Насчитывая около ста человѣкъ всадниковъ, отчасти старыхъ кадровыхъ солдатъ, обеспеченный достаточнымъ количествомъ коней, эскадронъ по тому времени являлся весьма значительной боевой единицей. Второй и третій эскадроны только въ незначительной части были снабжены конями и состояли преимущественно изъ офицеровъ, небольшого количества вольноопредѣляющихся и еще меньшаго количества всадниковъ. Всего навсего два эскадрона эти насчитывали человѣкъ 100 при 25 коняхъ. Въ моментъ моего прихода въ ка-

армы, въ полку совершилось одно событіе, создавшее чрезвычайно тяжелую внутреннюю атмосферу. Первый эскадронъ вдругъ замитинговалъ по поводу предстоящаго выступленія изъ Симферополя. Митингованіе это находилось въ прямой связи съ общими настроеніями, набранныхъ въ Крыму изъ нѣмецкихъ колонистовъ войскъ, — съ настроеніями, о которыхъ не безынтересно сказать нѣсколько словъ.

За нѣкоторое время передъ Крымской катастрофой Крымское Краевое Правительство издало специальный указъ объ образованіи особой нѣмецкой Егерской бригады, набранной изъ нѣмцевъ-колонистовъ Крыма. Эта бригада предназначена была для охраны внутренняго порядка Тавріи и являлась первой попыткой Краевого Правительства опереться на свою собственную организованную военную силу. Я не знаю точно исторіи формировація этой бригады, но несомнѣнно, она формировалась не безъ прямого участія настоящихъ германскихъ офицеровъ, выполнявшихъ, вѣроятно, какое то свое собственное заданіе. Душой дѣла былъ гвѣйдъ лейтенантъ Гомайеръ, бывший въ нѣмецкихъ войскахъ во время германской оккупациі, затѣмъ исчезнувшій и вновь появившійся, неизвѣстно откуда. Говорили, что онъ дѣйствуетъ по прямымъ инструкціямъ изъ Берлина.

Нужно сказать, что процессъ формировація бригады прошелъ превосходно — гораздо лучше, чѣмъ формироваіе отдѣльныхъ добровольческихъ частей. Нѣмцы-колонисты, съ большой осторожностью относившіеся къ добровольческимъ призывамъ, щедро снабдили бригаду своими сыновьями. Съ неожиданной быстротой бригада получила хорошее обмундироваіе, повидимому, изъ какихъ то старыхъ Севастопольскихъ запасовъ. Она одѣлась въ пѣхотные мундиры чернаго цвѣта и въ безкозырки старыхъ императорскихъ войскъ съ бѣлымъ околышемъ. Я ѣхалъ однажды изъ Севастополя въ Симферополь съ однимъ полковникомъ-добровольцемъ, служившимъ въ отдѣлѣ снабженія, и слышалъ отъ него слѣдующую жалобу: «Вотъ» — сказалъ онъ, указывая на марширующій нѣмецкій взводъ, — «чего мы такъ здѣсь и не добились, эти получили въ одну минуту»... Я спросилъ полковника, откуда это у нѣмцевъ обмундироваіе? Онъ объяснилъ, что изъ Севастопольскихъ складовъ.

«Почему же оно не попало въ Добровольческую Армію?»

«Да вѣдь намъ на каждомъ шагѣ палки въ колеса ставятъ», — сказалъ онъ. «Изъ-за послѣдняго сапожнаго гвоздя, кланяешься, кланяешься, такъ и не получишь».

«Кто-же ставитъ препятствія?»

«Кто? Правительство, во первыхъ, Земство и городъ, — во вторыхъ, свои собственные флотскіе, въ третьихъ».

Ко времени Крымской катастрофы нѣмецкая Егерская бригада насчитывала нѣсколько сотъ хорошо обученныхъ людей. Мѣстопробываніе свое она имѣла въ Симферополѣ. Изъ Симферополя тогда по причинѣ сильныхъ боевъ были выведены на фронтъ почти всѣ добровольческія войска. Кромѣ Крымскаго коннаго полка оставались небольшія пѣхотныя офицерскія части и, кажется, два орудія. Такимъ образомъ въ Симферополѣ фактическая военная сила была въ рукахъ нѣмецкой бригады. Бригада же, когда былъ отданъ приказъ объ эвакуаціи, въ лицѣ своего командоваія заявила, что она Крыма покидать не намѣрена и съ добровольческой арміей отступать не станетъ.

Положеніе создалось въ городѣ довольно смутное. Оно стало еще смутнѣе, когда первый эскадронъ Крымскаго Коннаго полка послѣ кратковременнаго митингованія, на который пріѣзжалъ лейтенантъ Гомайеръ заявилъ, что онъ также присоединяется къ бригадѣ и съ полкомъ не отступаетъ. Полковой Командиръ и многіе офицеры ходили убѣждать всадниковъ, но безъ всякаго успѣха. Положеніе было особенно тяжело въ томъ смыслѣ, что нѣсколько офицеровъ перваго эскадрона, преимущественно изъ русскихъ нѣмцевъ, присоединились къ солдатамъ. Изъ разговоровъ съ солдатами получалось впечатлѣніе, что нѣмцы-колонисты вовлечены въ какую то сложную махинацію на почвѣ соглашенія съ боль-

шевиками. Повидимому имъ было дано завѣреніе, что если нѣмецкіе солдаты не пойдутъ съ добровольцами, большевики будутъ шадить нѣмецкія колоніи.

Въ концѣ концовъ никто не зналъ, въ чемъ же заключается планъ руководителей нѣмецкой бригады. Могло случиться и такъ, что въ послѣдній моментъ ей будетъ приказано разоружить оставшіяся въ Симферополѣ Добровольческія части и выдать ихъ большевикамъ. Численное превосходство было на ея сторонѣ и слѣдовательно такой планъ былъ вполне осуществимъ. Официально руководители бригады предприняли слѣдующіе шаги. Они обратились къ мѣстному Городскому самоуправленію, которое по заведенному въ эпоху гражданской войны порядку, принимало на себя власть въ эпоху междуправствія, съ предложеніемъ нести охрану въ городѣ до прихода красныхъ войскъ. Добровольческому же командованію было заявлено, что бригада не только не будетъ препятствовать отступленію добровольческихъ частей изъ Симферополя, но даже постарается обезпечить безопасность отступленію въ чертѣ города.

Все это вмѣстѣ взятое не могло не отражаться на духѣ той небольшой кучки людей, которая носила тогда наименованіе Крымскаго полка.

Мы жили въ роскошномъ особнякѣ бывшаго полкового собранія Крымскаго полка. Когда то здѣсь текла веселая полковая жизнь, а теперь на грязномъ полу въ повалку лежали люди, пахло плохими шами и человѣческимъ потомъ. Обстановка, въ которую я попалъ, невѣроятно поразила меня — главнымъ образомъ простотой и товарищескимъ характеромъ отношеній. Всѣ были на «ты», всѣ шутили, смѣялись и, если угодно, не по нашему, не по профессорски, воспринимали жизнь. Мнѣ казалось, что я вернулся въ какія то старыя, давно изжитыя эпохи моей жизни — въ эпоху студенчества или даже въ гимназическіе годы. Переходъ этотъ для меня свершился безъ особыхъ затрудненій, главнымъ образомъ, благодаря чрезвычайной радушности, съ которой я былъ принятъ. И старые и молодые, каждый по своему, старался ввести меня въ эту новую жизнь и сдѣлать переходъ къ ней возможно легкимъ.

Въ теченіе дня было скучно отъ постоянного бездѣлья. Всѣ старались какъ нибудь убить время — кто спалъ, кто игралъ въ карты, кто утекалъ въ городъ, что было впрочемъ запрещено. Главное, никто не зналъ, когда мы будемъ выступать и куда. Между тѣмъ въ городѣ было тревожно, а съ фронта шли самыя разнорѣчивыя слухи. Никто толкомъ не зналъ, гдѣ даже находится непріятель. Ясно было, что, прорвавши перекопскія позиціи и перешедши Сивашъ, онъ распространялся по Крыму. Армія отступала отъ него на Керчь. Шли разговоры, что и мы будемъ отступать на Керчь, а потомъ на Тамань для соединенія съ Деникинымъ. Другіе говорили, что насъ будутъ грузить на суда въ Феодосію, третьи, наконецъ, высказывали предположеніе объ отступленіи на Севастополь для соединенія съ «нашими союзниками». Вся эта неопредѣленность создавала тревогу и даже ропотъ. Въ сущности у всѣхъ на душѣ была одна тайная мысль: вотъ мы здѣсь чего то сидимъ и медлимъ, а, можетъ быть, непріятельскіе разѣзды уже вонъ тамъ, въ полѣ. И попадемъ мы всѣ здѣсь, какъ курица во щи...

Вечеромъ ходили вокругъ дозорами, выставляли патрули и пулеметы. Было какъ то жутко и неуютно. Спать не хотѣлось, и почти всю ночь за большими столами въ бывшей буфетной не переводился чай и шли безконечные разговоры. Къ тому же спать приходилось на полу, на чемъ Богъ послалъ, положить подъ голову кулакъ или походную сумку, что мнѣ въ началѣ было не очень привычно.

Такъ прошло дня два-три, довольно, надо сказать, томительныхъ и нервныхъ. Наконецъ, какъ то къ вечеру полковой командиръ собралъ старшихъ офицеровъ и объявилъ, что мы выступаемъ этой ночью на Керчь. Тотчасъ же все оживилось и начались поспѣшныя сборы. Выводили на дворъ тачанки и телѣги, грузили ихъ вещами и снаряженіемъ, фуражемъ и провіантомъ, патронами и винтовками. Какъ и всегда при спѣшкѣ господствовала сутолока и безтолочъ. Нехва-

тало то сбруи, то возжей, терялись и пропадали вещи, куда то исчезали нужные люди. Не обходилось дѣло безъ ссоръ и перебранки. Словомъ, нельзя сказать, чтобы все шло хорошо и въ порядкѣ.

Часамъ къ одиннадцати ночи все повидимому было готово. Большинство людей расположилось на новомъ средствѣ передвиженія, изобрѣтенномъ гражданской войной — на тачанкахъ. Всадниковъ въ нашемъ конномъ полку было не очень то много, и они помѣстились въ авангардѣ и арьергардѣ обоза тачанокъ. Я попалъ въ отрядъ патронныхъ двуколокъ, начальникомъ которыхъ оказался Костя Каблуковъ. Двуколокъ всего было три: на первой ѣхалъ Костя и я, на второй — два реалиста мѣстнаго реального училища, записавшіеся въ полкъ добровольцами, на третьей — два молодыхъ человѣка, также записавшихся въ полкъ изъ Симферопольской государственной стражи. Намъ предупредили, что съ ними надо быть поосторожнѣе въ виду неясности ихъ политической ориентации и ихъ прошлаго. Впрочемъ они не обнаружили никакихъ особо отрицательныхъ свойствъ и скорѣе сбѣжали отъ насъ неизвестно куда.

Часа въ два ночи было объявлено выступленіе. Впереди вышла часть всадниковъ. За ними съ грохотомъ и шумомъ одна за одной стали выѣзжать наши тачанки. Обозъ растянулся по крайней мѣрѣ на версту. Наши патронныя двуколки должны были слѣдовать за тачанками второго эскадрона, но пришлось ждать добрый часъ времени, пока очередь дошла до насъ и мы двинулись въ темное пространство городскихъ улицъ. Много разъ мы останавливались, трогались, опять останавливались. Заднія лошади напирали на переднихъ, горячились и ржали. Наконецъ, колонна выровнялась и медленно потянулась по улицамъ Симферополя. Была теплая весенняя ночь, городъ спалъ и кое-гдѣ только свѣтились огни. Я вспомнилъ ту осеннюю ночь, когда въ Симферополь пришли первые добровольцы. Что то думалъ теперь провожавшій насъ обыватель?..

Когда мы стали выѣзжать на главныя улицы, мы столкнулись съ какими то другими обозами, двигавшимися въ томъ же направленіи, что и мы. Наши тачанки частью влились въ нихъ, частью отстали. Въ темнотѣ началась страшная суетола. Было ясно, что нападеніе, сдѣланное самой незначительной группой людей, могло бы при этихъ условіяхъ вызвать невообразимую панику. Къ счастью все обошлось благополучно. Уже разсвѣло, когда мы достигли окраинъ города и выѣхали на Феодосійское шоссе. Здѣсь нашъ полкъ постепенно подобралъ своихъ, подравнялся и двинулся въ путь по направленію къ восходящему солнцу.

Въ слободкѣ, на самомъ краю города, мы проѣхали мимо разсыпанной въ дѣлѣ военной части, расположившейся вдоль шоссе съ пулеметами. То была нѣмецкая егерская бригада, охранявшая наше отступленіе изъ Симферополя. Нѣмцы сдержали свое слово.

Крымскій исходъ не былъ столь грандіознымъ отступленіемъ и даже бѣгствомъ, какъ отступленіе изъ Ростова въ декабрѣ 1919 года, свидѣтелемъ котораго мнѣ также пришлось быть. Двигались не очень значительныя войсковыя части, растянувшіяся благодаря своимъ безконечнымъ обозамъ. Населеніе оставалось на мѣстахъ и не бѣжало вмѣстѣ съ арміей. За арміей слѣдовало небольшое количество «буржуевъ», въ массѣ своей, выѣхавшихъ ранѣе въ приморскіе порты и города. Обозъ нашихъ тачанокъ послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія по Феодосійской дорогѣ значительно оторвался отъ другихъ отступающихъ частей и образовалъ самостоятельную колонну. Далеко впереди насъ двигался какой то другой обозъ, далеко сзади шли незначительныя артиллерійскія части. Наши конные разъѣзды шли на сѣверъ отъ насъ по границѣ невысокихъ холмовъ, отдѣлявшихъ степную часть Крыма отъ горной. На югѣ, то приближаясь, то отдаляясь, виднѣлись покрытыя лѣсами крымскія горы.

Первая деревня, въ которой мы остановились на отдыхъ, слыла за большевистскую. У жителей ея уже были какія то столкновенія съ добровольцами по поводу мобилизации, однако мы не встрѣтили въ ней какого либо явно враждеб-

наго пріема. Напротивъ, жители старались обнаружить по отношенію къ намъ максимумъ нейтралитета, какъ бы желая показать, что ихъ все это военное передвиженіе ни мало не касается и вообще они въ немъ столь же мало заинтересованы, какъ и въ стаѣ воронъ, которая летитъ надъ деревней. Такое отношеніе со стороны русскаго населенія Крыма пришлось мнѣ не разъ наблюдать и позднѣе въ теченіе нашихъ странствій. Большой дипломатъ русскій мужикъ. При нашемъ появленіи дѣлалъ онъ обычно такую мину, что ровно онъ во всемъ происходящемъ ничего не понимаетъ и не знаетъ. Съ преувеличенной медлительностью выставить, бывало, хозяинъ крынку молока и десятокъ яицъ, вздохнетъ, сдѣлаетъ весьма огорченный видъ и промолвитъ:

«Ахти Господи, какая бѣда... Вотъ воюютъ люди, мучаются... А за што же это вы, господа, воюете?»

Вопросъ, надо признаться, весьма ядовитый. Трудно на него отвѣтить среднему офицеру, когда и въ Екатеринодарѣ то на него отвѣчали не безъ труда. Начиналась тогда обычная картина. Если вопрошающій попадалъ на бывалаго человѣка, тотъ пускалъ въ ходъ какую нибудь прибаутку:

«Воевали братъ за землю и волю, а теперь за домъ, да печь, а то негдѣ лечь».

Подобный оборотъ рѣчи весьма по сердцу русскому крестьянину. Онъ думаетъ, что собесѣдника не проведешь, онъ себѣ на умѣ, не хуже, чѣмъ самъ вопрошающій. Обмѣнъ дипломатическими нотами состоялся, можно перейти теперь къ обсужденію другихъ, болѣе безразличныхъ предметовъ. И разговоръ переводился на урожай, на дороговизну или на погоду. Но если вопрошающій попадалъ на человѣка молодого и горячаго, тотъ начиналъ читать ему лекцію о меньшевикахъ, большевикахъ, бѣлыхъ, красныхъ и т. д. Хозяинъ слушаетъ, бывало, его не безъ учтивости, но съ внутреннимъ плохо скрываемымъ убѣжденіемъ: «ты мнѣ, братъ, зубы не заговаривай, я и самъ понимаю». И отдѣльные его неожиданныя реплики обнаруживали не только полную освѣдомленность въ обстановкѣ, но и опредѣленную программность убѣждений:

«Такъ ежели, господа»,—скажетъ вдругъ такой хозяинъ,—«ваша побѣда будетъ, золотые погончики стало быть придется надѣвать»...

И подастъ еще десятокъ яицъ.

Такъ приблизительно насъ встрѣчала и первая русская деревня. Кое гдѣ достали молока, кое гдѣ яицъ. Съ неохотой поставили самоваръ. Особыхъ распросовъ не было. Дѣлался скорѣе такой видъ, что совсѣмъ неприлично спрашивать, куда и отъ кого бѣгутъ. «Наша хата съ краю, ничего не знаю».

Проѣхавъ еще нѣкоторое разстояніе по Феодосійской дорогѣ, мы во второй половинѣ дня неожиданно свернули въ сторону по направленію на югъ, къ крымскимъ горамъ. Здѣсь у самыхъ предгорій мы остановились въ большой нѣмецкой колоніи. Пріемъ, который намъ былъ оказанъ, до сихъ поръ залечатѣлся въ моей памяти. Насъ встрѣчали и провожали какъ самыхъ дорогихъ гостей, кормили на убой, рѣшительно отказались отъ денегъ и даже предлагали ссудить вещами и одеждой. Оказалось, что многіе односельчане и родственники служили у насъ всадниками въ первомъ эскадронѣ, который примкнулъ къ нѣмецкой бригадѣ и остался въ Симферополѣ.

Вообще говоря, въ дальнѣйшемъ пути лучше всѣхъ насъ принимали нѣмцы-колонисты. Недурной пріемъ встрѣчали мы въ татарскихъ деревняхъ. Немногочисленные болгарскія деревни также не обнаруживали къ намъ непріязни, хотя жители ихъ всегда были склонны ободрать или что нибудь выклянчить. Непріязненіе всѣхъ былъ пріемъ у русскаго крестьянскаго населенія въ Крыму.

Мы покинули колонію къ вечеру и проселочными дорогами стали приближаться къ Карасу-Базару, небольшому татарскому городку, расположенному на востокъ отъ Симферополя. Поздно ночью-мы достигли города, гдѣ встрѣтили нашихъ высланныхъ впередъ квартирьеровъ. Оказалось, что въ городѣ не было свободныхъ помѣщеній, т. е. всѣ дома были уже заняты прибывшими ранѣе насъ войсковыми частями. Послѣ долгихъ поисковъ наши патронныя двуколки почти

что силою заняли часть какого то постоялаго двора, переполненного казаками, повозками и лошадьми. Спать было негдѣ и я, исполнивъ свои новыя обязанности, напоивъ коня и заложивъ ему корма, легъ гдѣ то около него на землѣ. Когда я проснулся, было уже раннее утро.

Въ Карасубазарѣ мы простояли три дня и вышли изъ него послѣдними по направлению къ Старому Крыму. Дорога наша вошла въ горы и стала очень живописной. На лѣво возвышались голыя, сѣрыя скалы, съ правой южной стороны горы были покрыты роскошными лѣсами. Цѣлые поля красныхъ тюльпановъ и дикаго персика разстилались вокругъ насъ. Мы украсили ими нашихъ лошадей, которымъ приходилось или выдерживать крутые спуски, или брать не менѣе крутые подъемы. На подъемахъ, обычно, всѣ слѣзали съ двуколокъ и шли пѣшкомъ, путя и болтая. Всѣхъ привлекала шедшая по срединѣ колонны громадная повозка — трундулетъ, какъ его называли. Она служила какъ бы походнымъ клубомъ. Труднудетъ этотъ, реквизируемый въ Симферополѣ, былъ экипажемъ фантастической конструкціи, нѣчто въ родѣ большого дилижанса, построеннаго въ допотопные времена. На подобныхъ экипажахъ въ старое время возили евреевъ, гдѣ нибудь изъ Бобруйска въ Слуцкѣ или Гомель. Труднудетъ продѣлалъ съ нами весь походъ до Керчи и обратно до Сивашей. Онъ доставилъ не мало удовольствія англичанамъ, которые увѣковѣчили его на фотографическомъ снимкѣ, когда мы пріѣхали на немъ однажды на берегъ Чернаго моря, противъ Феодосіи, для установки телеграфной связи съ англійскимъ дредноутомъ.

Вечеромъ этого дня, около одной довольно уединенной деревни, намъ было приказано остановиться. Были уже сумерки, и внизу, въ глубокомъ оврагѣ залегла черная мгла. Деревня казалась уже заснувшей. Не было замѣтно ни жителей, ни свѣта въ окнахъ бѣлѣвшихъ хатъ. Деревню приказано было окружить, обозу же — объѣхать ее вокругъ и дожидаться возвращенія людей, выставивъ патрули. Я пошелъ патрулемъ въ поле и безконечно долго ходилъ по пахучей, свѣжей весенней травѣ около торна и полевой дорожки. Было пустынно и жутко. Вдали лаяли собаки и наши лошади безпрестанно ржали въ обозѣ. Гдѣ то треснули два выстрѣла. Я не зналъ, что все это значитъ, держался за винтовку и соображалъ, что нужно дѣлать, если начнется бой. Но никакого боя не началось. Прошло еще съ полъ часа и я услышалъ голоса возвращавшихся къ обозу людей. Меня стали звать и я вернулся къ двуколкѣ. Оказалось, что мы получили приказаніе сдѣлать въ этой деревнѣ обыскъ и арестовать нѣсколько лицъ, отправивъ ихъ въ Феодосію. Но лица эти предусмотрительно скрылись и обыскъ кончился ничѣмъ. Стрѣлялъ же находившійся въ дозорѣ корнетъ В. — съ перепугу, какъ говорили. Это былъ его первый дебютъ, который повторялся потомъ постоянно. Мы всѣ уже знали, что если В. ночью въ дозорѣ, то будетъ стрѣльба — по дереву, по коровѣ, по своему караульному или, наконецъ, просто «по бѣлому свѣту».

Въ эту ночь прибыли мы въ городъ — Старый Крымъ. Первый разъ послѣ нѣсколькихъ отвратительно проведенныхъ ночей, я нашелъ здѣсь чудесный ночлегъ, съ периной, чистымъ бѣльемъ и съ предварительнымъ недурнымъ ужиномъ. Хозяинъ нашъ былъ мѣстнымъ лавочникомъ до преувеличенности услужливымъ человѣкомъ. Онъ плакалъ, когда мы уходили.

Мы шли все время, не только не соприкасаясь съ непріятелемъ, но даже не имѣя сколько нибудь точныхъ свѣдѣній о ходѣ его наступленія. Во всякомъ случаѣ, мы до сихъ поръ проходили черезъ мѣстности, наиболѣе удаленныя отъ главныхъ линій движенія военныхъ силъ. Отъ того у насъ не было чувства близости къ непріятелю и соединеннаго съ нимъ состоянія напряженности и осторожности.

Общее настроеніе нѣсколько измѣнилось, когда раннимъ утромъ намъ приказали отступать изъ Старога Крыма не на Феодосію, какъ многіе ожидали, а въ

степную часть полуострова, на линію желѣзной дороги, соединяющей Джанкой съ Керчью. По этой линіи отступали главныя наши силы отъ Перекопа и отъ Симеашей. По этой же линіи велось и главное преслѣдованіе со стороны непріятеля.

До выхода изъ Старога Крыма возможность столкновенія съ красными была еще далека. Но теперь мы постепенно втягивались въ районъ военныхъ дѣйствій. Передъ нами съ уступомъ послѣднихъ холмовъ разстилалась безконечная равнина, кое гдѣ оживленная очертаніями одинокихъ кургановъ. На сѣверной границѣ ея, надъ Азовскимъ моремъ, висѣлъ сѣрый и холодный туманъ. Рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ подулъ намъ въ лицо, поднимая тучи пыли по дорогѣ. Чѣмъ ниже съ холмовъ, чѣмъ дальше отъ причудливыхъ очертаній Крымскихъ горъ, тѣмъ суровѣе и холоднѣе становился вѣтеръ. Мы покидали послѣднія ступени южнаго берега и вступали въ первые предѣлы холодной Скифіи.

Въ первой деревнѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ офицеровъ гвардейскихъ частей, производившихъ фуражировку у себя въ тылу. Они рассказывали, что бѣгутъ еще на значительномъ отъ насъ разстояніи, на первыхъ станціяхъ желѣзной дороги, послѣ Джанкоя. По ихъ словамъ непріятель напиралъ также и на Арабатскую стрѣлку — небезызвѣстную своими рыбными промыслами, узкую косу на Азовскомъ морѣ, по которой можно было пѣшкомъ пройти изъ Геническа прямо намъ въ тылъ. Здѣсь впервые услышали также мы объ укрѣпленныхъ позиціяхъ около станціи Акманай, на которыхъ предполагалась задержка красныхъ для болѣе успѣшныхъ эвакуацій на Тамань. Никто изъ насъ тогда не предполагалъ, что позиціи эти сыграютъ большую роль въ послѣдующей оборонѣ Крыма.

Мы двигались на станцію Владиславовку, конечный пунктъ Феодосійской желѣзно-дорожной вѣтки. «Вотъ посадятъ въ Акманай въ окопы», — говорили у насъ, — «и чего канителются, поскорѣе бы въ Тамань». Тамань эта для всѣхъ представлялась тогда какой то обольстительной страной, завершающей всѣ наши странствованія. «Приѣдемъ на Тамань, тамъ видно будетъ, что дѣлать». Никто тогда не предполагалъ, что мы до Тамани и не доѣдемъ. Вторженіе большевиковъ въ Крымъ создало убѣжденіе, что здѣсь на Таврическомъ полуостровѣ наше дѣло уже проиграно, что единственное спасеніе — поскорѣе оставить Крымъ. Оттого каждый слухъ о задержкѣ въ предѣлахъ полуострова нѣсколько понижалъ общее настроеніе. Слухи же о скорѣйшей эвакуаціи въ Тамань встрѣчались съ нескрываемымъ одобреніемъ.

При такомъ настроеніи мы не безъ удовольствія получили на одной изъ послѣднихъ ночевокъ около Владиславовки извѣстіе, что насъ не задерживаютъ на Акманайскихъ позиціяхъ, а двигаютъ ближе къ Керчи на станцію Семь Колодезей. Это казалось тогда весьма добрымъ признакомъ. Мы двигались тогда довольно быстро, верстѣ по сорока въ сутки, и рассчитывали въ ближайшіе дни быть уже въ Керчи. «Хорошо задаемъ драпу» — острили у насъ. Дорога шла унизанной курганами пустынной крымской степью. Сколько здѣсь было этихъ кургановъ — и одинокихъ, и стоящихъ цѣлыми группами, и растянутыхъ въ безконечно длинную цѣпь. Сколько народовъ и людей прошло до насъ по этимъ полямъ, оставивъ за собою эти вѣчные слѣды.

Въ Семи Колодезяхъ, богатой нѣмецкой колоніи, я помѣстился въ большомъ, покинутомъ каменномъ домѣ, хозяинъ котораго недавно былъ убитъ какими то разбойниками, а семья бѣжала. Въ домѣ все дышало порядкомъ и сытымъ довольствомъ. Казалось, что хозяева просто выѣхали къ сосѣдямъ въ гости. Вотъ подъѣдутъ они на чистенькомъ шарабанѣ, заиграетъ въ гостиной рояль и весело закричатъ дѣти. Оставшіеся въ домѣ работники изъ нѣмцевъ бережно хранили хозяйское добро и сначала относились къ намъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Когда же увидѣли, что мы не грабимъ и даже оплачиваемъ продукты, на столѣ появились у насъ такіе окороки и такія куры, которыхъ мы не видѣли со временъ старой помѣщичьей жизни.

Такъ жили мы въ Семи Колодезяхъ нѣсколько дней. Нашъ обозъ второго разряда за эти дни передвинулся въ Керчь. По дорогѣ около однихъ каменоло-

меня, какъ рассказывала воротившаяся охрана, онъ былъ обстрѣлянъ какими то молодцами, нападеніе которыхъ было съ легкостью отбито конвоемъ. Конвойные, воротившіеся изъ Керчи, рассказывали, что тамъ царить большая паника. Всѣ лѣзутъ на Тамань, не соблюдая порядка и очереди. Около Керчи въ каменоломняхъ засѣло большое количество бандитовъ и большевиковъ, ждущихъ момента ударить въ тылъ отступающихъ добровольцевъ и захватить керченскій портъ. Нашъ обозъ, помѣщенный временно подъ Керчью, каждую ночь, по ихъ словамъ, находился подъ угрозой нападенія каменоломщиковъ, которые настолько дерзки, что захватываютъ отдѣльныхъ лицъ въ плѣнъ даже среди бѣлаго дня.

Извѣстія эти нѣсколько нарушили наше пріятное житіе въ колоніи. Начались разговоры о томъ, что насъ слишкомъ задерживаютъ. Извѣстно, что бываетъ при такихъ задержкахъ — нахлынуть отступающіе отъ Перекопа подъ прямымъ преслѣдованіемъ красныхъ, попадемъ мы въ общую сумятицу и вовсе не выберемся. У нѣкоторыхъ изъ моихъ новыхъ сотоварищей замѣтили мы стремленіе подъ видомъ болѣзни или командировки двинуться поскорѣе въ Керчь. Ихъ звали «ловчилами», издѣвались надъ ними, но они все таки постепенно исчезали.

Костя затѣялъ со мною однажды серьезный разговоръ.

«Стоить ли тебѣ», — мы какъ и большинство перешли на ты, — «путаться еще здѣсь. Поѣзжай въ Тамань, дадимъ тебѣ командировку, оттуда поѣдешь, куда хочешь».

«Нѣтъ, уже не буду создавать паники».

«Вотъ покажутъ тебѣ большевики панику»...

Я все же рѣшилъ выдержать характеръ.

Послѣдующія событія развернулись, однако, довольно быстро. Однажды вечеромъ я вернулся съ прогулки изъ степи. Вижу — на дворѣ у насъ небывалое оживленіе.

«Наступленіе, сейчасъ выступаемъ обратно на позиціи. Васъ просятъ къ полковому командиру».

Въ домѣ у полкового командира я засталъ весь нашъ командный составъ. «Ну, профессоръ, идемъ въ бой», — говорятъ мнѣ, — «если не хотите съ нами, отправимъ Васъ въ командировку въ Тамань».

Моментъ былъ для меня довольно рѣшительный. Вижу — всѣ на меня смотрятъ не безъ любопытства: серьезно человѣкъ рѣшилъ воевать или просто шутить.

«Пойду съ полкомъ», — заявилъ я.

За ночь мы погрузили нашихъ лошадей и наши тачанки въ вагоны, а утромъ прибыли обратно въ Владиславовку. Выгрузившись здѣсь, мы двинулись на Западъ прямо къ Азовскому морю. Арабатская Стрѣлка осталась у насъ прямо въ тылу. Не доѣзжая версты до морского берега, на самыхъ солончакахъ расположена была маленькая татарская деревушка, Ерчи. Въ ней намъ было приказано остановиться.

Передъ деревней тянулись засѣянные хлѣбомъ поля, переходящіе въ небольшую возвышенность, на которой стояло нѣсколько кургановъ. Налѣво раскинулась безконечная равнина съ синѣвшими на горизонтѣ крымскими горами. По ней верстахъ въ пяти отъ насъ виднѣлась желѣзная дорога, деревья и строеніе какой то станціи. Тамъ стояли какія то добровольческія части, съ которыми мы держали связи. Позади деревни равнина переходила въ болотистыя и солончаковыя поля, вязкія и покрытыя мѣстами водой. За полями позади насъ и направо виднѣлась полоса Азовскаго моря. При солнечной погодѣ трудно было разобратъ, гдѣ кончался низкій берегъ и гдѣ начиналась вода. Частые въ этой мѣстности миражи создавали на границѣ небесъ и водъ очертаніе какихъ то далекихъ острововъ и полупрозрачныхъ земель. И Арабатская стрѣлка казалась миражемъ, прозрачнымъ и лишеннымъ твердыхъ очертаній.

Въ новой обстановкѣ замѣтно измѣнился и духъ нашихъ людей. О Тамашѣ уже нечего было разговаривать. Впереди насъ и съ праваго бока была жутая пустота, которая въ любой моментъ могла обнаружить врага. И днемъ, и ночью приходилось нести дозорную и сторожевую службу. Спали, не раздвываясь на полу татарскихъ сакль, но спали плохо, благодаря несмѣтному количеству разнѣхъ насѣкомыхъ.

Былъ конецъ страстной недѣли. Въ великую пятницу гдѣ то впереди и лѣвѣ насъ по линіи желѣзной дороги весь день бухала артиллерія. Наши конные разѣзды выѣзжали на нѣсколько верстъ впередъ, не натолкнувшись на неприятеля. По слухамъ онъ велъ бой за обладаніе одной изъ ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій впереди насъ.

Въ ночь съ субботы на Свѣтлое Воскресенье мы рѣшили устроить разговѣнье въ одной изъ нашихъ сакль. Въ субботу вечеромъ готовили Пасху и украсили луковыми перьями яйца. Куличи намъ прислали изъ Владиславовки, изъ Штаба. Къ 12 часамъ у насъ въ саклѣ былъ сервированъ на коврахъ чудесный ужинъ даже съ двумя окороками ветчины. Былъ приглашенъ полковой командиръ и всѣ старшіе офицеры. Мы просидѣли всю ночь до разсвѣта въ милой, пріятельской бесѣдѣ.

«Вотъ увидите», — сказалъ шутя командиръ, — «товарищи устроятъ намъ какую нибудь гадость на Свѣтлое Христово Воскресенье».

Солнце уже взошло, когда я послѣ короткаго сна вышелъ на улицу. У наблюдательнаго пункта, устроеннаго на крышѣ одной сакли, стоялъ нашъ командиръ. Ему докладывали, что замѣчена была перебѣжка какихъ то людей въ верстахъ 2-хъ нѣсколько лѣвѣ насъ на границѣ стоящихъ передъ нашимъ лицомъ холмовъ.

«Крнетъ III.», — обратился командиръ къ одному изъ офицеровъ, — «пошупайте ка, кто тамъ сидитъ, возьмите съ собой кого нибудь на помощь».

Вызвался идти я и одинъ вольноопредѣляющійся. Меня привлекало маленькое озеро, мимо котораго нужно было держать путь. Было время перелета и тамъ утилось множество дикихъ гусей и утокъ. Мы думали настрѣлять нѣсколько штукъ къ обѣду. Быстрыми шагами пошли мы по утреннему холодку и вскорѣ достигли озера. Остановились на нѣсколько моментовъ, высматривая пролетающую дичь и сговариваясь, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ идти на обратномъ пути, чтобы не спугнуть ее. Стрѣлять приходилось по сидячей птицѣ пулей.

Я и тогда не могъ отдать себѣ отчета, какъ произошло все послѣдующее — до того быстро и внезапно выведены были мы изъ нашихъ мирныхъ разсужденій. Я услышалъ нѣсколько сухихъ трещащихъ звуковъ и въ то же время особый протяжный покойный свистъ надъ ухомъ. Одно мгновеніе спустя, что то ударилося на землю около ногъ, взрывъ пыли и разбивъ камни. «Ложись, ложись», — закричалъ корнетъ III. Я инстинктивно легъ въ траву и тотчасъ же оглушилъ меня грохотъ стрѣляющей рядомъ надъ самымъ ухомъ винтовки, чьей я не разобралъ.

Тогда и потомъ, много разъ въ первые моменты неожиданной опасности первой эмоціей было внезапное сознаніе необходимости что то дѣлать. И въ то же время я рѣшительно не зналъ, что же слѣдуетъ дѣлать. Я оглядывался на своихъ и увидѣлъ, что III. стоитъ на одномъ колѣнѣ и цѣлится. Я сталъ смотрѣть, куда онъ цѣлится, и замѣтилъ въ травѣ, на гребнѣ ближайшаго къ намъ кургана, какихъ то перебѣгающихъ людей. Оттуда то трещали выстрѣлы и оттуда прилетали одна за другой свистящія около насъ пули.

Дрожащими руками я сталъ отстрѣливаться. Израсходовавъ одну обойму, я началъ вставлять въ винтовку новую и помню, что она никакъ не лѣзла въ затворъ.

«Бѣги, бѣги», — закричали мнѣ, «обходить». И въ то же время я увидѣлъ нѣчто такое, отъ чего холодная дрожь прошла по моему тѣлу. Я увидѣлъ налѣво отъ себя, по ту сторону озера, группу всадниковъ, скачущихъ по полю. Трое изъ нихъ были совсѣмъ близко и можно было различить ихъ костюмы. Впе-

реди скакалъ человѣкъ въ матросской формѣ, какъ то неуклюже размахивавшій согнутыми руками. Они скакали намъ въ обходъ вокругъ озера, желая повиному отрѣзать намъ путь отъ деревни. Тогда мнѣ показалось, что гибель наша совершенно неизбежна. Я побѣждалъ изо всѣхъ силъ по направленію къ нашимъ и чувствовалъ, что въ сущности бѣгство это напрасно; въ горлѣ у меня стало горько, въ груди засосало и я ощущалъ чувство близкое къ тошнотѣ. Силы меня стали покидать.

«Бу-у-бухъ» — зазвѣло у меня въ ухахъ и какъ бы стукнуло по головѣ и затѣмъ что то зашипѣло и завизжало въ воздухѣ. «Тра-ра-рахъ» — рѣзко раздалось на ближайшихъ холмахъ. Неожиданный и внезапный звукъ этотъ остановилъ меня и даже, кажется, привелъ въ себя. Я перевелъ дыханіе и легъ на траву. «Бу-убухъ» — стукнуло и завизжало опять. Я увидѣлъ бѣлый дымокъ, какъ разъ надъ всадниками. Тотъ, который ѣхалъ вторымъ, вдругъ какъ то махнулся въ сторону и упалъ на землю. Его конь одинъ поскакалъ по степи, другіе стали подбирать повода.

Намъ рассказывали потомъ, что за ночь въ тылу нашей деревни расположились два орудія. Они то и открыли огонь по лавѣ непріятельской конницы, которая шла въ обходъ нашего лѣваго фланга. Это то насъ и выручило.

Я не только пришелъ въ себя, я чувствовалъ, что овладѣлъ собою, зарядилъ винтовку и, отстрѣливаясь, пошелъ въ деревню. Издали было видно, какъ спѣшно снаряжался нашъ обозъ. Нѣсколько повозокъ скакали уже во весь духъ за околицу, поднимая облако пыли. Въ канавѣ и за заборами залегли наши. Я подошелъ при общихъ одобреніяхъ какъ разъ къ людямъ перваго эскадрона и легъ вмѣстѣ съ другими въ канаву.

Уже въ первое мгновеніе можно было слышать, какъ въ разныхъ мѣстахъ лежащей передъ нами степи, на курганахъ или дальше за ними, одинаково потрескивали отдѣльные выстрѣлы. Красные занимали лежащія передъ нами возвышенности, но ихъ еще не было видно. Всадники отступили назадъ и чуть чуть чернѣли въ далекой степи. Но вотъ тамъ и здѣсь въ отдаленіи стали появляться отдѣльные люди. Нѣсколько мгновеній — и какъ будто изъ земли показалось на возвышенности ихъ длинная и ровная цѣпь. «Здорово идутъ», сказалъ кто то рядомъ со мною. «Молодцы, товарищи». Цѣпь шла дѣйствительно ровно, сплошной лентой, какъ выравнившіеся дикіе гуси летятъ осенью надъ русскими сжатыми полями. Стало зловѣще тихо вокругъ. Только тамъ на курганахъ у кого то, видно, не выдерживали нервы и онъ неумѣстно тянулъ затворъ и неумѣстно трещалъ отдѣльный выстрѣлъ. Кто-то не выдержалъ и у насъ въ деревнѣ и также ахнулъ.

«Не стрѣлять», — злобно закричалъ командиръ перваго эскадрона, — «Подпущай ихъ на двѣсти шаговъ».

Но на двѣсти шаговъ ихъ не подпустили. Было и всѣ семьсотъ, когда съ праваго фланга вдругъ сорвался нашъ пулеметъ. Та-та-та, неожиданно заговорилъ онъ и, вторя ему, стали паяками стрѣлять наши винтовки и трещать пулеметы.

Цѣпь остановилась и легла. Потомъ стали подниматься и опять ложиться отдѣльные люди. Прошло нѣсколько мгновеній и нестройная линія ихъ начала быстро удаляться назадъ.

Такъ встрѣтили мы Пасху 1919 года.

Послѣ полудня намъ было приказано очистить деревню Ерчи. Мы двинулись назадъ, перешли черезъ Акманайскія укрѣпленныя позиціи въ направленіи Чернаго моря. Здѣсь, не доѣзжая версты шести отъ берега, насъ расквартировали въ большой русской деревнѣ, Кашай, находящейся въ ближайшемъ тылу Акманайскихъ позицій. У Акманайскихъ позицій задержалось, какъ извѣстно, дальнѣйшее движеніе красныхъ въ Крыму. Я до сихъ поръ не вполне отдаю себѣ отчета, почему красные прекратили тогда свой напоръ. На войнѣ дѣйствуютъ и

проявляются какія то свои темныя и часто непонятныя силы, которыя управляютъ движеніями людскихъ массъ, ведя ихъ впередъ или останавливая. Такъ было прежде всего и здѣсь: красная волна докатилась на этотъ разъ до середины Крымскаго полуострова, потеряла здѣсь силу своего напора и замедлила свое движеніе. Сами Акманайскія позиціи представляли собою тонкую линію окоповъ и проволочныхъ загражденій, расположенныхъ на 20 верстномъ пространствѣ между Чернымъ и Азовскимъ моремъ. Добровольческихъ силъ было немного и, конечно, сами по себѣ они едва ли могли остановить эту волну. Особой твердой воли оставаться въ Крыму ни у кого не было. Существовала, правда, одна реальная сила, которая дѣйствовала въ нашу пользу, но я не думаю, чтобы и она давала намъ рѣшительный перевѣсъ: это была поддержка англійскаго флота. На лѣвомъ нашемъ флангѣ у береговъ Чернаго моря противъ Феодосіи появился одинъ англійскій дредноутъ и нѣсколько миноносковъ. Мы скоро узнали, что англичане будутъ оказывать намъ поддержку. И, дѣйствительно, намъ было приказано установить съ англичанами телефонную связь и уже при первой нашей развѣдкѣ въ сторону занятой большевиками Феодосіи англичане обстрѣляли противника изъ своихъ мощныхъ орудій. Тогда началась у насъ эпоха увлеченія англійской оріентаціей, пришедшая на смѣну неудачному роману съ французами. Мои старыя надежды сбывались, и я вѣрилъ, что наступилъ наконецъ тотъ моментъ, когда наши союзники рѣшительно помогутъ тѣмъ, которые сохранили вѣрность старымъ договорамъ и трактатамъ.

На крымскомъ фронтѣ сравнительно на долго установилось состояніе устойчиваго равновѣсія. Красные сдѣлали нѣсколько попытокъ къ наступленію, на которыя мы отвѣчали поисками и вылазками въ сторону противника. Потомъ на линіи фронта на долго все затихло и только изрѣдка по ночамъ на разныхъ участкахъ поднимался артиллерійскій и пулеметный огонь, свѣтили съ моря англійскіе прожекторы и бухала тяжелая морская артиллерія. Мы несли охранную и караульную службу. «На войнѣ или скучно, или страшно», — говорилъ нашъ командиръ. Для насъ тогда наступилъ періодъ скуки.

Я постепенно обжился въ полку, сталъ добровольцемъ Николаемъ Алексѣевымъ, временно исполняющимъ обязанности писаря перваго эскадрона. Я старался не уклоняться отъ службы, писалъ приказы по эскадрону, ѣздилъ за фуражемъ, ходилъ въ дозоры. Добровольческое дѣло было для меня тогда большимъ идейнымъ дѣломъ, въ которое я свято вѣрилъ. Здѣсь въ Кошаѣ я получилъ большое количество впечатлѣній и наблюденій, касающихся обычной повседневной жизни нашего добровольческаго движенія, его подлинныхъ настроеній и чувствъ. Добровольческая армія конечно была прежде всего боевой организаціей нашего служилаго сословія и извѣстной части нашей интеллигенціи. «Дворянское ополченіе Прокопія Ляпунова» — какъ я мысленно насъ всѣхъ называлъ. Главнымъ недостаткомъ нашимъ было то, что у насъ было очень мало солдатъ. Развѣ только казацкія части обладали ими въ достаточной степени. Нашъ Крымскій полкъ по основному своему составу былъ полкомъ татарскимъ и основное офицерское ядро, его организовавшее, имѣло въ виду привлечь въ него преимущественно крымско-татарское населеніе, однако татаръ у насъ было очень мало, несмотря на то, что крымскіе татары въ массѣ отнюдь не сочувствовали большевикамъ. Было ясно, что всѣ антибольшевистскія части русскаго населенія окованы какой то особой инерціей, которая рѣшительно препятствуетъ имъ втягиваться въ гражданскую войну. Дѣйственными въ борьбѣ съ большевиками въ сущности были только служилые люди. Но въ сущности говоря, многіе факты убѣждали, что и съ той стороны наиболѣе дѣйственной была также интеллигенція и та полу-интеллигенція, изъ которой революція наша сдѣлала значительную силу. Опасными нашими соперниками были разные коммунистическіе, матросскіе, еврейскіе и т. п. полки, что же касается до несчастныхъ мобилизованныхъ украинскихъ мужиковъ, составлявшихъ массы красной арміи, то это были нестройныя толпы барановъ, которые массами сдавались намъ въ плѣнъ для того, чтобы

опять сдать большевикамъ при малѣйшемъ ихъ успѣхѣ. Были изъ нихъ такіе типы, которые по нѣскольку разъ ухитрялись перебѣгать отъ красныхъ къ бѣлымъ и бѣлыхъ къ краснымъ. Выходило въ общемъ такъ, что война велась одной частью русской, преимущественно, служилой интеллигенціи съ другой частью, не служилой при Имперіи, но ставшей служилой при совѣтскомъ строѣ.

Если говорить о политическихъ взглядахъ, окружавшихъ тогда меня людей, — безразлично офицеровъ или немногочисленныхъ нашихъ вѣрныхъ солдатъ, — то конечно у насъ болѣе или менѣе явно господствовали монархическія настроенія и симпатіи. Я смѣло могу сказать, что не встрѣчался на фронтѣ съ человекомъ, который былъ бы убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ демократомъ республиканцемъ и оттого извѣстные разговоры нѣкоторыхъ добровольческихъ частей мнѣ представляются вымыслами досужихъ политиковъ. Что касается до существа этихъ монархическихъ настроеній, то сколько я наблюдалъ, ихъ было два типа: или же монархизмъ чисто легитимный, династическій или болѣе широкий, идейный монархизмъ, сторонники котораго были убѣждены, что независимо отъ династическаго вопроса единственно пригодной для Россіи формой политическаго устройства могла быть монархія. Перваго придерживались люди лично связанные съ бывшей монархіей, ея немногіе вѣрные слуги. Нужно сказать, что ихъ дѣйствительно было не очень много и не этими легитимными чувствами питался монархизмъ широкихъ массъ добровольческаго движенія. Большинство нашихъ монархистовъ принадлежали къ тѣмъ дѣтямъ нашей интеллигенціи и нашего служилаго сословія, которые еще пять лѣтъ тому назадъ не только не были слугами нашей монархіи, нашего царствовавшаго дома, но были въ прямой къ нему оппозиціи. Тогда они митинговали въ университетахъ и пополняли ряды революціонныхъ и социалистическихъ партій. Они въ первый разъ помирились съ русской легитимной монархіей въ 1914 году, когда съ великимъ національнымъ энтузіазмомъ пошли на германскую войну. А потомъ монархистами сдѣлало ихъ безволіе временнаго правительства, гибель національной дисциплины, позоръ Брестскаго мира и зрѣлище разнузданной анархіи русскаго демоса. Вотъ эти то монархическія и добровольческія арміи не приняла какой либо политическіи организованной формы — ни сверху, ни снизу. Ибо сверху велась далеко не соответствовавшая имъ политика Особаго Совѣщанія, а внизу, въ самой толщѣ арміи не существовало сколько нибудь вліятельной политической организаціи, которая бы могла перевоплощать настроенія эти въ обдуманнѣйшій и сознательнѣйшій политическій планъ. Оттого добровольческій монархизмъ не былъ связующимъ цементомъ арміи, а скорѣе создавалъ почву для вѣчнаго будированія по отношенію къ Екатеринодару.

Если говорить о дѣйствительныхъ мотивахъ, соединявшихъ армію въ одно цѣлое, то они были скорѣе отрицательнаго свойства. И первымъ мотивомъ было твердое сознаніе нравственной и національной недопустимости служить большевикамъ. Очень многіе изъ добровольцевъ не видѣли большевиковъ въ глаза, примкнувъ къ арміи съ западнаго фронта, изъ области германской оккупациіи, изъ Румыніи и т. п., и тѣмъ не менѣе они всей душой ненавидѣли большевизмъ, считая большевиковъ предателями и врагами Россіи. Другіе же, и ихъ было также не мало, — испытали всѣ ужасы большевистскаго террора, сидѣли въ тюрьмахъ, подвергались издѣвательствамъ, имѣли разстрѣлянныхъ родственниковъ и даже сами были подъ разстрѣломъ. Въ частности, въ нашемъ эскадронѣ одинъ изъ офицеровъ былъ пробитъ на вылетъ пятью пулями и только благодаря случаю выползъ полуживымъ изъ вырытой могилы, а два другихъ спаслись, притворившись сумасшедшими и посидѣвши нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ для умалишенныхъ. Кстати сказать, рассказы ихъ о случившемся принадлежали къ наиболѣе страшнымъ рассказамъ, которые я когда либо въ жизни слышалъ.

Такого рода отрицательные мотивы не могли создавать вдохновенія и энтузіазма. И дѣйствительно, особаго энтузіазма я въ нашей средѣ не наблюдалъ, особенно въ началѣ нашихъ военныхъ скитацій. Наоборотъ, у значительной части,

особенно наиболее интеллигентных и мыслящих офицеров, можно было наблюдать по отношенію къ предпріятію ген. Деникина не малое количество скепсиса. Мнѣ приходилось даже встрѣчать людей — и при томъ весьма храбрыхъ — которые были убѣждены въ полной безнадежности нашего успѣха. Спрашивается, зачѣмъ же тогда они шли за добровольцевъ? Сколько я наблюдалъ, по простому воинскому сознанию долга. Мало ли бываетъ безнадежныхъ предпріятій на войнѣ, а приходится на нихъ идти, потому что такъ нужно. Въ данномъ случаѣ, правда, никто не посылалъ и не приказывалъ, а сами по большей части шли — но опять таки потому, что долгъ велитъ не идти съ красными. А какой исходъ?—въ концѣ концовъ неважно, самое большее убьютъ. Всяка многіе придерживались взгляда, что большевизмъ процессъ стихійный и долговременный. Поэтому считали, что самой лучшей нашей тактикой является выжиданіе. Каждый лишній мѣсяцъ протянутый нами есть такимъ образомъ уже неуспѣхъ большевиковъ. Не вѣря такимъ образомъ въ нашу скорую и рѣшительную побѣду, вѣрили въ неминуемый развалъ противника. «За насъ время», такъ говорили они. Другіе и очень многочисленные смотрѣли на дѣло Деникина не столь безнадежно, полагая, что при извѣстныхъ условіяхъ можно это дѣло и выиграть. Когда приходилось говорить объ этихъ условіяхъ, указывали на необходимость болѣе опредѣленной политики, на цѣлесообразность сближенія съ нѣмцами и разрыва съ союзниками, на смѣну команднаго состава. Въ особенности почему то ненавидѣли ген. Романовскаго. Я совсѣмъ не зналъ покойнаго, никогда съ нимъ не встрѣчался, но не былъ удивленъ его убійству въ Константинополѣ. По мнѣнію арміи, онъ былъ тѣмъ злымъ гениемъ, вліяніе котораго объясняло всѣ неудачи добровольческаго движенія.

О грабежахъ въ Добровольческой арміи безконечно писалось и говорилось — врагами ея, и друзьями. Чтобы быть справедливымъ въ этомъ вопросѣ, нужно понять условія гражданской войны. Когда мы выступили изъ Симферополя у насъ не было не только связи съ интендантствомъ, у насъ даже не было ни одной походной кухни. Питаться вплоть до Кашая приходилось собственными силами и средствами. Я какъ сейчасъ вижу одного изъ добровольцевъ нашего полка, бывшаго оставленнаго при Университетѣ по кафедрѣ классической филологіи, бѣгущимъ по грязнымъ и размокшимъ озимямъ за поросенкомъ и норовившимъ ухватить его за ногу. Вотъ онъ уже совсѣмъ изловчился поймать звѣря, но тотъ увернулся и, при громкомъ смѣхѣ, нашъ классикъ растянулся всѣмъ тѣломъ на грязной землѣ. Поросенокъ, впрочемъ, былъ общими силами пойманъ и тотчасъ же изжаренъ. Такъ жарили гусей, индѣекъ и куръ въ большомъ количествѣ, въ особенности въ голодное время. Это былъ, конечно, грабежъ, но грабежъ изъ за нужды, потому что ѣсть было нечего. Объ этой нуждѣ слѣдовало бы помнить многимъ морализирующимъ публицистамъ, метавшимъ на наши головы громы и молніи. Но скажутъ, что не объ этихъ грабежахъ идетъ дѣло. Говорятъ о нагробленномъ золотѣ, серебрѣ и милліонахъ денегъ. Я знаю, что такія части были, но лично я такихъ грабежей не видѣлъ. Мы знали, что одинъ изъ крымскихъ конныхъ полковъ такъ грабилъ, хотя командованіе съ этимъ и боролось. Однако, большинство частей по крайней мѣрѣ въ Крыму такими грабежами не занималось. Все зависѣло въ концѣ концовъ отъ команднаго состава, въ рукахъ котораго имѣлось сколько угодно средствъ создать то или иное настроеніе въ полку. У насъ, благодаря умѣню и такту командира, съ самаго начала былъ созданъ порядокъ, грабежамъ не покровительствующій. Въ самомъ началѣ похода у двухъ солдатъ, стащившихъ въ Карасу-Базарѣ кусокъ шелка, былъ произведенъ обыскъ и имъ былъ данъ весьма жестокой нагоняй. А затѣмъ былъ заведенъ обычай по возможности платить за все, что взято у населенія. Я не разъ былъ свидѣтелемъ, что это оказывало на населеніе самое благотворное вліяніе. Помню, въ началѣ похода пришлось прибѣгнуть къ реквизиціи лошадей. Денегъ въ полковой кассѣ было мало и приходилось уплачивать за реквизируваннаго коня не болѣе $\frac{1}{10}$ настоящей цѣны, на остальное командиръ выдавалъ квитокъ съ печатью и под-

писью. Это производило на хозяевъ весьма успокаивающее дѣйствіе. Я думаю, у нихъ не было особой надежды получить по квитку, но дѣло было не въ этомъ — дѣло было въ соблюденіи элементарной юридической формы. Населеніе видѣло, что имѣетъ дѣло не съ простыми мародерами, но съ людьми, знающими какой то законъ. Такимъ образомъ поступали мы и при добываніи средствъ питанія. Какъ я уже говорилъ, обычно населеніе сперва не съ охотой давало продукты, но съ теченіемъ, времени, оно было не прочь продавать ихъ, безсовѣстно при этомъ обирая насъ. Мы объявляли тогда таксу на продукты, развѣсивъ объявленіе по деревнямъ, опять таки съ печатью и подписями. И это оказывало благотворное и успокаивающее дѣйствіе. Появлялось и молочко, и яички, и курочка. Бабы ахали, что цѣны дешевыя, мы увѣряли, что мы народъ бѣдный, такъ дѣло и обходилось. Къ общему удовольствію прибавляли поверхъ таксы по нѣскольку рублей и всѣ были сыты.

Сыты были конечно тѣ, у кого были деньги, деньги же были далеко не у всѣхъ. Я какъ рядовой получалъ 90 съ лишкомъ рублей. Офицеры получали въ мѣсяцъ около 300 руб. Не будь у меня своихъ денегъ, мнѣ приходилось бы весьма туго, т. к. казеннаго борща, который заведенъ былъ у насъ въ Кашаѣ, было весьма мало, да и его давали одинъ разъ въ день, а на ужинъ приготавливали такую кашу съ саломъ, что ее никто не ѣлъ. Вообще, жалованье нисколько не соотвѣтствовало условіямъ жизни. У насъ въ полку помогаль къ счастью духъ добраго товарищества. Тѣ, кто могъ покупать и ѣсть свое, всегда дѣлились съ неимущими. Сваренная въ складчину яичница обычно становилась общей.

На было въ нашей части и другихъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о моральномъ разложеніи арміи. Случалось, что устраивались попойки, но никогда не было нелѣпаго безпросвѣтнаго пьянства. Не было безобразной картежной игры, столь развращающей, дѣйствующей на дружескіе отношенія. Нѣкоторые наши картежники начали было устраивать желѣзку по ночамъ въ сараѣ, но ихъ общими силами скоро сократили. Отъ скуки процвѣталъ только безобидный преферансъ, въ которомъ у насъ было много самыхъ тончайшихъ искусниковъ, особенно изъ старыхъ полковниковъ. Съ большимъ удовольствіемъ смотрѣла на ихъ игру молодежь, когда они подводили мины подъ своихъ партнеровъ, оставляя ихъ бѣвъ двухъ и безъ трехъ.

Сидѣніе наше въ Кашаѣ совпало съ весьма серьезными событіями на фронтѣ Добровольческой Арміи. Сосредоточивъ большія силы въ царипынскомъ направленіи и въ направленныхъ станицъ Торговой и Великокняжеской, большевики повели на ген. Деникина довольно успѣшное наступленіе. Тамъ тогда шли рѣшающіе для насъ бои. Всѣ мы знали, что ихъ неблагоприятный исходъ можетъ повести за собою общее крушеніе арміи. Твердой увѣренности въ невозможности такого исхода ни у кого не было, напротивъ многіе готовились ко всему худшему: поговаривали о возможности отступленія на Кавказъ, въ Грузію и мечтали о переездѣ въ Сибирь — то было еще время военныхъ успѣховъ адмирала Колчака.

Въ одинъ дождливый день внезапно и неожиданно, какъ всегда бываетъ на войнѣ, окончилось наше Кашайское сидѣнье. Въ этомъ заключалась одна изъ особенностей нашей военной жизни — въ отсутствіи твердости и надежности положенія. Казалось, что мы уже ужились въ нашей избѣ, завели постоянный жизненный порядокъ, выработали обычаи и привычки, но вдругъ вамъ говорятъ — пожалуйста выступать. Никто не знаетъ куда и зачѣмъ. Начинается утомительная суeta дорожныхъ приготовленій и извѣстная передъ всякимъ отъѣздомъ спѣшка. Сначала кажется, что къ сроку и нельзя собраться, но потомъ обнаруживается, что въ назначенный ранній утренній часъ всѣ какъ то подтянулись, позавязались, подковались — и вотъ вытянулся длинный рядъ всадниковъ, а за нимъ обозъ тачанокъ, мѣсящихъ грязь по деревенской улицѣ. Въ кавказской буркѣ, на крупной сѣрой кобылѣ выѣзжаетъ нашъ командиръ и съ группой всадниковъ слѣдуетъ вдоль обоза. Вотъ онъ поравнялся съ головой колонны и медленно она

завдигалась. Беспорядочно потянулись длинные линии тачанокъ, обсаженныхъ покрытыми чѣмъ попало и мокнущими подъ дождемъ людьми.

Мы двинулись неожиданно для всѣхъ на востокъ по направленію къ Керчи. Въ Керчи было въ это время очень неспокойно, засѣвшие въ каменоломняхъ большевики проявляли очень интенсивную дѣятельность. Извѣстно было, что незадолго до нашего выступленія каменоломщики сдѣлали нападеніе на самый городъ. Нападенію подвергалась тюрьма, казначейство и казармы. Однако, дѣйствіями Керченскаго гарнизона нападающіе были выбиты изъ города и опять скрылись въ каменоломняхъ. Почти наканунѣ нашего выступленія было снова совершено нападеніе на керченскій вокзалъ, гдѣ было убито нѣсколько человѣкъ. Мы предполагали, что насъ поведутъ въ Керчь, и предположенія наши оправдались.

Мы двигались цѣлый день и ночевали на какомъ то покинутомъ хозяевами одинокомъ степномъ хуторѣ. Изъ него мы дошли до станціи Семькологдеевъ, погрузились тамъ на поѣздъ и къ ночи были доставлены на Керченскій вокзалъ. Въ ту же ночь намъ была поручена охрана вокзала и прилегающихъ желѣзнодорожныхъ путей.

Ночью я два раза ходилъ въ караульную смѣну и почти что не спалъ. Утромъ насъ сняли съ охраны и мы почти весь день валялись на вокзальномъ дворѣ въ полномъ незнаніи нашей дальнѣйшей судьбы. Отъ бездѣлья, отъ жары, отъ отсутствія воды и пищи, люди ворчали и сердились. Командиръ уѣхалъ въ городъ и не возвращался. Наконецъ, часамъ къ пяти дня намъ было приказано выступить въ лежащую нѣсколько сѣвернѣе города деревню Булганакъ.

Костя исполнялъ тогда обязанности полковаго адъютанта. Онъ ѣздилъ въ городъ и пріѣхалъ оттуда въ настроеніи мрачномъ и серьезномъ.

«Ну, что», — спросилъ я его, отведя въ сторону. Онъ дѣлился со мной обыкновенно разными секретными свѣдѣніями.

«Да, дорогой мой, положеніе у насъ довольно грязное. Врагъ дерзкій и обнаглѣлый. Ихъ довольно много и всѣ крайніе головорѣзы. И къ тому же они почти внѣ предѣла досягаемости. Поди ка, выгони ихъ изъ норъ. Пробовали заходить къ нимъ въ деревню около каменоломень, но неудачно. Обстрѣливаютъ со всѣхъ сторонъ и все больше головные раны. Бьютъ изъ подъ земли навѣрняка въ голову»...

Мы посмотрѣли вдаль, на виднѣвшееся на горизонтѣ село Аджимушкай, подъ которымъ и около котораго расположены были извѣстныя Керченскія каменоломни. Оно широко раскинулось въ верстахъ трехъ отъ города, гранича съ тянувшимися съ сѣверной стороны курганами и холмами. Не вѣрилось, что въ такой близости отъ одной изъ главныхъ базъ Крымской Арміи, въ самомъ сердцѣ ея тыла могъ пріютиться такой опасный и серьезный врагъ, съ которымъ мы были сильны были справиться. Все это было удивительно и напоминало какіе то рассказы и приключенія, о которыхъ мы читали въ юности.

Да, братъ, все Микола Угодникъ, сказалъ Костя, грязная, братъ, исторія.

Мы быстро собрались и двинулись въ путь по длиннымъ слободкамъ, къ городскимъ предмѣстьямъ. Странныя эти слободки окружаютъ русскіе города. Стоятъ въ нихъ крошечные домики, на курьихъ ножкахъ, съ покосившимися заборами и дырявыми крышами. Здѣсь живетъ та весьма неопредѣленная часть російскаго населенія, которая именовалась въ свое время мѣщанами. Меня всегда поражала неопредѣленность профессій этихъ російскихъ гражданъ и ихъ чрезвычайно деклассированный характеръ. Богъ знаетъ, чѣмъ они занимаются — мажачать, торгуютъ телятиной и старыми тряпками, снимаютъ сады и огороды, шьютъ сапоги и торгуютъ на лоткахъ. Трудно сказать, буржуазія ли это или пролетаріатъ. По нищетѣ своей они скорѣе всего подходятъ къ послѣднему, а по обладанію недвижимостью приближаются скорѣе къ первому. Таковы повидимому были и жители Керченскихъ предмѣстій, кутившіеся въ безконечно грязныхъ домишкахъ, мимо которыхъ медленно двигался нашъ отрядъ. По взглядамъ, которыми насъ встрѣчали и провожали они, нельзя было сказать, что мы имъ по ду-

тѣ. Нѣкоторые отдѣльные жесты и усмѣшки людей, выглядывавшихъ изъ оконъ и изъ воротъ, прямо говорили, что намъ не желаютъ ни добра, ни успѣха.

Выѣхавъ за околицу города и пересѣкши желѣзнодорожную вѣтку, соединявшую городъ съ огромными видѣвшимися вдали Брянскими заводами, мы скорѣ достигли нашей стоянки. Деревня Булганакъ состояла изъ нѣсколькихъ рядовъ домовъ, расположенныхъ на овражистой и очень пересѣченной мѣстности. На сѣверѣ по направленію къ Азовскому морю деревня упиралась въ гряды холмовъ и скалъ, перерѣзанныхъ лощинами и впадинами. Довольно большая возвышенность отдѣляла ее отъ Аджемущайскихъ каменоломенъ, лежащихъ въ верстахъ въ трехъ на востокъ по направленію къ Керченскому проливу. Съ юга и съ запада шли широкія поросшія молодымъ хлѣбомъ поля.

Часть домовъ въ деревнѣ была уже занята пришедшей сюда казачьей сотней отряда генерала Б. Поэтому намъ не удалось сконцентрироваться въ одной части деревни. Пришлось разбиться по отдѣльнымъ дворамъ, отдѣленнымъ другъ отъ друга улицами, оврагами и садами. На главной улицѣ остался штабъ полка, команда связи и пулеметъ. Второй и третій эскадроны помѣстились въ сѣверной ея части, а мы въ восточной, граничащей съ поднимающимися по направленію къ Аджимущаю холмами. Такой способъ нашего расположенія сыгралъ фатальную роль и былъ причиной постигнувшихъ насъ жестокихъ несчастій.

Костя звалъ меня ночевать въ Штабъ полка, помѣстившійся въ очень хорошей хатѣ, но по какому то предчувствію я рѣшилъ остаться въ эскадронѣ. Мы помѣстились въ одной изъ самыхъ крайнихъ хатъ, что называется въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. Былъ уже вечеръ, мы пили чай, когда къ намъ пришли два нашихъ татарина изъ эскадрона и говорятъ, что отыскиали невдалекѣ, на краю деревни, пещеры и каменоломни. Мы взяли фонарь и пошли ихъ осматривать.

Шагахъ въ трехстахъ отъ нашей хаты лежалъ довольно глубокой оврагъ. На дѣй его въ обнажившейся отвѣсной скалѣ были выбиты пять довольно широкихъ пещеръ. Ширина ихъ была настолько значительна, что свободно могла проѣхать телега съ тройкой лошадей. Мы въ нерѣзительности остановились передъ зияющей темнотой у входа. Быть можетъ, оттуда кто нибудь слѣдилъ за нами и ждалъ момента, чтобы пустить коварную пулю. Взяли на руки винтовки и зажгли фонарь.

Глядите, сказалъ кто то, здѣсь совсѣмъ свѣжіе слѣды.

Дѣйствительно, въ одну изъ подземныхъ галлерей явственно шелъ слѣдъ отъ проѣхавшаго туда экипажа. Сырая глина, приставшая къ колесамъ, отвалилась на сухомъ полу подземнаго хода, не успѣвъ еще высохнуть. Поставивъ охрану у всѣхъ выходовъ изъ подземелья, мы рѣшили проникнуть въ тотъ, въ которомъ были обнаружены слѣды. Съ мерцающимъ фонаремъ мы постепенно углублялись въ темноту, держась какъ можно ближе стѣнъ подземной галлерей.

Пройдя шаговъ 50 по прямому направленію, мы очутились въ большой выбитой подъ землей круглой залѣ. На полу ея были слѣды соломы и сѣна. Въ одномъ изъ угловъ стояла бочка полная воды. Вода повидимому была чистая и годная для питья.

Въ одной изъ стѣнъ подземной комнаты имѣлся болѣе узкій ходъ, ведущій въ другую болѣе узкую и низкую галлерей. Пройдя по нему нѣсколько шаговъ, мы опять попали въ какую то поперечную галлерей такой же ширины, какъ и первая. Здѣсь скорѣ нами открыта была наполненная сѣномъ телега. Подъ сѣномъ на дѣй ея мы нашли значительное количество винтовочныхъ обоймъ и патроновъ. Стало быть, здѣсь были, а можетъ быть и сейчасъ сидятъ вооруженные люди.

Было уже достаточно поздно, чтобы производить дальнѣйшія изысканія, тѣмъ болѣе, что безъ длинной бичевы опасно было углубляться въ перепутанные подземные ходы. Мы вывезли найденную тачанку изъ подземелья и представили въ штабъ полка, а у входа въ пещеры поставили дозоръ. Тотчасъ же для объясненія вызванъ былъ деревенскій староста. Это былъ плутоватый на видъ и упор-

ный старикъ, единственнымъ отвѣтомъ котораго было, что онъ ничего не знаетъ и знать не можетъ.

«Нынче мало ли какого народа ходить», говорилъ онъ, «вотъ вы пріѣхали, а зачѣмъ, намъ неизвѣстно, коли будетъ кто спрашивать, мы не можемъ знать, а въ каменоломни мы не ходимъ, боимся, кто привезъ тачанку намъ неизвѣстно и т. кой тачанки во всей деревнѣ не было. Это, поди, германская тачанка. Нѣмцы изъ такихъ ѣздили, а у насъ такихъ не было».

«Ты, братъ, старикъ, не ври, не отпирайся», говорилъ ему нашъ командиръ эскадрона. «Какъ это возможно, чтобы въ деревнѣ не было извѣстно, кто возилъ воду и тачанку, это тебѣ не городъ, ты небось отлично знаешь, какой твой сосѣдъ обѣдъ варилъ. А каменоломщики Аджимушкайскіе къ намъ приходятъ?».

«Каки таки каменоломщики», прикидывался старикъ дуракомъ, «никакихъ каменоломщиковъ мы не знаемъ, мало ли какого народу къ намъ ходить. Вотъ на-медни пришли ночью пятеро ко мнѣ въ хату съ винтовками, говорятъ, отвори, а то убьемъ. Отперъ дверь, вошли, давай, говорятъ, ѣсть. Ну покормилъ. А что за народъ, неизвѣстно: Деникинцы, али каменоломщики».

Такъ отъ него ничего и не добились и онъ былъ отпущенъ съ миромъ. Проблема отношенія къ населенію была рѣшена такъ, какъ это соотвѣтствовало началамъ гуманности и человѣческаго достоинства.

Я менѣе всего хочу глумиться надъ этими принципами, но хочу только сказать, что въ суровой обстановкѣ гражданской войны они не всегда бывають безопасны. Этого никакъ къ сожалѣнію не могли понять всѣ тѣ, кто требовалъ отъ ген. Деникина введенія конституціонныхъ гарантій и поносилъ Добровольческую Армію за ея жестокое отношеніе къ населенію. Конечно, ненужная жестокость не можетъ быть оправдана даже и на войнѣ, но разъ втягиваешься въ войну, нельзя избѣгать и жестокости. Наши подозрительныя находки не побудили насъ примѣнить къ населенію рядъ репрессій, но если бы мы ихъ примѣнили, то можетъ быть избѣжали бы и ненужныхъ жертвъ. Мы выставили усиленную ночную охрану, особенно въ сторону открытыхъ каменоломенъ и Аджимушкая и тѣмъ въ сущности ограничились.

Первая ночь прошла спокойно. На слѣдующій день наша молодежь энергично обследовала каменоломню. Галлерей оказалось очень много и ихъ всѣ нельзя было пройти до конца. Такъ и не установлено было, куда ведутъ и гдѣ кончаются подземные ходы. Среди дня въ деревню пріѣзжали какіе то люди съ морской рыбой, — мужчина и женщина. Женщина показала намъ ужъ очень интеллигентной для торговли, поговорили о томъ, что ее слѣдовало бы арестовать, но такъ и не арестовали. Вечеромъ того дня я сталъ въ дозоръ въ первую смѣну, невдалекѣ отъ входовъ въ каменоломню. Я лежалъ на небольшомъ курганчикѣ, возвышающемся на берегу оврага, и входы въ каменоломню были прямо напротивъ меня на другомъ берегу. Стоявшій со мной подчаскомъ татаринъ солдатъ, видно, крѣпко хотѣлъ спать. Прикурнувъ на землѣ, онъ неустанно начиналъ похрапывать, сначала мягко, потомъ все сильнѣе и сильнѣе настоящимъ богатырскимъ храпомъ.

«Измаилъ, не спи», будилъ его я.

«Ну какъ нѣтъ, спать, никакъ невозможно», получалъ я отвѣтъ, и черезъ нѣсколько мгновений снова раздавался его богатырскій храпъ. Наша смѣна была въ полночь и время тянулось безконечно долго. Вѣроятно было уже около полночи, когда съ боку отъ меня на краю деревни сильно залаяли собаки. Вскорѣ послѣ того, мнѣ начало казаться, что въ оврагѣ кто то ходитъ, я явственно слышалъ шумъ шаговъ и паденіе срывающихся съ крутизны камней. Если ночью прилечь низко къ землѣ и смотрѣть въ даль, легче бываетъ разсмотрѣть очертанія лежащихъ впереди предметовъ, но сколько я не прилегалъ и не всматривался въ темноту, впереди ничего не было видно. Наконецъ, шумъ шаговъ сталъ слышаться слишкомъ явственно. Взошелъ косой рогъ мѣсяца на ущербѣ и при его тускломъ свѣтѣ мнѣ казалось, что невдалекѣ отъ входа въ каменоломню на днѣ

оврага двигаются какія то тѣни. Я разбудилъ Измаила. Спросонья сначала онъ ничего не могъ понять, но потомъ его острый взглядъ сразу уловилъ присутствіе людей.

«Такъ точно, ходыть», прошепталъ онъ, «вона ходыть». И сталъ цѣлиться изъ своей винтовки. Мы получили приказаніе стрѣлять безъ опроса и предупрежденія. Я нервно ждалъ выстрѣла, а выстрѣлъ все не шелъ. Ну, ну, скорѣй стрѣляй, думалъ я. И все то же молчаніе. Наконецъ онъ грохнулъ съ неожиданной силой, раскатился по оврагу и отозвался нѣсколько разъ гдѣ то сзади насъ. И тотчасъ же въ оврагѣ мелькнуло нѣсколько огоньковъ, а за ними раздалась характерная трескотня стрѣляющихъ винтовокъ.

Я приказалъ Измаилу тотчасъ же бѣжать съ докладомъ къ караульному начальнику, а самъ остался на посту. Вскорѣ я услышалъ, что въ степи противъ деревни еще затрещали выстрѣлы. Я сталъ волноваться и мнѣ стало казаться, что меня могутъ отрѣзать и окружить. Между тѣмъ все затихло. Въ оврагѣ не обнаруживалось никакого движенія, что не только не успокаивало меня, но еще болѣе волновало. Къ счастью, черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ приближающіеся голоса и шаги нашихъ. Меня пришли смѣнять.

Я не дошелъ еще до начала нашей улицы, какъ около нашего дома при выходѣ въ степь затрещалъ нашъ пулеметъ. Наши пустили нѣсколько снарядовъ, чтобы поугаты подходившую къ намъ развѣдку врага. Въ общемъ картина была довольно ясна: каменоломщики подходили къ деревнѣ, производя ночную развѣдку, но нарвались на наши дозоры и ретировались. Теперь мы имъ на закуску рѣшили дать пулеметъ, чтобы отбить охоту отъ дальнѣйшихъ прогулокъ.

Я совершенно былъ увѣренъ, что врагъ нарвался, ушелъ и больше не вернется. Подъ вліяніемъ этой увѣренности я рѣшилъ по настоящему выспаться остатокъ этой ночи. Въ нашей избѣ еще не спали, я поболталъ немного, а затѣмъ залегъ на свободную кровать и тотчасъ же уснулъ мертвымъ сномъ.

Не знаю, сколько я спалъ, но разбудилъ меня чрезвычайный шумъ, поднявшійся въ нашей комнатѣ. Первое мгновеніе спросонья ничего нельзя было понять. Потомъ услышалъ я залпы вокругъ избы и крики нашихъ: «Одѣвайся, вставай, насъ окружили». Меня охватила жестокая нервная дрожь, зубъ, что называется, не попадалъ на зубъ. Руки дрожали и въ темнотѣ я не могъ найти части разбросанной одежды. Кто то зажегъ свѣтъ и тотчасъ же въ отвѣтъ раздался залпъ, стекла зазвенѣли и посыпались изъ окна. «Гаси, гаси свѣтъ», кричалъ кто то. «Вылѣзай изъ избы, а то хватить граната». Я кое какъ натянулъ сапоги, надѣлъ подсумокъ и взялъ винтовку. Въ избѣ уже никого не было, я былъ послѣднимъ.

Помню, я машинально остановился, когда побѣжалъ къ двери. На мгновеніе мною овладѣло чувство, похожее на то, которое испытываешь, когда приходится прыгнуть въ ледяную воду. И по приобретенной еще въ дѣтствѣ привычкѣ, креститься, когда прыгаешь въ воду, я перекрестился и выпрыгнулъ въ непроглядную темень двора. Я инстинктивно наклонялъ голову, ожидая или выстрѣла въ упоръ, или удара по головѣ. Съ такимъ чувствомъ я пробѣжалъ дворъ, наткнулся на какого то тоже бѣжавшаго человѣка и выскочилъ на улицу. Вокругъ продолжали стрѣлять, и нельзя было понять, откуда и въ кого стрѣляютъ. Выбѣжавъ изъ воротъ, я остановился. Куда бѣжать, думалъ я. Налѣво лежала деревня, направо конецъ улицы и степь. Твердая увѣренность, что нападеніе идетъ изъ степи, а не изъ деревни, гдѣ были расположены наши, повернула меня въ лѣвую сторону. Я побѣжалъ по пустынной улицѣ подъ гору и достигъ перваго перекрестка. Здѣсь я былъ окликнутъ нѣсколькими пробирающимися подъ заборомъ людьми.

«Стой, кто идетъ!»

«Свой».

«Кто свой, пропускъ».

У насъ въ этотъ день пропускомъ служила «пушка».

«Пушка», кричу я.

«Какъ», кричатъ мнѣ въ отвѣтъ, «ишь, сволочь, говорить разучился».

«Пушка», закричалъ я опять и пехолодѣлъ. Я понялъ, что попалъ прямо на дозоръ большевиковъ. Внезапность происшедшаго не дало мнѣ возможности предпринять какія либо обдуманныя дѣйствія. Я просто стоялъ, какъ остолебѣлый, думая, что сейчасъ же буду захваченъ и разстрѣлянъ. Но по совершенно непонятной для меня тогда причинѣ, люди изъ темноты закричали мнѣ:

«Отваливай скорѣй, товарищъ, а то прямо попадешь къ кадетамъ».

Какъ я узналъ потомъ, меня, также, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, спасло одно курьезное обстоятельство: у насъ въ ту ночь былъ пропускъ «пушка», а у нихъ «мушка».

Помню, рядомъ былъ домъ, потомъ небольшой заборъ. Я, видя, что меня не берутъ и въ меня не стрѣляютъ, машинально снялъ пенснэ съ носа и положилъ въ карманъ, такъ, мнѣ казалось, я болѣе походилъ на «товарища».

«Бѣги, товарищъ, тамъ кадеты», кричали мнѣ изъ темноты. Я пробѣжалъ домъ, поравнялся съ заборомъ, напрягъ всѣ силы и перескочилъ его. Впереди были густые кусты вишенника. Я вбѣжалъ въ нихъ и бросился на землю.

Вокругъ меня все стихло, но на главной улицѣ деревни шла страшная перепалка. «Ура, ура», явно доносилось до меня оттуда. «Бей, кадетовъ». Я совершенно не зналъ, что мнѣ дѣлать и почему то рѣшился вернуться назадъ. Садами я добрался до нашего дома и невдалекѣ отъ него около околицы встрѣтилъ человѣкъ пятнадцать нашихъ съ пулеметомъ. Замѣтно, что всѣ были растеряны, никто не командовалъ и всѣ спорили. Одни предлагали идти на деревню. Другіе говорили, что такъ мы легко перестрѣляемъ нашихъ. Такъ никто и не зналъ, откуда нападалъ врагъ, и гдѣ сейчасъ расположенъ. Неизвѣстно, сколько бы продолжалось это состояніе растерянности, если бы по насъ опять не былъ открытъ огонь. На этотъ разъ обстрѣливали насъ со стороны деревни изъ виноградниковъ и садовъ, которые лежали немного лѣвѣе насъ. Мы тотчасъ же разсыпались и залегли за каменнымъ заборомъ, отдѣлявшимъ сады отъ степи.

По отдѣльнымъ и все учащающимся выстрѣламъ и огонькамъ, мерцающимъ во всю длину прилегающихъ къ степи садовъ, можно было видѣть, что на насъ двигается какая то правильно наступающая цѣпь. Странно, что мы всѣ и, въ частности, я считали эту цѣпь своей, а не непріятельской. Лично я думалъ, что наши, отбивъ нападеніе на главной улицѣ, двигаются, чтобы очистить отъ непріятеля сады. «Не стрѣляй, не стрѣляй», говорили у насъ, «то наши». «Кто идетъ», кричали мы. «Эй, чего стрѣляете, здѣсь свои». И въ отвѣтъ на наши крики мы стали слышать въ кустахъ голоса наступающихъ. «Не стрѣляйте, то свои, крымцы». Огонь сталъ рѣдѣть. Наступающіе съ каждымъ мгновеніемъ приближались къ намъ и движеніе ихъ слышалось уже совсѣмъ близко. Лежащій невдалекѣ отъ меня полковникъ З. сталъ изъ-за забора во весь ростъ и закричалъ: «Эй, крымцы, что вы по своимъ стрѣляете». И только онъ это крикнулъ, какъ внезапно прямо намъ въ лицо засвѣтилъ свѣтъ огоньковъ и раздался оглушительный залпъ. Я видѣлъ, какъ З. упалъ на землю. Не помню, что было послѣ этого, но я сталъ машинально стрѣлять впередъ черезъ заборъ, какъ можно скорѣй, стараясь работать затворомъ. Я чувствовалъ, что и всѣ такъ же стрѣляютъ, а справа гудитъ нашъ пулеметъ. Не отдаю себѣ отчета, сколько времени все это продолжалось, но наступилъ моментъ, когда подъ вліяніемъ нашего огня противникъ повидимому сталъ отступать и удаляться. Мы поднялись и стали отходить въ степь. Повидимому, это былъ самый разумный планъ дѣйствій при страшной путаницѣ, которая случилась въ эту ночь.

Было уже раннее утро. У полотна желѣзной дороги стоялъ нашъ бронепоездъ и обстрѣливалъ артиллерійскимъ огнемъ деревню Булганакъ. Около него подъ желѣзнодорожной насыпью собрались остатки отступившихъ въ разныхъ

направленіяхъ изъ деревни добровольцевъ. Видъ нашъ, надо сказать, былъ довольно жалкій. Большинство было полуодѣто, многіе дрожали и отъ утренняго холода, и отъ только что пережитой встряски. Тамъ и здѣсь въ степи виднѣлись отдѣльные отступающіе изъ деревни дѣхотинцы и всадники. Въ деревнѣ раздавались еще рѣдкіе одиночные выстрѣлы, повидимому, она была занята врагомъ.

Снаряды изъ двухъ орудій бронепоезда летѣли черезъ наши головы, а громъ выстрѣловъ отвратительно оглушалъ. Я отошелъ въ сторону и легъ на траву. Чувство полной физической разбитости, доходящее до полного маразма, овладѣло мною. И въ то же время я чувствовалъ, что не могу уснуть: такъ сильно и напряженно бились нервы, не позволяя даже спокойно закрыть глаза. Но не долго продолжался мой отдыхъ. «Вставай, вставай», закричали голоса. Насъ построили, развернули въ цѣпь и приказали выбить непріятеля изъ деревни Булганакъ.

Я первый разъ шелъ въ атаку, въ цѣпи. Усталость, овладѣвшая мною, была столь велика, что въ ней совершенно погасли впечатлѣнія новизны и чувство обычнаго страха. Равнодушно я волочилъ ноги по мокрой отъ росы пшеницѣ. «Не отставай, не отставай, направо равняйся», кричали намъ. Надъ головой свистѣли снаряды бронепоезда, разрывающіеся въ деревнѣ и поднявшіе тамъ пожары. Такъ я доташился до первыхъ садовъ, изъ которыхъ можно было ожидать сопротивленіе противника. Однако деревня спокойно молчала. Она какъ бы вымерла въ это ясное, весеннее утро. Жители попрятались, а противникъ своевременно отступилъ за холмы, лежащіе на сѣверѣ.

На главной улицѣ около дома, гдѣ помѣщался штабъ полка, распластавшись ничкомъ съ разбитой и изуродованной головой, лежалъ трупъ убитаго офицера. Онъ былъ въ новенькомъ чистомъ френчѣ, въ синихъ съ галунами бриджахъ и въ статныхъ кавалерійскихъ сапогахъ.

Костя, сказалъ кто-то, Костя Каблуковъ. Мы остановились и стали креститься.

Потери наши въ ту злосчастную ночь были значительны. 14 убитыхъ... Нѣсколько человѣкъ было уведено въ плѣнъ, откуда они впослѣдствіи всѣ бѣжали. Скоро выяснилась обстановка, при которой случилось нападеніе. Выяснилось, что противникъ былъ отлично ориентированъ во всемъ нашемъ расположеніи, обошелъ всѣ дозоры и прежде всего напалъ на Штабъ полка. Ихъ было человѣкъ 350-400. Прибѣжавшій вскорѣ изъ плѣна вольноопредѣляющійся, которому удалось какъ то скрыться при отходѣ большевиковъ отъ самой деревни, рассказалъ, что среди нападающихъ было нѣсколько деревенскихъ жителей. Было несомнѣнно, что жители деревни имѣли самую тѣсную связь съ каменоломщиками.

Былъ позванъ тотъ же староста для объясненій, однако онъ попрежнему продолжалъ выдерживать «нейтралитетъ». Но съ нашей стороны спокойствіе было утеряно. Особенно обозлены были солдаты-татары, и мы боялись, что они покончатъ со старостой самосудомъ. Упорный нейтралитетъ старика еще болѣе подливалъ масла въ огонь. «Дозволь въ шомпола, Ваше Благородіе», — кричали караульные татары, когда староста упорно отвѣчалъ на всѣ вопросы неосвѣдомленностью и незнаніемъ. Но шомполовъ не разрѣшали.

Здѣсь случилось одно обстоятельство, окончательно нарушившее равновѣсіе допрашивающаго старосту офицера. Пришли люди, производившіе обыскъ въ его избѣ, и сообщили, что тамъ найдены партійныя карточки, избобличающія принадлежность старосты къ коммунистической партіи.

«А не забылъ ли ты что нибудь въ столѣ?» — спросилъ допрашивающій старосту.

Старикъ поблѣднѣлъ и губы у него затряслись.

«Ничего не забылъ, что можетъ у насъ въ столѣ быть?»

«А это что, а?» — и старостѣ показали билетъ.

Старикъ молчалъ. «Дозволь въ шомпола», — рычали караульные татары.

«Вкатите ему, мерзавцу», — былъ отвѣтъ.

Старика схватили и положили на землю. Двое изъ татаръ его держали, и третій желѣзнымъ шомполомъ началъ методически лупить его по спинѣ. «Разъ два, — отсчитывалъ татаринъ, — будешь теперь знать, гдѣ большевики». Картина была не изъ пріятныхъ. Старикъ сталъ стонать. «Будетъ, достаточно», — раздался голоса, но татаринъ вошелъ въ ражъ и запоролъ бы старика до смерти, если бы его не схватили и не остановили два офицера.

Старикъ всталъ съ земли и довольно спокойно сталъ застегиваться. Меня даже поразила та удивительная безучастность, съ которой онъ отнесся къ экзекуціи.

«Такъ не знаешь, гдѣ у васъ большевики», — спросилъ допрашивающій. Старикъ махнулъ рукой.

«Дозвольте доложить, Ваше благородіе», — вступился одинъ изъ присутствующихъ здѣсь понятыхъ. — «Онъ все равно не скажетъ. Спросите его синишку».

Привели двухъ его сыновей. Одного лѣтъ двадцати съ лишкомъ, видомъ рабочаго, другого мальчишку, лѣтъ пятнадцати. Хотѣли было допрашивать старшаго, но понятой запротестовалъ.

«Не того, Ваше благородіе, вотъ этого маленькаго».

«Да, что онъ знаетъ?»

«Да. Вы уже допросите, Ваше благородіе».

Мальчишка плакалъ, и на вопросъ, знаетъ ли онъ, кто изъ деревенскихъ находится въ сношеніяхъ съ каменоломщиками, отозвался также незнаніемъ.

«Да. Вы ему вкратце хорошихъ», — сталъ упрашивать понятой. «Вкратце, вкратце», — соглашался и отецъ.

Татары схватили мальчишку. Тотъ закричалъ, какъ сумасшедшій, и началъ брыкаться руками и ногами. Его тѣмъ же не менѣе положили и ударили одинъ или два раза.

«Ой, скажу, скажу», — сталъ кричать онъ. «Ой, идите къ Федору Рыжему».

Мальчишку подняли и онъ сталъ подробно выдавать. Старикъ староста такимъ образомъ застраховалъ себя отъ мести «товарищей» спиной своего младшаго сына. Мальчишка, молъ, выдалъ, что съ него спрашивать...

Ихъ всѣхъ арестовали и передали въ Керчь.

Только что успѣли мы подобрать трупы, какъ изъ Керчи пріѣхалъ ординарецъ съ приказаніемъ атаковать село Аджимушкой и занять его западную часть. Приказаніе это было для всѣхъ довольно неожиданно. Мы построились въ цѣпь, двинулись въ сторону Аджимушкой и скоро заняли крутыя возвышенности, отдѣлявшія насъ отъ села. Здѣсь намъ было приказано остановиться и ждать распоряженія о дальнѣйшемъ наступленіи.

Мы не знали, что въ этотъ день предполагались рѣшительныя дѣйствія противъ каменоломщиковъ. Съ занимаемыхъ нами холмовъ открылась картина значительнаго передвиженія войскъ, концентрирующихся на сѣверной сторонѣ Керченскаго залива, вдоль желѣзнодорожной вѣтки, соединяющей городъ съ Брянскими заводами. Видно было, какъ изъ города подходит пѣхота и кавалерія. Два бронепоезда проѣхали по вѣткѣ и стали ближе къ Брянскому заводу подъ возвышающемся надъ всей мѣстностью, такъ называемымъ, Царскимъ курганомъ. Въ бинокль можно было рассмотреть, какъ ввозили орудіе на этотъ извѣстный своими Скифскими раскопками курганъ, расположенный на юго-востокъ отъ Аджимушкой.

Военныя дѣйствія начались съ артиллерійской подготовки, въ которой приняли участіе и стоявшіе на рейдѣ англійскіе миноносцы. Снаряды падали тамъ и здѣсь въ селѣ, рвались и поднимали столбы дыма и пыли. Потомъ все стихло и по дорогамъ, ведущимъ отъ города къ селу, поѣхали наши броневики, издали потрескивая пулеметами. За ними, изъ-за насыпи желѣзно-дорожной вѣтки, по-

тянулась довольно длинная, охватывающая всю южную часть цѣль пѣхоты. Чѣмъ ближе подходила цѣль къ южной части села, тѣмъ жарче и жарче становилась отдаленная трескотня винтовокъ. Повидимому, затѣялся довольно жаркій бой за обладаніе южной части села, результатъ котораго для насъ былъ неясенъ. Въ это время къ намъ прискакалъ казакъ съ приказаніемъ двигаться впередъ. Мы построились въ цѣпь, но цѣпь эта была до смѣшного мала по сравненію съ лежащими передъ нами пространствами. Западный бокъ села растянулся версты на двѣ. Лѣвѣе насъ, къ сѣверу, далеко тянулись выступающіе передъ деревней сады. Прямо передъ нами лежалъ центръ села съ церковью посерединѣ. Правѣе насъ, на югъ, строенія и дома выходили прямо въ поле и далеко тянулись по направленію къ городу и заливу. На крайнемъ концѣ ихъ и шелъ бой. Наша цѣпь была столь мала, что могла атаковать самую незначительную часть западной границы Аджимушкая. Намъ приказано было держать направленіе центра села, прямо на церковь. Выгода такого движенія заключалась въ томъ, что мы ударяли въ тылъ защищающимся южную часть села краснымъ, но за то, при приближеніи къ центру деревни, слѣва мы имѣли линію выступающихъ въ поле садовъ, угрожающихъ нашему флангу и даже нашему тылу.

Мы шли по засѣянному пшеницей полямъ, все ближе и ближе подвигаясь къ линіи домовъ и строеній. Усталость моя, несмотря на безсонную ночь и пустой желудокъ, какъ то прошла. Нельзя сказать, чтобы было очень страшно, хотя въ умѣ моемъ постоянно мелькала картина перваго дня прошлой Пасхи: непріятельская цѣпь, идущая по полю, зловѣщая тишина у насъ, и потомъ внезапный огонь пулеметовъ. Теперь роли переменялись. На сколько шаговъ они насъ подпустятъ и какой устроить приемъ? Деревня противъ насъ зловѣще молчала, только изрѣдка раздавались отдѣльные выстрѣлы и жужжали одинокія пули. Одна ударила рикошетомъ, видно, о камень, около самой цѣпи, и жалобно запѣла. «Что профессоръ, хорошо поетъ», — кричали, свѣясь, мнѣ. «Сопрано!» Разстояніе между нами и первыми строеніями становилось все уже и уже. Мы поравнялись съ небольшимъ сельскимъ кладбищемъ, расположеннымъ среди полей, передъ деревней. Вотъ мы миновали его и передъ нами, впереди — большой высокой каменный заборъ усадьбы, выступающей въ поле. Это — большая усадьба сельской школы. Цѣпь наша какъ разъ настолько велика, чтобы охватить эту усадьбу. Откуда то раздаются немногочисленные винтовочные выстрѣлы, не причиняющіе намъ никакого вреда. Вотъ мы уже въ шагахъ стахъ отъ забора. «Ура», — кричитъ кто-то. — «Вѣгомъ маршъ!» Мы подбѣгаемъ къ забору и не встрѣчаемъ сопротивленія. Мы заняли школу безъ боя.

Сельская школа съ усадьбой была цѣлымъ небольшимъ помѣстьемъ, въ которомъ помѣщались кромѣ школьныхъ зданій домъ учителя, большой садъ и огороды. Все это и найдено было нами въ состояніи полного развала и запустѣнія. Школа, повидимому, уже подвергалась артиллерійскому обстрѣлу и крыши зданій были пробиты снарядами. Имущество было вывезено, садъ и огородъ опустошены.

Въ этой то школьной усадьбѣ мы провели три дня и три ночи, превративъ ее въ базу для военныхъ дѣйствій противъ каменоломщиковъ. Прямо противъ школы, черезъ улицу, за небольшимъ рядомъ домовъ, возвышалась сельская церковь — центральное мѣсто селенія. Первое время на колокольнѣ стоялъ непріятельскій пулеметъ, который насъ обстрѣливалъ. Около церкви находились главные ходы въ расположенныя подъ селомъ Аджимушкскіе каменоломни, за обладаніе которыми и велся первоначальный бой. Помимо этихъ главныхъ ходовъ по всей деревнѣ имѣлось безчисленное количество второстепенныхъ, расположеніе которыхъ никто не зналъ. Жители Аджимушкая занимались ломкой камня и продѣлывали ходы въ подземелья изъ хаты, а не черезъ улицу. Такимъ образомъ не было способовъ закрыть выходы изъ каменоломни и запретить тамъ противника, какъ лису въ норѣ. Въ любое время, особенно ночью, противникъ могъ выйти изъ подземелья, въ любомъ направленіи и въ любое время могъ уйти

подъ землю, становясь такимъ образомъ неуловимымъ. Помню, въ юности, читалъ я у Виктора Гюго, какъ въ Бретани революціонныя войска боролись съ раялистами, также обитавшими гдѣ-то подъ землею. Я думалъ тогда, что все это сочинено романистомъ. Но теперь, наяву, своими глазами видѣлъ я все это — эту совершенно сказочную войну въ подземельяхъ.

Къ половинѣ того дня, когда мы заняли школу, картина борьбы съ каменоломщиками была приблизительно такова. Наши войска, пѣхота и кубанскіе казаки, постепенно заняли всю южную и юго-восточную часть селенія вплоть до церкви и до главныхъ входовъ въ подземелья. Противникъ ушелъ подъ землю и забаррикадировалъ изнутри главные входы, противъ которыхъ кубанскіе казаки выставили нѣсколько пулеметовъ. Здѣсь шла все время не очень жаркая перестрѣлка между нашими и между каменоломщиками, которые обстрѣливали нашихъ изъ подъ земли. Занявъ школу, мы выдвинули наши дозоры впередъ къ церкви на связь съ казаками и подошли къ церковной оградѣ и къ главнымъ входамъ въ каменоломни. Однако, совершенно незанятой оказалась сѣверная часть Аджимушкая. У насъ не хватило силъ для полнаго окруженія деревни и для обложенья всей мѣстности, подъ которой обиталъ противникъ. Кромѣ того, не было гарантіи въ томъ, что въ занятой части села противникъ вдругъ откуда нибудь не выйдетъ изъ подъ земли — изъ какихъ-то невѣдомыхъ ходовъ — и не ударитъ намъ въ тылъ. Словомъ, положеніе было не твердымъ и сомнительнымъ. Приходившіе къ намъ казаки говорили, что ни разу еще за все время великой войны не были они въ такомъ невѣрномъ положеніи, въ которомъ сейчасъ находятся. «Стоимъ съ пулеметами противъ ходовъ», — говорили они, — «а, кто знаетъ, можетъ, врагъ пулеметы голыми руками сзади возьметъ». Оно такъ въ концѣ концовъ и вышло.

Я ходилъ къ церкви смотрѣть главные ходы въ каменоломни. Приближаться къ нимъ было очень опасно — какъ только высунешь голову изъ за стѣны или дома, сейчасъ же изъ подъ земли бьютъ. Однако, подойти къ ходамъ, осторожно и укрываясь, можно было довольно близко, вплоть до переговоровъ съ каменоломщиками. Изъ подъ земли намъ постоянно кричали, ругали насъ и смѣялись надъ нами, говоря, что мы все равно ничего не возьмемъ. «Эй», — кричали намъ, — «кадеты проклятые, чего днемъ стережете, это не наше время. Стерегите ночь, тогда поговоримъ».

Сколько было людей въ каменоломнѣ, тогда точно никто не зналъ. Впослѣдствіи оказалось, что тамъ было до тысячи человѣкъ вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми. Боеспособныхъ же было человѣкъ пятьсотъ-шестьсотъ. Изъ нихъ было много матросовъ, которые являлись наиболѣе боеспособной силой. Начальствовалъ, по одной версіи, бывшей унтеръ-офицеръ одного изъ гвардейскихъ полковъ, по другой — бывший студентъ Харьковскаго Университета. Каменоломщики, повидимому, были въ связи съ Совѣтской Россіей непосредственно черезъ Азовское море. Красные съ сѣвернаго берега Азовскаго моря проникали къ нимъ на рыбацкихъ лодкахъ, что было установлено нашими развѣздами.

Три дня и три ночи просидѣли мы, какъ я уже сказалъ, въ этой школѣ, держа связь съ казаками и производя вокругъ развѣдку. Здѣсь же на дворѣ разводили костры и готовили пищу, которая добывалась совершенно особымъ образомъ: связь съ Керчью была небезопасна, обоза у насъ, конечно, никакого не было, но вокругъ по полямъ ходило большое количество выпущенной на волю и пасущейся безъ всякаго призора невѣдомо чьей скотины. Мы стрѣляли ее изъ винтовокъ, снимали здѣсь-же шкуру, рѣзали и потомъ жарили и варили на кострахъ. Днемъ сидѣть было ничего, но ночью отвратительно. Три ночи никто изъ насъ не смыкалъ глазъ, и днемъ приходилось спать по очереди. Съ винтовками наготовѣ стояли мы у школьной каменной стѣны, въ которой продѣланы были нами бойницы и ждали неожиданной вылазки противника. Двѣ первыя ночи прошли относительно спокойно, но третья ночь оказалась для насъ трагичной.

Это была темная, пасмурная, дождливая ночь. Часовъ до двухъ отдѣльные выстрѣлы въ деревнѣ нарушали ночной покой. А послѣ двухъ около главныхъ ходовъ начался очень оживленный огонь, который скоро достигъ значительной силы. Видно, казаки стрѣляли изъ всѣхъ своихъ пулеметовъ, такой тамъ былъ трескъ. Ясно было, что противникъ предпринялъ какія то рѣшительныя дѣйствія, смыслъ которыхъ для насъ былъ совершенно неясенъ, т. к. связь съ казаками была нами потеряна. Неожиданно со стороны Керчи начался артиллерійскій огонь, который поддерживали и англійскіе миноносцы. Англичане обстрѣливали деревню также и свѣтящимися снарядами, которые разрывались надъ нашими головами и своимъ зеленымъ свѣтомъ на нѣсколько секундъ освѣщали все вокругъ. Становилось свѣтло, какъ днемъ, и можно было видѣть на нѣсколько мгновений, что дѣлается вокругъ насъ. Я не знаю, было ли это для насъ выгодно, при нашемъ партизанскомъ способѣ войны. Мы могли видѣть противника, но и противникъ также видѣлъ насъ.

И случилось такъ, какъ я говорилъ ранѣе. Попытавшись сдѣлать вылазки изъ главныхъ ходовъ и получивъ отпоръ, каменоломщики въ то же время вылѣзли изъ неизвѣстныхъ норъ и ударили казакамъ прямо въ тылъ. Казаки бѣжали, отдавъ противникамъ нѣсколько пулеметовъ. Бѣжала и занимавшая южную часть деревни пѣхота. Деревня была очищена отъ добровольцевъ, и оставалась только одна вклинившаяся въ деревню, занимаемая нами школьная усадьба.

Тогда каменоломщики двинулись на насъ. Было уже раннее утро, и въ то утро пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ жестокаго беспощаднаго боя, въ которомъ истребляли другъ друга русскіе люди. Это была дѣйствительно страшная бойня не на животъ, а на смерть. Перебѣгая отъ хаты къ хатѣ, отъ забора къ забору, шагъ за шагомъ приближались къ намъ красные, осыпая насъ беспощаднымъ огнемъ. Передніе изъ нихъ уже залегли за заборомъ, на той сторонѣ деревенской улицы, и сбоку въ огородахъ, около непосредственно примыкавшихъ къ школѣ деревенскихъ строеній. Стрѣлять приходилось уже, цѣлясь на мушку, въ отдѣльных смѣльчаковъ, которые въ утренней мглѣ старались перебѣжать улицу и достигнуть школьной ограды. Лѣзли они, что называется, какъ черти, и много ихъ лежало тамъ и здѣсь вокругъ школьнаго забора. Тогда убѣдился я въ отчаянности и храбрости нашего противника, о которомъ имѣлъ, какъ и многіе, не всегда правильное представленіе.

Было совсѣмъ свѣтло, когда натискъ противника сталъ, повидимому, слабѣть. Или дѣйствительно они были ночныя птицы и открытыя дѣйствія днемъ имъ не улыбались?.. И мы чувствовали большое утомленіе, а главное обнаруживающійся недостатокъ патроновъ. Я истратилъ свои послѣдніе патроны и пошелъ къ нашему заднему пулемету, чтобы раздобыться новыми. Но оказалось, что у пулемета всѣ патроны въ лентахъ и что пулеметчикамъ вообще не до того, т. к. они замѣтили, что противникъ вдающимися въ поле садами, какъ будто бы пытается обойти насъ съ тылу. Я пошелъ къ другому пулемету и встрѣтилъ нашего адъютанта, которому доложилъ, что у меня патроны всѣ вышли. «Сходите на кладбище», — сказалъ онъ мнѣ, — «и скажите высланнымъ туда пулеметчикамъ, чтобы они оставались тамъ и охраняли насъ на случай отступленія». Я перелѣзъ заборъ и пошелъ въ обратномъ отъ деревни направленіи, — той дорогой, по которой мы наступали на школу. Не прошелъ я пятидесяти-шестидесяти шаговъ, какъ вокругъ меня усиленно начали жужжать пули. Чѣмъ дальше, тѣмъ обстрѣлъ становился сильнѣе и невыносимѣе. Обстрѣливали, повидимому, меня съ двухъ сторонъ, съ южнаго конца деревни и выступающихъ на сѣверѣ отъ насъ садовъ. Я легъ и поползъ, однако пули ложились прямо около меня. Ползти оказалось не легче, чѣмъ идти, и я пробовалъ вставать, но опять ложился и ползъ. Мнѣ казалось, что я уже не выйду изъ этого поля и что сейчасъ придетъ мой конецъ. На душѣ стало какъ то тошно — такъ тошно, что въ головѣ бродила мысль — ну, скорѣе, скорѣе ударъ! Впереди меня, въ утреннемъ полусвѣтѣ, зачернѣло

что-то на землѣ, какъ будто лежащій человѣкъ. Я ползъ по направленію къ этому чернѣвшему предмету и скоро увидѣлъ, что ихъ два и что это лежащіе люди. Одинъ изъ нихъ лежалъ навзничъ, другой ничкомъ, неподвижно и неестественно распластавъ руки. «Кто это?»... Кто идетъ?» — застоналъ тотъ, кто лежалъ навзничъ. Я узналъ въ немъ нашего вольноопредѣляющагося Иванова. Еще вчера въ школѣ, зайдя въ кусты акаціи, я невольно видѣлъ, какъ онъ лежал на землѣ, смотрѣлъ на какой то женскій портретъ и сильно смутился, неожиданно увидѣвъ меня. Такъ ясно, помню, предстало передо мной тогда это воспоминаніе, эта юная краска лица, надъ которымъ сейчасъ уже витала смерть.

«Кто идетъ», — спрашивалъ онъ.

«Это я, профессор».

«Прощайте, умираю»...

Я всталъ надъ нимъ и хотѣлъ было его поднять, но онъ сталъ противиться.

«Умираю, идите, идите, а то убьютъ».

Конвульсивное движеніе прошло по его тѣлу и онъ захрипѣлъ.

Въ какомъ то оцѣпенѣніи я пролежалъ около него нѣсколько мгновений, потомъ напрягъ всѣ свои силы и побѣждалъ по полю къ виднѣвшемуся впереди кладбищу. Помню, силы меня уже стали совсѣмъ покидать, когда я былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ граничащаго съ кладбищемъ невысокаго землянаго вала. Я бросился въ канаву у вала въ почти что уже безсознательномъ состояніи.

На кладбищѣ я нашелъ нашихъ пулеметчиковъ, охраняющихъ нашъ тылъ. Пулеметчики сообщили мнѣ, что наши выбиты изъ деревни и что мы принуждены будемъ покинуть школу. Взошло солнце, съ кладбища можно было наблюдать, что по краямъ деревни, то тамъ, то здѣсь между хатами дѣлали перебѣжку каменоломщики, скрываясь за заборами и въ садахъ. Черезъ нѣкоторое время изъ школы выѣхалъ нашъ конный разъѣздъ и мы видѣли, какъ ѣхавшій единственный нашъ полковой казакъ, Дорошенко, упалъ съ коня и конь понесся по полю. Онъ былъ убитъ здѣсь наповалъ. Нѣкоторые изъ нашихъ достигли кладбища и передали, что мы будемъ отступать не сюда, а вдоль деревенской улицы, прямо на югъ. Это было безопаснѣе, т. к. все же можно было скрываться за домами. По видимому, противникъ дѣйствительно не ожидалъ нашего отступленія въ этомъ направленіи, а потому и не сконцентрировалъ въ этомъ направленіи значительныхъ своихъ силъ. Изъ домовъ продолжали давать отдѣльные выстрѣлы, которые не причинили нашимъ значительныхъ потерь.

Было уже послѣ полудня, когда мы собрали свой пулеметъ и подъ сильнымъ огнемъ покинули кладбище. Усталость моя тогда была такъ велика, что я мало сознавалъ все вокругъ происходящее. Еле-еле дотащился я до желѣзнодорожной вѣтки около Керчи, гдѣ нашелъ нашихъ. Настроеніе у всѣхъ было тогда чрезвычайно подавленное. Ясно было, что мы потерпѣли большой неуспѣхъ, послѣдствія котораго еще трудно было предвидѣть.

Я хорошо помню нашу первую проведенную послѣ этихъ неудачъ ночь. Мы спали въ какой то грязной избѣ на самомъ краю города, а патрули наши были выставлены въ полѣ въ направленіи къ селу Аджимушкай. Мы всѣ чувствовали, что если бы въ эту ночь противникъ сдѣлалъ на насъ нападеніе, мы едва ли способны были оказать ему сколько нибудь серьезный отпоръ. Въ эту ночь передъ сномъ я слышалъ уже, какъ нѣсколько изъ нашихъ молодыхъ добровольцевъ говорили, что недурно бы было пойти къ морю и пошупать, гдѣ тамъ есть ялики, т. к., вѣроятно, намъ придется спастись на Тамань. Однако, ночь прошла спокойно. Непріятель, по видимому, былъ также обезсиленъ и лишенъ способности къ прямому натиску. Все же это было одна изъ самыхъ кошмарныхъ моихъ ночей, въ теченіе которой, несмотря на усталость, я почти что не могъ заснуть.

Въ слѣдующіе дни мы постепенно стали приходить въ себя и оправляться. Время, въ общемъ, было очень трудное. Каждую ночь мы ходили на охрану въ поле противъ Аджимушкай и перестрѣливались съ каменоломщиками, а днемъ отдыхали, квартируя въ слободкѣ, на краю города. Съ фронта начали прибывать

тогда значительныя военныя подкрѣпленія, пѣхотныя и конныя. Прошло около недѣли, и однажды утромъ опять началась артиллерійская подготовка и опять деревня была занята нашими. Насъ оставили тогда въ тылу и мы охраняли городъ или же несли по ночамъ дозорную службу вокругъ Аджимушка.

Для беробы съ каменоломщиками былъ примѣненъ тогда новый подрывной способъ. Наши подрывныя части стали закладывать взрывчатыя матеріалы въ деревнѣ надъ главными ходами въ каменоломню и главными подземельями, мѣстоахожденіе которыхъ было опредѣлено приблизительно по плану. Взрывы были страшно сильны, и отъ нихъ въ городѣ дрожали стекла. Громадныя столбы дыма, расплывающіеся на верху и похожіе на большой грибъ или на раскрытый зонтикъ, поднимались надъ селомъ на ясномъ крымскомъ небѣ. Сотрясенія отъ этихъ взрывовъ подъ землей, вѣроятно, были ужасны — и потомъ уже, когда каменоломщики сдались, оказалось, что у большинства ихъ былъ поврежденъ слухъ и гноились уши.

Въ то время, впервые къ намъ въ Крымъ стало прибывать англійское военное обмундированіе. Привезли его и для нашего полка и, надо сказать, что одѣвшіеся въ защитный цвѣтъ, мы впервые приобрѣли видъ настоящей военной части. Эта помощь обмундированіемъ была существенна, хотя и въ ней было много недостатковъ. Болѣе всего непригодны были англійскіе военные сапоги на шнуркахъ и съ тяжелыми желѣзными подковами, у нѣкоторыхъ сортовъ даже съ желѣзными каблучками. По крымской лѣтней жарѣ ходить въ такихъ ботахъ было настоящимъ мученіемъ, даже для привыкшихъ къ тяжелой обуви солдатъ. Бѣлье было дано также добротное, но тяжелое, шерстяное, какое въ пору носить въ холода. Манерки были тонкія, жестыя, тотчасъ дававшія ржавчину и не выносящія огня. Всего цѣннѣе были защитные френчи и бриджи — то извѣстное одѣяніе, которое и до сей поры еще отличаетъ русскихъ бѣженцевъ въ самыхъ различныхъ частяхъ свѣта.

Дни текли и дѣйствія противъ каменоломщиковъ приобрѣли характеръ измора. Днемъ ихъ глушили динамитомъ, ночью обкладывали со всѣхъ сторонъ дозорами. Казалось, что они уже потеряли свою активность и вопросъ сводился къ тому, насколько хватитъ имъ провіанта для сидѣнія подъ землей. Нѣсколько нашихъ татаръ, взятыхъ въ плѣнъ каменоломщиками еще въ деревнѣ Булганакъ, однажды ночью перешли къ намъ. Оказалось, что они вошли въ довѣріе къ каменоломщикамъ и ихъ стали даже посылать въ дозоры противъ насъ. Во время одного изъ такихъ дозоровъ они рѣшили утекъ и прямо вышли на своихъ крымцевъ.

Татары рассказывали, что у каменоломщиковъ достаточно имѣется всякаго провіанта, вдоволь воды, т. к. въ каменоломняхъ существуютъ свои естественные источники. Особенно беспокоятъ ихъ наши подрывныя дѣйствія, вслѣдствіе которыхъ многіе главные ходы обвалились и вообще жизнь стала въ главныхъ галлерейхъ почти невозможной. Каменоломщикамъ приходится ютиться въ различныхъ побочныхъ ходахъ, сравнительно низкихъ и съ удушливымъ воздухомъ. Среди каменоломщиковъ много больныхъ и замѣчается внутреннее неудовольствіе. Татары рассказывали также, что каменоломни имѣютъ постоянное сношеніе съ городомъ и изъ города имъ доставляютъ всѣ свѣдѣнія, включая даже газеты.

Однажды ночью мы опять стояли на кладбищѣ противъ школы, неся дозорную службу. Погода была дождливая и мы лежали на мокрой травѣ, прижимаясь другъ къ другу отъ ночного холода. Какъ всегда ночью темная жуть ходила вокругъ въ степи. То казалось, что кто-то крадется по полямъ, то вдали на холмахъ какъ будто вспыхивали огоньки и заставляли невольно напрягать зрѣніе и искать чего то въ темнотѣ. Нашъ конный патруль, выставленный далеко въ степи, стрѣлялъ по комъ то въ темнотѣ, и всадники пріѣзжали докладывать, что кто то бродитъ въ степи, а, можетъ быть, и не бродитъ, — такъ показвалось. Была уже вторая половина ночи, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ близкаго утра.

«Но что-такое тамъ, въ Керчи», — думалъ я въ полудремотѣ. «Слышишь въ Керчи стрѣляютъ», — сказалъ кто-то въ темнотѣ. Всѣ зашевелились и вполголоса заговорили. Огонь становился все сильнѣе и сильнѣе, вотъ затрещалъ дымъ, вотъ другой. Съ моря забѣгалъ по городу снопъ свѣта отъ англійскаго миноносца. Орудіе бухнуло, и городъ освѣтился отъ освѣтительнаго снаряда. Черезъ нѣсколько минутъ стало ясно, что это были уже не выстрѣлы, это былъ наступающій бой.

Разъѣздъ нашъ поѣхалъ на связь съ казаками, но скоро воротился съ донесеніемъ, что у нихъ никакихъ свѣдѣній нѣтъ. «Вставай, вставай... Стройся», — раздалась команда. Нашъ командиръ рѣшилъ снять охрану и двинуться назадъ въ городъ.

На разсвѣтѣ мы перешли желѣзнодорожную линію и стали подходить къ слободкамъ. Навстрѣчу намъ показалось нѣсколько кубанскихъ казаковъ полуодѣтыхъ, безъ шалокъ и безъ винтовокъ. Они скакали въ поле и были остановлены нами. По ихъ словамъ, въ городѣ произошло возстаніе и его захватили красные.

«Ахъ, вы драпалы», — закричалъ кто то на нихъ. — «Поворачивай назадъ».

«Спасибо, ваше благородіе», — отвѣтилъ одинъ и хлестнулъ коня. Они поскакали въ степь.

Мы начали двигаться по широкимъ улицамъ слободокъ къ центру города. Въ центрѣ шелъ жаркій бой и отсюда можно было уже опредѣлить, что городъ обстрѣливается изъ пулеметовъ съ расположенной надъ нимъ горы Митридатъ, гдѣ по преданію была древняя столица царя Митрадата Понтійскаго. Предмѣстья какъ бы вымерли, но впереди выстрѣлы становились все ближе и ближе. Вотъ нѣсколько разъ треснуло гдѣ-то направо, уже совсѣмъ близко. Мы медленно, въ разсыпанномъ строю, отъ дома къ дому подходили къ одной изъ площадей, гдѣ стоялъ деревянный провинціальный циркъ. За нимъ на перекресткѣ виднѣлась церковь съ оградой — тамъ начиналась одна изъ главныхъ керченскихъ улицъ, на которой какъ слышно, шелъ бой. И едва мы стали выходить изъ за цирка, какъ на насъ посыпались пули изъ-за церковной ограды, заставившія насъ отступить. Одинъ изъ нашихъ, помню, упалъ, раненый въ бокъ.

«Цѣпью впередъ маршъ!» — закричалъ нашъ командиръ, выйдя съ шапкой на голо на середину улицы и побѣжалъ впередъ къ церковной оградѣ. Мы все кинулись за нимъ. Изъ-за ограды стрѣляли сначала жарко, потомъ слабѣе. Всадикъ за оградой бѣжали какіе то люди и скрывались за церковь. Церковная усадьба была занята нами и мы отсюда получили господство надъ цѣлымъ рядомъ начинающихся здѣсь керченскихъ улицъ.

Здѣсь скоро нами была установлена связь съ нашими, засѣвшими въ сосѣднихъ домахъ и отражавшими нападеніе красныхъ. Положеніе въ городѣ стало яснымъ. Оказывается, запертые подъ землей каменоломщики рѣшились на послѣдній отчаянный шагъ. По сговору съ керченскими большевиками, они вышли потайными ходами ночью изъ каменоломень, незамѣтно миновали нашу охрану, заняли гору Митридатъ, укрѣпились на ней и напали отсюда на центръ города и на гавань. Не малое количество керченскихъ жителей присоединилось къ нимъ. Многіе важные пункты въ городѣ были заняты возставшими и многія казенныя учрежденія были атакованы — въ первую очередь, конечно, тюрьма, для того, чтобы выпустить изъ нея арестантовъ. Однако смѣлыя дѣйствія каменоломщиковъ не имѣли рѣшительныхъ результатовъ. Находившіяся въ городѣ добровольческія части оказали имъ сразу сопротивленіе и, главное, не дали занять порта. Теперь въ разныхъ мѣстахъ шелъ бой, положеніе было очень серьезное, однако большинство нашихъ частей было внѣ города, вокругъ села Аджимушкая. Приходъ ихъ въ Керчь и долженъ былъ рѣшить это смѣлое дѣло.

Постепенно прибывавшія подкрѣпленія заставили красныхъ покинуть низъ города и сконцентрироваться на горѣ Митридатъ, откуда они обстрѣливали насъ пулеметомъ до тѣхъ поръ, пока имъ въ тылъ не зашли конныя кубанскія части. Тогда они принуждены были начать отступленіе на западъ отъ Керчи по длин-

лѣвый флангъ, на которомъ они оказывали болѣе существенное сопротивленіе. В одно утро и намъ было объявлено идти въ наступленіе и день этотъ для насъ былъ днемъ истинной радости. Помню, какъ къ вечеру мы двигались на вокзалъ, проѣжаемые высыпавшимъ на улицу керченскимъ населеніемъ. Нашъ полкъ какъ-то акклиматизировался въ Керчи и сжился съ ней. Особенно послѣ усмиренія въ станіи отношеніе города къ добровольцамъ рѣзко измѣнилось въ лучшую сторону. Замѣтно это было даже на окраинахъ и въ слободахъ, гдѣ не обнаруживалось уже ни одной тѣни того недовѣрія, съ которымъ насъ встрѣчали тогда, когда мы первый разъ вступали въ Керчь.

Погрузившись вечеромъ въ поѣздъ, мы къ утру переѣхали линію аkmанскихъ укрѣпленій и достигли Владиславовки. Здѣсь вездѣ вокругъ были видны слѣды минувшаго боя. Около Владиславовки громадныя зіяющія ямы отъ сварадовъ видѣлись вездѣ, особенно на обнажившихся отъ воды болотистыхъ солончакахъ. По громадному количеству ихъ можно было судить, какой сильный огонь развивала морская артиллерія стоявшихъ на Черномъ морѣ англійскихъ судовъ. Станціонное зданіе было почти разрушено и почти что свесена большая станціонная водокачка. Далѣе Владиславовки желѣзнодорожный путь былъ разрушенъ красными и по нему шелъ только бронепоездъ съ инженерной командой, ведущей починку пути. Мы двинулись походнымъ порядкомъ, кто имѣлъ коней—на коняхъ, кто не имѣлъ коней—опять на тачанкахъ. Три дня мы двигались по линіи желѣзной дороги на западъ, не достигая отступающаго непріятеля. Направо и налѣво отъ насъ по степи вездѣ шли добровольческія войска, поднимая густые столбы пыли по полевымъ дорогамъ. Противникъ, повидимому, отступалъ съ большой быстротой и въ безпорядкѣ, оставляя послѣ себя много брошенныхъ подводъ, оружія и патроновъ. Трупы лошадей и неподобранные убитые люди тамъ и здѣсь валялись по дорогѣ. Нѣсколько разъ впереди насъ былъ слышенъ артиллерійскій огонь, въ сферу котораго мы, однако, ни разу не входили. Помню, около одной изъ станцій мы нашли всю землю вокругъ обсыпанной безконечнымъ количествомъ разныхъ газетъ и прокламацій, оставленныхъ большевиками. Мы съ жадностью бросились на ихъ чтеніе, и я тогда лишній разъ былъ свидѣтелемъ того, какой гвалтъ умѣютъ поднимать большевики по поводу постигшихъ ихъ неудачъ. Въ прокламаціяхъ мы прочли, что Крымъ былъ объявленъ во время нашего наступленія «единой пролетарской крѣпостью», «оплотомъ міровой революціи», «цитаделю борющагося пролетариата». Сдавать его не разрѣшалось ни подъ какимъ условіемъ. По количеству этой брошенной печатной бумаги можно было предположить, что красные бѣжали довольно неожиданно, несмотря на всѣ ихъ истерическіе призывы къ защитѣ Крыма.

Не доѣзжая до Джанкоя, мы по приказу повернули на сѣверъ къ Сивашамъ, наперерѣзъ главной линіи Севастопольско-Харьковской желѣзной дороги. Мы отошли такимъ образомъ отъ главной массы добровольческихъ войскъ, которая пошла вслѣдъ за большевиками на Перекопъ, и вступили въ ту часть Крымскаго полуострова, гдѣ еще не проходили бѣлыя войска. Переночевавъ въ одной нѣмецкой колоніи за Джанкоемъ, мы на утро разсыпались въ цѣпь и, держа связь съ какими то другими частями, начали наступленіе прямо на сѣверъ, на желѣзнодорожную станцію Таганашъ, — первую станцію передъ желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ Сивашъ. Таганашъ былъ занятъ нами безъ выстрѣла и жители сказали намъ, что по ихъ свѣдѣніямъ красные очистили Крымскій полуостровъ, отступивъ въ сѣверномъ направленіи на другую сторону Сивашей. Они рассказывали намъ, что красные отступали въ безпорядкѣ, однако, они успѣли вывести съ собой очень большое количество всякаго добра изъ Крыма. Въ проходившихъ черезъ Таганашъ поѣздахъ, цѣлые вагоны были нагружены мебелью и другими домашними вещами. Вслѣдъ за нами въ Таганашъ прибылъ нашъ бронепоездъ и при его поддержкѣ нашему эскадрону приказано было дойти до Сивашей и по возможности обнаружить, остановился ли

противникъ на той сторонѣ Сивашскаго моря, на Чонгарскомъ полуостровѣ, или дальше къ Мелитополю.

Часовъ въ 12 дня мы достигли желѣзнодорожнаго моста черезъ Сивашъ, по которому не разъ проѣзжалъ я въ Крымъ изъ Москвы. На нашей сторонѣ стояла пустая полуразрушенная желѣзнодорожная будка, окруженная большими деревьями и виднѣлись слѣды былыхъ добровольческихъ укрѣпленій. Длинная дамба тянувшись черезъ воду и впереди не менѣе чѣмъ въ верстѣ виднѣлись бетонныя постройки моста, подорваннаго отступающими красными. Вторая желѣзнодорожная будка стояла на другомъ, низкомъ берегу Сивашей, тамъ, гдѣ желѣзнодорожный путь переходилъ опять на сушу. Пустынный противоположный берегъ казался вымершимъ, и мы были убѣждены, что противника тамъ нѣтъ и что онъ ушелъ на сѣверъ.

На этой дамбѣ попалъ я въ послѣднее мое военное приключеніе, чуть чуть не стоившее мнѣ жизни. Командиръ эскадрона вызвалъ охотниковъ на развѣдку на ту сторону Сивашей. Пошло, сколько помню, восемь человекъ, въ томъ числѣ и я. Я, помню, поотсталъ съ поручикомъ Р., который останавливался и рассказывалъ мнѣ, какъ здѣсь на Сивашахъ весной охотятся на утокъ. Наши передніе были уже почти у бетоннаго моста, а мы приостановились шагахъ въ двухстахъ сзади нихъ на дамбѣ около самой воды. Вдругъ «даы-ы» — и меня прямо облило водой. Я инстинктивно упалъ и поползъ къ лежащей на дамбѣ кучѣ камней и шпалъ. Знакомый трескъ пулеметовъ оживилъ пустоту противоположнаго берега, и залпы ихъ сыпались одинъ за другимъ, бороздя пулями воду Сивашей и землю вокругъ меня. Р. приползъ сюда же, за кучу камней. Чувствовалось, что мы, какъ говорятъ, здорово попали. Сзади насъ была узкая, прямая линія желѣзнодорожнаго пути, которую мы оставили за собой приблизительно на полверсты, и на которой не было никакого прикрытія. Впереди были широкіе открытые берега, съ которыхъ насъ можно было съ легкостью разсмотрѣть. По дамбѣ идутъ телеграфныя столбы и для пулемета не нужно было даже пристрѣливаться — достаточно поставить прицѣлъ по разстоянію просчитанныхъ столбовъ.

Трещалъ не одинъ пулеметъ, а, вѣрно, три. Одинъ билъ прямо по рельсамъ, другіе два съ боковъ — изъ какихъ то невидимыхъ намъ норъ, расположенныхъ на противоположномъ берегу Сивашей. »«Что дѣлать?» — спрашиваю я. «Пропали», — отвѣчаетъ Р. — «Перестрѣляютъ, какъ куропатокъ». И мы прятали головы за камни и шпалы, что немного помогало. Стоило только высунуть голову и опять по насъ жестоко начинали бить: видно, мы становились замѣтными съ того берега. Такъ прошелъ часъ, другой, третій... Съ нашей стороны сталъ отвѣчать пулеметъ, но скоро замолчалъ. Южное жаркое солнце жгло невыносимо, до безпамятства, знакомое чувство тошноты ощущалось въ груди. Были двѣ надежды: или подойдетъ нашъ бронепоездъ и обстрѣляетъ тотъ берегъ, или придетъ ночь, подъ покровомъ которой удастся выйти живымъ.

А что же наши впереди? Что съ ними? Впереди иногда раздавались отдѣльныя выстрѣлы, видно, тамъ отстрѣливались. Потомъ выстрѣлы замолкали. Потомъ — прошло уже, вѣроятно, часа четыре и жара стала спадать — отдѣльныя выстрѣлы впереди опять стали чаще. Вотъ какъ будто уже совсѣмъ близко трещитъ винтовка. Или это такъ кажется?.. — Наши стрѣляютъ сзади насъ... Смутное предчувствіе томить душу. А, можетъ быть, къ намъ подползаютъ изъ-за моста по дамбѣ. Смотрю на Р., онъ качаетъ головой — говоритъ: «дрянно, пожалуй, не выйдемъ». Одинъ случайно брошенный взглядъ впередъ — и я, похолодѣлъ. По самой водѣ, около дамбы, тамъ, гдѣ растетъ осока и стоятъ какія то старыя балки, шель по направленію къ намъ человекъ. Я прицѣлился и хотѣлъ стрѣлять, но потомъ пришелъ въ себя. То — нашъ турокъ Селимъ, который, Богъ вѣсть какъ, попалъ въ русскіе добровольцы, отчаянная голова, пошедшій также на развѣдку, то онъ идетъ по водѣ, весь въ крови, держась рукой за плечо.

«Селимъ», — кричимъ мы, — «живъ?»...

«Вставайте, Ваше благородіе, наступаютъ...»

«Встаемъ», — говоритъ Р., — «а то хуже будетъ».

Мы встаемъ во весь ростъ и медленно идемъ назадъ по дамбѣ. Сзади, я вижу, съ другой стороны дамбы, прямо по водѣ, прячась въ осоку, идетъ наш реалистъ-доброволецъ, Степа. Пули жужжатъ вокругъ, ударяютъ въ воду, поднимая фонтаны брызгъ. Глупо бѣжать, потому что спасти можетъ Богъ или случай.

«Эхъ, раненъ», — останавливаясь, говоритъ Р. и хватается за ногу.

«Идти можешь?»

«Кажется, могу».

И хромя, онъ плетется дальше.

У меня какъ то становится особо покойно внутри — ни страха, ни мучительнаго чувства, ни біенія сердца. Только скучно смотрѣть на небо, на пустынные низкіе берега, скучно чувствовать себя самого. Смерть, смерть витаетъ надъ всѣмъ — холодная, нѣмая, бездушная смерть. Не все-ли равно теперь или потомъ, рано или поздно?..

А между тѣмъ судьба распорядилась намъ жить. Другой берегъ былъ уже близокъ и слышны были крики нашихъ. Вотъ конецъ дамбы, вотъ ровъ, деревья и зеленая трава. Р. садится и стонетъ. Ругается Селимъ, снимая окровавленную одежду и вытирая кровь съ лица. Мальчикъ Степа сидитъ на травѣ, безразлично смотря вдаль, а вокругъ все радостныя лица.

Четверо насъ вышло живыми, четверо легло на дамбѣ. Трупы ихъ поздне нашли страшно изуродованными и обезображенными. Выкололи имъ глаза, распороли животы, отрѣзали отдѣльныя части тѣла. Особенно всѣ жалѣли одного нѣмца добровольца, рослаго, статнаго красавца, изъ бывшихъ гвардейскихъ солдатъ, который только наканунѣ поступилъ къ намъ въ полкъ, въ нѣмецкой колоніи, гдѣ мы ночевали передъ Таганашемъ. Онъ пробылъ въ полку менѣе сутокъ.

Черезъ нѣсколько времени подошелъ бронепоездъ и сталъ обстрѣливать противоположный берегъ.

«Ужъ эта артиллерія», — говорили у насъ. «Всегда придетъ поздно»...

Пришла какая-то пѣхотная часть намъ на смѣну. Приѣхала дрезина, на которую положили раненыхъ и вмѣстѣ съ ними нашего тогдашняго командира эскадрона, стараго полковника Талаева. Онъ сильно перевознолся, пославъ насъ на эту развѣдку и его, повидимому, хватилъ ударъ. Была уже ночь, когда мы пришли въ Таганашъ. У меня тогда наступило какое то душевное онѣмѣніе, которое продолжалось два дня. Я легъ въ пустомъ домѣ на сѣно, пролежалъ ночь и весь слѣдующій день, не хотѣлось ни вставать, ни говорить, ни видѣть людей. На второй день, къ вечеру меня вытащили къ себѣ наши пулеметчики, я выпилъ у нихъ вина и сталъ приходить въ себя. Я узналъ, что Чонгарскій полуостровъ былъ очищенъ большевиками въ слѣдующую послѣ нашей развѣдки ночь. Наши пѣхотные развѣдчики перешли въ бродъ Сиваши, выставили на томъ берегу пулеметъ и начали палить изъ него въ чистое поле. Стрѣльба эта привела большевиковъ въ такое смущеніе, что они, побросавъ оставшіеся на полуостровѣ желѣзнодорожные составы, паровозы и вагоны, бѣжали на сѣверъ въ Мелитопольскомъ направленіи.

Въ эти дни я получилъ телеграмму, вызывавшую меня въ Екатеринодаръ. Я простился съ полкомъ и тронулся въ путь, рѣшивъ заѣхать сначала въ Симферополь.

Южная и центральная части Крыма были очищены большевиками безъ боя, подъ давленіемъ двигающихся съ востока силъ. Добровольческія войска сюда еще не заходили, за исключеніемъ нѣсколькихъ казачьихъ разѣздовъ. Нѣсколько поѣхавшихъ вмѣстѣ со мною нѣмцевъ, были едва ли ни первые добровольцы, воротившіеся въ Симферополь. Это были веселые для насъ дни, дни успѣховъ радостныхъ, дни радостныхъ встрѣчъ и привѣтствій. Добровольческая армія вышла тогда на харьковскую дорогу, что ни день, то новыя свѣдѣнія объ ея успѣхахъ достигали насъ.

Изъ Симферополя я долженъ былъ поѣхать обратно въ Керчь, т. к. пароходнаго сообщенія изъ Севастополя въ Новороссійскъ тогда еще не было. Черезъ двое сутокъ мучительной дороги добрался я до Керчи и началъ хлопоты объ отъѣздѣ въ Екатеринодаръ.

Выѣхать изъ Керчи, имѣя даже казенную командировку и военную форму, представлялось дѣломъ весьма не легкимъ. Прежде всего нужно было получить рядъ пропусковъ — у коменданта, въ контръ-развѣдкѣ, въ управленіи порта и т. д. Вездѣ стояли не малые очереди, преодолѣть которыя возможно было или путемъ терпѣливаго ожиданія, или же способомъ такъ называемаго ловченія. И то, и другое, даже для военныхъ, было не легко. Но статскіе, да еще не имѣющіе особыхъ знакомствъ и протекцій, поистинѣ были тогда самыми несчастными мучениками. Приходилось вообще удивляться, какъ они еще ухитрялись путешествовать. И дѣло не ограничивалось добываніемъ пропусковъ. Получивъ ихъ, нужно было сѣсть на корабль — а это представляло новую, не легкую задачу. Никто въ Керчи толкомъ не зналъ, какое судно отходить и въ какое время. За свѣдѣніями приходилось путешествовать изъ управленія военнаго порта въ управленіе торговаго порта, оттуда въ многочисленныя частныя конторы и, наконецъ, по пристанямъ. Каждое учрежденіе ссылалось на другое и, въ общемъ, никто ничего не зналъ и, казалось, не хотѣлъ знать. Нѣкоторые пароходы предназначались къ отплытію въ опредѣленный день, однако, ихъ безконечно задерживали военные погрузки. «Вотъ какъ погрузимся — такъ и пойдѣмъ» — отвѣчали на вопросъ о времени ихъ отъѣзда. Однако никто не зналъ, когда эта погрузка можетъ кончиться.

Въ блужданіяхъ по всѣмъ этимъ мукамъ, я встрѣтилъ какого то артиллерійскаго полковника, который предложилъ мнѣ по его свѣдѣніямъ наиболѣе простой способъ выбраться въ Новороссійскъ. «Пойдемъ по пристанямъ», — говорилъ онъ, «найдемъ какую нибудь моторную лодченку, на ней и доѣдемъ». Такъ мы и сдѣлали. Послѣ долгихъ поисковъ, дѣйствительно, мы нашли небольшой катерокъ, везшій въ Новороссійскъ уголь. Мы сторговались съ капитаномъ за нѣсколько рублей и погрузились въ надеждѣ, что вечеромъ выѣдемъ. Однако, пришелъ вечеръ, наступила ночь, а мы все не трогались. «Контръ-развѣдка не пришла», — говорили намъ.

«А когда же придетъ?»

«Неизвѣстно, можетъ быть, завтра утромъ, а можетъ быть, завтра къ вечеру»...

Контръ-развѣдка пришла рано по утру. Провѣрили документы довольно, правда, поверхностно и формально. Подняли трапъ и медленно отчалили.

Я лежалъ на носу нашего суденышка и смотрѣлъ на постепенно удаляющіеся, усыпанные своими безчисленными курганами керченскіе берега, на которыхъ мнѣ пришлось пережить столько тревожныхъ и опасныхъ мгновеній. Острое чувство жизни, спасенной и подаренной судьбой, наполняло тогда мою грудь. Впереди синѣло безконечное море. «Нужно быть благодарнымъ, что еще живъ», — думалъ я. — «А ужъ какъ буду жить, посмотримъ. Какъ нибудь проживу!..»

Я такъ и пролежалъ большую часть пути на одномъ мѣстѣ. Причудливые узоры водяной пѣны, похожей на мраморъ, расходились по водѣ отъ носа нашего катера. Стаи дельфиновъ догоняли насъ и мѣрялись съ нами въ своемъ бѣгѣ. На горизонтѣ, надъ чуть замѣтнымъ Таманскимъ берегомъ, залегла туча, а надъ нами неслись легкія, какъ дымъ, облака. Былъ уже вечеръ, когда стали выприсовываться впереди довольно высокіе берега Сѣвернаго Кавказа, вблизи пустынные и сложенные изъ коричневой, отвѣсно падающей въ море глины. Постепенно они стали переходить въ небольшія горы, покрытыя кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ. Вотъ горы эти раздѣлились и открыли передъ нами широкій и длинный заливъ. То была Новороссійская бухта, оканчивающаяся громаднымъ Новороссійскимъ портомъ.

Видъ порта поразилъ меня своими грандіозными сооруженіями и своею оживленностью. Большое количество кораблей стояло и на рейдѣ, и у моловъ,

надъ которыми возвышались громадныя элеваторы. Уже вечерѣло, когда пристали мы къ одному изъ этихъ моловъ, недалеко отъ желѣзнодорожной станціи. Первый приемъ, который намъ былъ оказанъ, живо напоминалъ картину покинутой нами Керчи.

«Можно вылѣзть?»

«Никакъ нѣтъ-съ, контръ-развѣдка придетъ»...

«А когда придетъ?»

«Неизвѣстно, можетъ быть, сегодня, а можетъ быть, и завтра»...

Тщетно мой полковникъ препирался со стражей, тщетно звонилъ куда то по телефону, но контръ-развѣдка такъ и не приходила. Приходилось устроиваться на ночлегъ на палубѣ. Главное, мы были голодны, а у мола ничеа нельзя было купить съѣстнаго.

Я уже совсѣмъ устроился, когда ко мнѣ подошелъ все время хлопотавшій полковникъ.

«Знаете, плюнемъ мы на эту контръ-развѣдку, поѣдемъ въ городъ ужинать».

«Да какъ же? Не пропустятъ».

«Вотъ чушь, съ вещами еще не пропустятъ, а безъ багажа, кто можетъ не пропустить?»

«Да, вамъ ничего, а я нижній чинъ. Нарвемся на облаву въ городъ, посадятъ въ комендантскую?»

«Пустяки, у меня комендантскій адъютантъ знакомый, мы зайдемъ за нимъ ужинать».

Онъ меня быстро уговорилъ. Съ нѣкоторой нерѣшительностью перешагнувъ я бортъ корабля, около котораго расхаживали два часовыхъ.

«Не приказано пущать», — сказалъ одинъ.

«По дѣламъ службы», — вѣско отвѣтилъ полковникъ.

Черезъ полчаса мы были уже въ городѣ и засѣдали съ этимъ самымъ комендантскимъ адъютантомъ въ ресторанѣ за бутылкой хорошаго Новороссійскаго вина.

Послѣ маленькой и тихой Керчи Новороссійскъ произвелъ на меня впечатлѣніе большого шумнаго города. Дѣйствительно, онъ кипѣлъ тогда жизнью, самой странной и причудливой — какъ бы изъ Джека Лондона. Военные всѣхъ родовъ оружія и всевозможныхъ формъ, пьяные англійскіе матросы и солдаты наполняли тогда тротуары, кафе и многочисленныя Новороссійскіе кабаки. Много давно уже невиданнаго нами товара лежало въ окнахъ магазиновъ. Корабли изъ Константинополя, наполнявшіе Новороссійскій портъ, ежедневно въ изобиліи подвозили этотъ товаръ. Какія странныя ситуации можно было здѣсь тогда наблюдать. Вотъ свѣтскій генералъ, бывшій директоръ одного изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, переставляя флажки на картѣ, объясняетъ любопытнымъ картину военныхъ дѣйствій въ мѣстномъ отдѣленіи Освага. Тщательно онъ собираетъ булабочки и флажки, обнаруживая протертые локти сѣрой генеральской тужурки. Вотъ одинъ изъ небезызвѣстныхъ русскихъ администраторовъ, также военный, состоитъ предсѣдателемъ въ отдѣлѣ портовыхъ грузчиковъ. Грузчики — всѣ бывшіе офицеры-гвардейцы и титулованныя лица, зарабатываютъ въ ночь огромныя деньги, выгружая гвозди, снаряды или мануфактуру. Въ грязномъ притонѣ подъ вѣвской: «Отдай якорь», гдѣ можно пить заграничное пиво и шампанское, съ утра засѣдаетъ весьма декоративная толпа. Здѣсь, рядомъ съ изящной петербургской дамой сидитъ послѣдняя уличная проститутка, рядомъ съ гвардейскимъ полковникомъ — какой то подозрительный сутенеръ. Англійскіе матросы, мѣняя свои фунты, задаютъ всему тонъ. Пачками летятъ донскія деньги и недавно выпущенныя добровольческіе колокольчики. Плѣнные солдаты - красноармейцы, массаи прибывшіе изъ подъ Царицына, оборванные и полураздѣтые, маршируютъ по улицамъ и распѣваютъ старыя армейскія пѣсни. «А тучки, тучки поднависли, а въ полѣ палъ туманъ»...

Послѣ крошечной Керчи въ первое мгновеніе жизнь эта захватывала своимъ размахомъ, но вскорѣ чувствовался въ ней какой то волнующій душу хаосъ, который не предвѣщалъ ничего добраго и заставлялъ призадуматься.

Въ Новороссійскѣ, какъ и вездѣ въ районѣ гражданской войны, свирѣпствовало ужасный квартирный кризисъ, свободныхъ помѣщеній не существовало, и я принужденъ былъ помѣститься въ офицерскомъ общежитіи, куда попалъ только по большой протекціи. По протекціи меня посадили даже, несмотря на мой нижній чинъ, въ помѣщеніе для штабъ-офицеровъ. Помѣщеніе это было не изъ уютныхъ. Довольно большая грязная комната, плотно придвинутыя другъ другу деревянные нары, отвратительный воздухъ и вѣчный беспорядокъ и шумъ. Меня уверяли, что общежитіе это новое и что въ немъ еще не успѣли завестись вши, однако, при первомъ моемъ появленіи я засталъ обитателей за поисками этихъ постоянныхъ спутниковъ гражданской войны. Наполнено было общежитіе исключительно старыми полковниками, которые сидѣли въ немъ, ворчали и съ нетерпѣніемъ ждали будущихъ назначеній. Одинъ изъ ужасовъ деникинской арміи состоялъ въ томъ, что на нее навалилась безконечная свита военныхъ чиновъ старой императорской Россіи. Они волочились за арміей и притязали на назначенія и службу. Многихъ нужно было помѣстить въ богадѣльню, многихъ просто удалить за неспособность, но старые чины и ордена вопіяли къ главнокомандующему и требовали отъ него назначеній. Съ этимъ балластомъ нельзя было не считаться и онъ только тормозилъ и безъ того несовершенный правительственный аппаратъ добровольческой арміи.

Узнавъ, что я профессоръ, меня натурально приняли за доктора и тотчасъ же потянулись ко мнѣ за совѣтами по поводу старыхъ болѣзней, которыя, конечно, я никакъ не могъ излѣчить.

Я пробылъ въ Новороссійскѣ нѣсколько дней и, выправивъ всѣ необходимые документы, отправился далѣе въ Екатеринодаръ. Екатеринодаръ засталъ я въ полномъ расцвѣтѣ его славы. Добровольческія войска вышли тогда на московскую дорогу, и наступленіе наше окрылялось призывомъ: впередъ, на Москву. Въ спокойномъ сознаніи своего патріотическаго долга, генералъ Деникинъ совершилъ тогда благородный актъ политическаго великодушія и скромности, признать верховнымъ правителемъ Россіи адмирала Колчака и подчинившись ему. «Такова», — говорили Екатеринодарскіе патріоты, — «настоящая русская слава — скромная, не любящая блеска и чуждая властолюбію». Многіе видѣли въ этомъ непроявленіи воли къ собственной власти — актъ высшей политической мудрости. «Теперь всѣмъ видно», — говорилъ мнѣ покойный П. И. Новгородцевъ, котораго я встрѣтилъ въ Екатеринодарѣ, — «что ген. Деникинъ воюетъ не для себя, а для Россіи. Всѣ поймутъ и всѣ объединятся вокругъ»... Таково было общее офиціальное настроеніе, и только немногихъ скептиковъ тревожили нѣкоторыя историческія параллели. Развѣ поступили бы такъ, говорили они, великіе историческіе честолюбцы, властители человѣческихъ думъ и сердецъ? Развѣ не воля къ власти была главнымъ стимуломъ ихъ дѣятельности?.. Но то — чужое, не русское, а здѣсь наше подлинное. Симъ побѣдиши!..

Я присутствовалъ на офиціальномъ объявленіи этого акта генераломъ Деникинымъ на площади Войскаго собора. На площади стояли пѣшія и конныя войска и вокругъ собралось значительное количество народу. Я употребилъ это слово «народъ» и чувствую, что сейчасъ же его нужно поправить. Подлиннаго народа — демоса, — на площади, въ сущности говоря, не было. Собрались многочисленные военные, затѣмъ столь же обильные господа въ гражданскихъ кокардахъ и, наконецъ, въ меньшемъ количествѣ статскія лица интеллигентскаго типа. Тѣ, что торговали на базарѣ и обитали въ предмѣстьяхъ и пригородахъ, блистали полнымъ своимъ отсутствіемъ. Празднество имѣло такимъ образомъ типично интеллигентскій характеръ. Генералъ Деникинъ говорилъ съ подъемомъ и воодушевленіемъ и ему громко кричали ура. Но въ толпѣ я былъ свидѣтелемъ также разговоровъ, обличающихъ нѣкоторое недоумѣніе и даже смущеніе. «Въ

концѣ концовъ», — говорилъ какой то сѣдой господинъ, — «это признаніе Колчака есть прыжокъ въ неизвѣстность. Богъ его знаетъ, кто такой Колчакъ и что тамъ у него въ Сибири»... И дѣйствительно, одинъ Богъ только это зналъ. Повидимому, никто изъ смертныхъ не былъ тогда достаточно информированъ, что звѣзда адмирала Колчака тогда уже угасала и что военное счастье непоправимо стало ему измѣнять. Нѣкоторое смущеніе вызвала та часть рѣчи ген. Деникина, въ которой онъ, не раскрывая вполне дѣла, говорилъ о какихъ то внутреннихъ врагахъ, объ измѣнѣ и предательствѣ. По поводу этихъ словъ строились разныя догадки и предположенія, по большей части весьма таинственнаго свойства, а иногда и паническаго характера.

Когда я вспоминаю теперь этотъ праздничный день въ блестящей воинскими мундирами кубанской столицѣ, передъ моими глазами проходитъ другой праздникъ, свидѣтелемъ котораго я былъ въ Екатеринодарѣ. Это было празднованіе годовщины избавленія Кубани отъ большевиковъ. Какъ будто этотъ день былъ окрашенъ другимъ, болѣе почвеннымъ и болѣе народнымъ колоритомъ. Шли старые станичники въ своихъ казачьихъ мундирахъ и со своими старыми, дарованными русскими императорами войсковыми отличіями. Чувствовался свой особый сложившейся вѣками стиль и чинъ. Не было безчинства русскаго, этой отличительной черты нашего народа, чувствовалось, что живо еще старое казачество со всеми витавшими надъ нимъ преданіями, — одинъ изъ оплотовъ старой Россіи. Но опять таки въ этотъ день Екатеринодаръ блестѣлъ погонами и кокардами. Зрителемъ была также интеллигенція, а не городской демосъ. И только къ ней вечеромъ этого дня обращались въ городскомъ саду съ рѣчами популярныя казачьи вожди и генералы. Они звали въ походъ на Москву, на освобожденіе своихъ братьевъ, и имъ кричали ура тѣ, кто имѣлъ въ Москвѣ своихъ подлинныхъ братьевъ, сестеръ, отцовъ и матерей.

Помню, въ дѣтствѣ бывалъ я на пріѣздѣ царей нашихъ въ Москву. Пріѣзжалъ царь Александръ III и пріѣзжалъ не разъ царь Николай II. Тогда на Мясницкой улицѣ, гдѣ я мальчикомъ жилъ, съ утра собирались толпы народа. И все это былъ самый настоящій простой народъ. Толпами приходили жители Сокольниковъ, Преображенскаго и Рогожскихъ — пригородные мужики, мѣщане и фабричные. Интеллигенція тонула въ этой массѣ, да и кромѣ того она не была большой любительницей такихъ зрѣлищъ. Мальчикомъ въ 1896 году я ходилъ въ дни коронаціи на Ходынку, гдѣ произошла фатальная катастрофа, начавшая несчастливые дни царствованія послѣдняго императора. Ходынская толпа была именно такой толпой простого народа, подлиннаго русскаго демоса. Тотъ же самый демосъ двадцать лѣтъ спустя ходилъ въ Москвѣ глазѣть на революціонныя празднества, пѣлъ малопонятныя ему слова интернаціонала и несъ красныя знамена. Онъ то и составлялъ фундаментъ и силу революціи.

Словомъ, въ Екатеринодарѣ увидѣлъ я то же, что видѣлъ въ Крыму: оторванность власти отъ массъ и наличность какой то самостоятельной жизни въ душѣ этихъ массъ, существо которой, пожалуй, лучше всего ухватили большевики. Но нельзя сказать, чтобы эти привычныя картины внушили мнѣ и тогда какія либо новыя серьезныя опасенія за судьбу добровольческаго дѣла. Съ одной стороны слишкомъ много было вѣры въ цѣлесообразность хирургическаго пути лѣченія нашей русской болѣзни; съ другой стороны существовала надежда на глубокой переломъ, совершавшійся въ сознаніи народныхъ массъ въ центральной Россіи. «Здѣсь мы еще не у себя, не среди истинно русскаго, коренного населенія» — такъ часто говорили въ Екатеринодарѣ. «Здѣсь большевизмъ еще не нашелъ себя. Иное дѣло у насъ, въ глубинѣ Россіи — тамъ почва вполне созрѣла. Нужно двигаться скорѣе туда на сѣверъ»... И въ Екатеринодарѣ уже шли опредѣленные слухи о переѣздѣ правительства въ Ростовъ и даже еще глубже, въ Харьковъ.

У ген. Деникина мнѣ пришлось быть только одинъ разъ. Я пошелъ къ нему съ депутаціей Таврическихъ профессоровъ, пріѣхавшихъ хлопотать о дѣлахъ Симферопольскаго университета. Главнокомандующій жилъ и принималъ въ хорошемъ для провинціального города, но не отличающемся никакой особой роскошью особнякѣ. Чувствовалось, что помѣщеніе нѣсколько тѣсно для чловека, въ рукахъ котораго лежали судьбы Россіи. Направо отъ маленькой передней помѣщалась небольшая адъютантская комната, налѣво также небольшой и скромный кабинетъ Главнокомандующаго. Средней величины столовая съ дубовымъ буфетомъ, какіе стоятъ въ зажиточныхъ русскихъ домахъ, служила въ то же время и пріемной. Здѣсь сидѣли на стульяхъ и за обѣденнымъ столомъ посѣтителі, сѣхавшіеся изъ разныхъ концовъ русской земли по дѣламъ къ Главнокомандующему. Помню, были здѣсь и Екатеринославскіе евреи, и Таврическіе земцы, и донскіе станичники. Въ столовую запросто входила прислуга, отворяла буфетъ, ставила и брала посуду. Не чувствовалось никакого ритуала и никакой пышности.

Адъютантъ сначала позвалъ таврическихъ земцевъ, которые оставались у Главнокомандующаго довольно долго. Потомъ были приглашены мы. Ген. Деникинъ сидѣлъ за обыкновеннымъ письменнымъ столомъ и пересматривалъ какія то лежащія передъ нимъ бумаги. Лицо его на первый взглядъ было сурово и непривѣтливо. Не только безъ внѣшней любезности, но даже съ какой то особой какъ бы стѣсняющейся угрюмостью попросилъ онъ насъ сѣсть и изложить наше дѣло. Покойный Р. И. Гельвицъ пространно и обстоятельно изложилъ исторію учрежденія Таврическаго Университета и его теперешнее положеніе. Ген. Деникинъ слушалъ все, съ суровымъ спокойствіемъ, глядя куда то внизъ. Но вдругъ, когда Гельвицъ кончилъ, голова Главнокомандующаго поднялась, разгладились морщины лба, смягчился уклонъ черныхъ нависшихъ бровей и какая то простая, милая и чисто дѣтская улыбка засвѣтилась на его лицѣ.

«А я вотъ», — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на всѣхъ насъ, — «признаться первый разъ слышу, что есть такой Таврическій Университетъ. Не приходилось раньше слышать... Такъ въ чемъ же, господа, ваше желаніе?».

Мы стали просить о поддержкѣ нашихъ ходатайствъ по поводу легализаціи и субсидировапія университета, представленныхъ въ Особое Совѣщаніе.

«Я, господа, въ этихъ дѣлахъ ровно ничего не понимаю», — сказалъ онъ и опять свѣтлая и мягкая улыбка заиграла на его лицѣ. «Университетъ дѣло хорошее, нужно его, конечно, поддержать... Вы встрѣтите во мнѣ поддержку въ каждомъ хорошемъ дѣлѣ».

Бываютъ люди, съ которыми достаточно поговорить нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить внутреннее существо ихъ характера. Вотъ съ такимъ твердымъ убѣжденіемъ о характерѣ Главнокомандующаго вышли мы тогда отъ него. Это былъ хорошій русскій чловекъ, застѣнчивый, скромный, безъ славолубія и гордости— качества которыя, можетъ быть, и ненужны были въ то смутное время, въ которое ему приходилось дѣйствовать.

Мнѣ недолго пришлось прожить въ Екатеринодарѣ. Съ военными успѣхами арміи гражданскій аппаратъ управленія постепенно переносился на сѣверъ и первымъ временнымъ пунктомъ для него былъ Ростовъ на Дону. Изъ Ростова мы думали ѣхать далѣе въ центръ Россіи и считали, что чѣмъ скорѣе мы достигнемъ Великороссіи, тѣмъ болѣе крѣпкую почву мы будемъ имѣть подъ своими ногами и тѣмъ болѣе упростимъ наши задачи.

Въ началѣ августа я выѣхалъ въ Ростовъ съ редакціей газеты «Великая Россія». На фронтѣ у насъ всегда съ интересомъ ждали газетъ — газеты приходили съ опозданіемъ, цѣлыми пачками, которыя тотчасъ же расхватывались. Наибольшій интересъ у всѣхъ вызывала Екатеринодарская «Великая Россія». «Вотъ это наша газета», — говорили на фронтѣ. Я положительно могу утверждать, что «Великая Россія», по крайней мѣрѣ до переселенія ея въ Ростовъ и до образованія новой редакціи, дѣйствительно выражала массовыя политическія настроенія Добровольческой Арміи и была по преимуществу Добровольческой газетой. Въ одинъ

изъ первыхъ дней по прїѣздѣ въ Екатериноподаръ, я пришелъ въ ея редакцію и съ тѣхъ поръ сталъ сотрудничать въ ней, временами бывая въ ней редакторомъ, вплоть до послѣднихъ дней ея существованія въ Новороссійскѣ. Газета была фактически въ первое время своего существованія военной. Наиболѣе яркими первыми ея сотрудниками и редакторами были А. А. Лампе и А. А. Васильевъ. Только впоследствии, съ переѣздомъ ихъ на фронтъ, газета постепенно перешла въ штатскія руки и, надо по справедливости сказать, съ той поры постепенно стало убывать ея вліяніе на фронтъ. Безспорно также, что газета была ярче и интереснѣе въ ранній романтическій періодъ Добровольческой Арміи, когда кромѣ вышеназванныхъ лицъ, являвшихся главнѣйшей ея технической и литературной силой, сотрудниками были еще В. В. Шульгинъ и Н. Н. Львовъ. Она хранила нѣкоторое время старыя свои традиціи, когда редакторомъ ея сталъ В. М. Левитскій, а Н. Н. Львовъ издателемъ и едва ли не главнымъ сотрудникомъ. Но съ переѣздомъ въ Ростовъ и съ передачей главной редакціи П. Б. Струве газета начала приобретать болѣе академическій, профессорскій характеръ.

Когда я раздумываю теперь объ идеологій добровольческаго движенія, какъ она выражалась въ «Великой Россіи», она представляется мнѣ вотъ въ какихъ общихъ чертахъ. Прежде всего мы вели борьбу съ большевиками «на истребленіе» — и это обстоятельство придавало нашему движенію характеръ непримиримаго тактическаго радикализма. Мы считали, что съ лица земли должны быть стерты не только большевики, но и все то, что такъ или иначе къ нимъ примыкаетъ. Увѣренны въ своей силѣ и въ своей побѣдѣ, мы не допускали возможности какихъ либо даже самыхъ невинныхъ уступокъ. Мы считали, что все, къ чему прикоснулся большевизмъ, должно получить очищеніе черезъ огонь и мечъ. Національно мы стояли на точкѣ зрѣнія единой и недѣлимой Россіи и гегемоніи великорусской націи. Мы рѣшительно не признавали серьезнаго значенія за несомнѣнно обнаружившимися стремленіями отдѣльныхъ частей Имперіи къ самостоятельности и отрицали право этихъ частей на какое либо самоопредѣленіе. Увѣренны въ своей силѣ, мы боролись съ федеративными тенденціями не органическими средствами и не путемъ приспособленія, но открытымъ примѣненіемъ силы. Вопросъ о политическомъ устройствѣ Россіи мы оставляли открытымъ. Однако, молчаливо, онъ конечно рѣшался въ смыслъ монархіи. Идея республики никого не прельщала и никого не вдохновляла, и если бы она когда либо была провозглашена руководителями Добровольческаго движенія, то это было бы встрѣчено всеобщимъ активнымъ возмущеніемъ арміи. Съ точки зрѣнія социальной программы мы рѣзко стояли въ оппозиціи ко всякому социализму и ко всѣмъ социалистическимъ партіямъ. «Со всѣми, кромѣ социалистовъ» — таковъ былъ нашъ лозунгъ. Фактически въ рѣшеніи социального вопроса мы стояли на точкѣ зрѣнія болѣе или менѣе умѣренной социальной реформы. Не было у насъ полной опредѣленности въ рѣшеніи самаго важнаго у насъ въ Россіи аграрнаго вопроса. Довольно вліятельныя группы земельныхъ собственниковъ давили на насъ въ направленіи полнаго восстановленія старыхъ аграрныхъ отношеній. Давленію этому сопротивлялись, хотя, можетъ быть, и недостаточно радикально. Въ общемъ, мы стояли на точкѣ зрѣнія необходимаго проведенія аграрной реформы съ частичнымъ отчужденіемъ помѣщичьихъ земель на основаніи выкупа. Однако, въ этомъ коренномъ вопросѣ не было вполне опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ рѣшеній.

Я не пишу политическаго трактата, но мнѣ интересно поставить сейчасъ вопросъ, пріемлема ли и насколько примѣнима такая программа въ настоящій моментъ, послѣ неудачъ бѣлаго движенія и во вновь создавшейся политической обстановкѣ. Я думаю, что она непріемлема по всѣмъ основнымъ пунктамъ. При чемъ нѣкоторые изъ нихъ требуютъ принципиальнаго измѣненія, другіе же нуждаются въ освобожденіи отъ той неопредѣленности, какая ихъ отличала въ эпоху гражданской войны на югѣ Россіи.

Символически исторія Ростовскаго періода добровольческаго движенія отлично изображается громадною картою Россіи, вывѣшенной въ окнѣ одного магазина на углу Садовой и Таганрогскаго проспекта. На картѣ этой черной и красной лентами каждый день обозначались наши военные движенія по завоеваніи Россіи. Вотъ Кіевъ, Харьковъ, Курскъ, Брянскъ, вотъ отдѣльные изгибы ленты вдаются далѣе на Сѣверъ къ Орлу, къ Воронежу, къ Тамбову, къ Саратову, вотъ по ту сторону линіи за большевистскимъ фронтомъ появляются наши трехцвѣтные флажки, — то ген. Мамонтовъ ходитъ по тыламъ красныхъ. Фронтъ теряетъ ясныя очертанія. Кажется, еще одинъ моментъ, еще одно послѣднее усиліе, и трехцвѣтный флагъ появится гдѣ нибудь на Окѣ, на границѣ Московской губерніи. Однако, лента останавливается и даже какъ будто начинаетъ поддаваться внизъ. Мѣстами она начинаетъ приобрѣтать какія то непріятныя очертанія. Въ самомъ центрѣ она вдругъ искривилась, основательно вдалась на югъ, — то красные сдѣлали прорывъ на Купянскъ и Волчанскъ. Эти искривленія ея упорно стоятъ, не уменьшаются, даже какъ будто увеличиваются. День за днемъ линія ленты начинаетъ двигаться книзу. Вотъ она уже отступила за Кіевъ и Харьковъ. Въ тылахъ у насъ загулялъ батька Махно. И вдругъ мы покатались столь же быстро внизъ, какъ катились кверху. Постепенно сужался нашъ кругъ, потому онъ разбился на два круга, одинъ около Тавріи, другой около Ростова. Наступили для насъ рѣшительные дни.

Не было въ Ростовѣ такого человѣка, который бы не ходилъ къ этой картѣ и не переживалъ изображаемые на ней моменты подъема и упадка. Я не люблю вспоминать Ростовъ; здѣсь вышли мы на широкую русскую дорогу, но здѣсь кончился нашъ военный романтизмъ. Не успѣли мы пережить эпохи головокружительныхъ успѣховъ, какъ тотчасъ же постигло насъ время тягчайшихъ разочарованій.

Разговоры о различныхъ настроеніяхъ фронта и тыла слишкомъ извѣстны намъ всѣмъ съ начала великой войны. Фронту некогда заниматься сомнѣніями, онъ исполняетъ свой долгъ, а гнилой тылъ вѣчно рефлектируетъ и вѣчно сомнѣвается. Эти аксіомы военнаго времени не вполнѣ примѣнимы къ такому тылу, какъ Ростовъ. Разумѣется, въ Ростовѣ были свои критиканы и гамлетики, но въ общемъ, если считаться со сферами официальными, въ нихъ господствовалъ весьма бодрый и воинствующій оптимизмъ. Вѣра въ то, что къ поздней осени или къ ранней зимѣ мы будемъ у воротъ Кремля, была настроеніемъ преобладающимъ, восходящимъ къ самымъ высокимъ ростовскимъ кругамъ. Однажды мнѣ въ бесѣдѣ съ М. М. Федоровымъ, игравшимъ въ то время немаловажную роль въ сферахъ, неосторожно пришлось упомянуть ноябрь мѣсяцъ, какъ срокъ какого-то занимающаго мое вниманіе дѣла. — «Да, что Вы, батенька», — отрѣзалъ меня почтенный М. М. — «Въ ноябрѣ мы уже въ Москвѣ будемъ». Это была типичная реплика, характеризующая тогдашнія ростовскія настроенія. И надо сказать, оптимизму въ сужденіяхъ соответствовалъ оптимизмъ и въ практикѣ — если это только возможно назвать оптимизмомъ. Все строилось такъ, какъ будто мы къ зимѣ достигнемъ Москвы. О зимней кампаніи и о мѣрахъ, которыя надлежало въ связи съ ней предпринять, мало кто думалъ и въ сферахъ правительственныхъ, и въ сферахъ общественныхъ. Какъ извѣстно, вопросъ этотъ съ настоящею силою всплылъ уже тогда, когда армія отступала, а зима была уже на носу. Всѣ жившіе въ Ростовѣ, вѣроятно, помнятъ, какъ въ одинъ прекрасный день всѣ вдругъ открыли, что армія раздѣта и разута. Учредились на этотъ предметъ различные комитеты и комиссіи, пошли безконечные сборы, не давшіе, однако, никакого результата. Было уже поздно, раздѣтая армія неудержимой волной катилась на югъ.

Вѣроятно, въ связи съ этой вѣрой въ нашъ несомнѣнный и скорый успѣхъ стоитъ вдохновляемое ростовскими политиками стремленіе къ захвату нами какъ можно болѣе обширной территоріи. Легко давшіяся первыя побѣды внушили

убѣжденіе, что Единая и Недѣлимая можетъ быть восстановлена съ такой же механической легкостью, съ какой она распалась на свои части. Поэтому общественное мнѣніе призывало добровольцевъ идти и на соединеніе съ Колчакомъ, и на завоеваніе Украины, и въ Закаспійскій край, и въ Туркестанъ и еще Богъ вѣсть куда. Фактически произведенныя широчайшія военныя диверсіи были въ полномъ согласіи съ широкими ростовскими общественными настроеніями. Однажды, мнѣ пришлось въ присутствіи одного весьма вліятельнаго въ ростовскомъ общественномъ мнѣніи лица высказать свои сомнѣнія по поводу прославляемаго движенія на Кіевъ. Мнѣ казалось, что все это движеніе на Украину не только безконечно растягиваетъ нашъ фронтъ и отвлекаетъ значительное количество военныхъ силъ, но еще втягиваетъ насъ въ области, населенныя элементами намъ враждебными, и ставитъ передъ нами большое количество чрезвычайно запутаныхъ политическихъ и національных проблемъ. Лучше было бы предоставить Украину самой себѣ, поставивъ противъ нее рядъ заслоновъ и ограничившіе развѣ только захватомъ Черноморскаго побережья. Мнѣніе мое было встрѣчено тогда съ искреннимъ возмущеніемъ. Завоеваніе Кіева считалось задачей перво-степенной національной и политической важности. «Нашъ Кіевъ, ветхій, златоглавый, сей пращуръ русскихъ городовъ» — ну какъ же намъ его въ первую очередь не завоевать?... Упрекаю себя теперь только въ одномъ — я недостаточно тогда осозналъ въ себѣ необходимость идти противъ господствующаго теченія.

Но уже въ этотъ періодъ безграничнаго оптимизма обнаруживались многочисленные жизненные симптомы, не предвѣщающіе ничего особо добраго впереди. Несмотря на военный успѣхъ, экономическое положеніе юга Россіи не улучшалось, а постепенно ухудшалось. Деньги наши выпускались массами и постепенно падали. Извѣстны были слова М. В. Бернацкаго, что мы несомнѣнно идемъ къ финансовой катастрофѣ. Цѣны на продукты первой необходимости съ каждымъ днемъ росли. Цѣна на обѣдъ, напримѣръ, поднималась въ Ростовѣ еженедѣльно процентовъ на 10—15. Общій укладъ жизни не улучшался, а постепенно падалъ. Мы привыкли къ этимъ весьма пониженнымъ условіямъ жизни, подареннымъ намъ революціей и гражданской войной, но на прѣѣзжавшихъ изъ заграничи они производили тяжелое и отрицательное впечатлѣніе. Я отлично помню сужденіе одного пріятели, прѣѣхавшаго изъ заграничи на югъ строить новую Россію. Каково было его изумленіе, когда онъ продѣлалъ путь изъ Новороссійска до Ростова со всѣми его неизбѣжными мытарствами. Съ недоумѣннымъ лицомъ явился онъ ко мнѣ въ Ростовъ:

— «Послушай», — говорилъ онъ мнѣ, — «да какое же это строительство. Здѣсь все у васъ сгнило, разрушилось и постепенно разрушается. Развѣ такъ можно построить Россію? Нѣтъ, я вижу теперь, все погбло и дѣло ваше гнило».

Я ретиво защищался, однако, самъ не былъ вполне убѣжденъ въ правотѣ моихъ возраженій. Я говорилъ, что наблюденія его поверхностны, что основы нашего экономическаго быта крѣпнутъ, — но въ то же время какой то темный призракъ грядущей катастрофы мерцалъ передъ моими глазами. Въ самомъ дѣлѣ жизнь какъ будто постепенно ухудшалась. Въ Симферополѣ я еще жилъ сносно, платилъ за обѣдъ пять рублей, а за сапоги тридцать, а здѣсь обѣдъ дошелъ до сорока, а къ сапогамъ и не прикоснешься. Подобныя, чисто обывательскія сомнѣнія тревожили многихъ изъ насъ, но мы старались замаскировать ихъ разными разсужденіями. Помню, послѣ нашего разговора, меня, что называется, сталъ ѣсть червь. Послѣ нѣкотораго раздумья я изобрѣлъ наконецъ формулу, которая мнѣ дала тогда успокоеніе. Я рѣшилъ, что борьба наша съ большевиками есть борьба не на побѣду, а на разложеніе. У насъ плохо, но у нихъ еще хуже. Мы разваливаемся, а развѣ они крѣпнутъ? Вопросъ въ томъ, кто скорѣе развалится. И мнѣ казалось несомнѣннымъ, что развалимся не мы, а развалятся они. Тогда то и начнется новое строительство русской жизни.

Ростовъ измышлялъ не мало плановъ, направленныхъ къ борьбѣ съ прогрессирующей разрухой и къ организаціи нормальныхъ условій жизни. Однако,

планы эти были безсильны, даже наивны. Съ однимъ изъ нихъ, особо характернымъ, мнѣ пришлось столкнуться съ первыхъ дней прибытія въ Екатеринодаръ и Ростовъ. Благодаря моимъ московскимъ связямъ съ Россійскими торгово-промышленными организаціями меня просили войти въ качествѣ члена въ, такъ называемый, Комитетъ по возстановленію промышленности, проектъ котораго составленъ былъ по идеѣ М. М. Федорова. Я съ чрезвычайнымъ интересомъ отнесся къ этой просьбѣ. Помимо важности самой задачи, меня влекло туда желаніе непосредственно проникнуть въ одну изъ лабораторій политики Особого Совѣщанія. Но разочарованію моему не было конца. Въ сущности говоря, дѣло не пошло далѣе безконечныхъ словопрений по поводу представленнаго М. М. Федоровымъ проекта. Самый же проектъ грѣшилъ одной русской чертой — вѣрой въ то, что такую органическую сферу жизни, какъ промышленность, можно возстановить путемъ канцелярскимъ. Проектъ Федорова сводился къ учрежденію такого новаго министерства при Особомъ Совѣщаніи, которое взяло бы въ свои руки всѣ дѣла по возстановленію разрушенной экономической жизни. Начать нужно было съ транспорта, параллельно перейти къ возстановленію угольной промышленности, а затѣмъ уже къ постепенной организаціи прочихъ частей разрушеннаго государственнаго хозяйства. Такимъ образомъ выходило, что каждый изъ департаментовъ этого новаго вѣдомства въ компетенціи своей сталкивался съ различными управленіями Особого Совѣщанія. Дѣло, стало быть, шло объ учрежденіи какого-то грандіознаго сверхминистерства, которое, подъ руководствомъ М. М. Федорова, въ значительной степени должно было замѣнить рядъ функцій уже дѣйствующаго правительственнаго аппарата. Естественно, подобный проектъ встрѣтилъ рѣзкую оппозицію со стороны представителей отдѣльных вѣдомствъ. Промышленники были также имъ недовольны, усматривая въ немъ посягательство на свободу промышленности. Началась безконечная распря, изъ которой М. М. Федорову трудно было выйти побѣдителемъ. Засѣданія по образованію этого Комитета велись до тѣхъ поръ, пока врагъ не подошелъ къ воротамъ Ростова и не прекратилъ теченія этого весьма бесплоднаго дѣла.

Я смотрѣлъ на свое пребываніе въ тылу, какъ на временное, питая планъ возвратиться въ армію, когда она будетъ подходить къ Москвѣ. Въ связи съ этимъ я обдумывалъ планъ организаціи спеціального агитаціоннаго аппарата для средней Россіи и въ частности для Москвы. Я предполагалъ заготовить большое количество агитаціонной и інформаціонной литературы, чтобы двинуть ее въ Москву къ моменту послѣднихъ рѣшительныхъ эпизодовъ нашей борьбы. Въ этихъ цѣляхъ я и началъ работать въ Отдѣлѣ Пропанды Добровольческой Арміи, — въ знаменитомъ «Освагѣ», который поносятъ еще теперь и поносили ранѣе. Но чѣмъ ближе къ зимѣ, тѣмъ далѣе отдалялась возможность осуществленія такого плана. Реальность его значительно уже пошатнулась, когда я въ концѣ ноября официально оформилъ свое положеніе въ «Освагѣ» и принялъ на себя должность заведывающаго литературной частью. Я прослужилъ на этой должности въ нормальныхъ условіяхъ около мѣсяца, до эвакуаціи Ростова — и это было время, когда проведеніе какихъ либо плановъ вообще уже было невозможно.

Долженъ сказать, что литературную часть я напелъ въ «Освагѣ» въ довольно хаотическомъ состояніи. За свое короткое существованіе «Освагомъ» издано было великое множество разныхъ книгъ и брошюръ, но издавались онѣ безъ всякаго опредѣленнаго плана и безъ всякой системы. Большинство изданій носило характеръ чисто интеллигентскій и предназначалось для читателя, котораго излишне было убѣждать въ злѣ большевизма. Многое печаталось изъ стороннихъ соображеній, главнымъ образомъ изъ желанія помочь авторамъ, а иногда и прямо въ силу того, что авторы были лица, которымъ неловко было отказать. Агитаціонная литература для широкихъ народныхъ массъ была очень слаба. Цѣлыя кипы различныхъ пріобрѣтенныхъ рукописей лежали въ моихъ столахъ, за нихъ

были выданы значительные авансы, а между тѣмъ это былъ такой безсистемный венигретъ, печатать который не было никакого политическаго смысла.

Передо мной стояла естественная задача влить нашу издательскую дѣятельность въ рамку строго выработаннаго плана, отбросивъ все извнѣ приводящее и наносное. Чѣмъ болѣе я продумывалъ этотъ планъ, тѣмъ ближе подходилъ къ намъ красный. Въ началѣ декабря въ «осважныхъ» высшихъ сферахъ неофициально стали говорить о возможномъ нашемъ переселеніи изъ Ростова. Я получилъ предписаніе отправить часть нашихъ рукописей въ Екатеринодаръ. Постепенно у насъ стали сокращать служащихъ. Наконецъ, уже передъ самой эвакуаціей правительство Особаго Совѣщанія стало реформировать свои отдѣльныя дома и «Освагъ» былъ расформированъ, какъ самостоятельное учрежденіе.

«Освагъ» не былъ особо популяренъ въ Добровольческой Арміи. Непопулярность его объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ, какъ въ свое время въ Земгорѣ, оказалось большое количество не желавшихъ воевать. Оттого къ «осважникамъ» армія относилась приблизительно такъ же, какъ къ «земгусарамъ». Особенно курьезно то, что изъ этихъ окопавшихся преимущественно молодыхъ людей и вышли впоследствии наиболѣе ярые хулители «Освага».

«Освагъ» не любили, далѣе, за то, что отъ него ждали яркихъ словъ и опредѣленныхъ лозунговъ, а онъ ограничивался полутонами. Когда я зачислялся официально въ «Освагъ», мнѣ пришлось выдержать долгую бесѣду съ К. Н. Соколовымъ. Мое участіе въ «Великой Россіи» его сильно смущало и онъ меня уговаривалъ не слишкомъ проявлять въ литературномъ Отдѣлѣ духъ названной газеты. Онъ боялся меня, какъ праваго, а между тѣмъ, если откинуть разныя условности, онъ никакъ не былъ лѣвѣе меня. Вотъ въ этихъ то условіяхъ и двигалось руководимое имъ дѣло, что придавало ему, конечно, тоны неопредѣленные, сѣрые и скучные. И если «Великую Россію» на фронтѣ считали своей газетой, то «осважную» литературу не любили и не почитали.

Въ половинѣ декабря наступилъ мрачный періодъ ростовской жизни. Стали исчезать продукты и бѣшено расти цѣны. Съ каждымъ днемъ увеличивалась эпидемія тифа. У лазарета въ большемъ домѣ, гдѣ была осважная карта, можно было каждый день видѣть отвратительную погрузку покойниковъ на автомобили. Выносили наружу тѣло, раскачивали за ноги и за руки и бросали на автомобильную платформу. «Никакъ еще живъ», сказалъ одинъ разъ санитаръ, бросая трупъ. Такова была цѣна человѣческой жизни. По утрамъ на улицахъ и въ Городскомъ саду маршировали съ винтовками чиновники гражданскихъ учреждений. Ихъ обязали учиться военному строю на всякій случай. Все это свидѣтельствовало о приближеніи трагической развязки. Армія съ великой быстротой откатывалась на югъ. Отдѣльныя, преимущественно конныя части стали уже появляться въ Ростовѣ. Ходили слухи, что казаки кончили воевать и расходятся по станицамъ. Наступилъ день и лавина отступающихъ казачьихъ частей дѣйствительно покапталась черезъ Ростовъ.

Три дня и три ночи шли по Ростову съ сѣвера на югъ отступающія на Кубань казачья части. Если только это можно было назвать «отступленіемъ»... Не подходитъ вполне слово «отступленіе» къ тому ихъ безпримѣрному шествію по Таганрогскому проспекту внизъ къ Дону и потомъ черезъ мостъ въ Задонскія степи. Они шли въ полномъ порядкѣ, полками и сотнями, иногда съ оркестромъ музыки и пѣснями, на прекрасныхъ коняхъ, прекрасно снаряженные и одѣтые. За строевыми частями тянулись безконечные обозы, безъ преувеличенія не въ сотни, а въ тысячи подводъ. Что это были за подводы — и деревенскія розвальни, и тройкой запряженные помѣщичьи сани въ коврахъ, и одиночки. Какихъ рысаковъ орловскихъ и тамбовскихъ вели въ этихъ обозахъ! Чего только на нихъ не было нагружено — и ковровъ, и мебели, и зеркалъ, и ящиковъ съ посудой! Въ общемъ отступленіе это имѣло такой видъ, что часть средней Россіи ограблена и теперь вывозятъ ее на Кубань. Казалось бы, если посадить изъ подводъ всѣхъ

этих молодцовъ, посадить на коней, повернуть всё эти полки на Москву, вѣроятно, они Москву бы легко взяли. Но не было такой силы, которая бы ихъ могла поворотить. Было имъ сказано: «довольно воевать, идите на родную Кубань». Они вѣрили — и полился ихъ потокъ съ пѣснями, гармониками и весельемъ.

Было ясно, что добровольческій фронтъ прорванъ не только физической силой противника, но и умѣлой агитаціей, противостоятъ которой могли только чисто офицерскія добровольческія части. Тонкая линія ихъ и сдерживала на своихъ плечахъ все наступленіе красныхъ на Ростовъ. Дѣйствительно, борьба шла не на побѣду, а на разложеніе, но оказалось, что они сумѣли разложить насъ ранѣе, чѣмъ сами разложились.

Несмотря на это безнадежное зрѣлище, у насъ въ Ростовѣ до послѣдняго момента теплилась надежда на успѣхъ. Мы вѣрили, что свалится откуда то счастье, придетъ помощь и красные не войдутъ въ Ростовъ. «Ростовъ не будетъ взятъ», — говорили нѣкоторые упрямцы, а между тѣмъ непріятель былъ уже подъ Новочеркасскомъ и теченіе его силъ было неупредимое.

Ростовъ спѣшно эвакуировался. Гремѣли грузовики, спѣшно укладывались учрежденія, которыя выѣзжали или на поѣздахъ, или на многочисленныхъ подводахъ черезъ Донъ на Батайскую станицу. Однажды вечеромъ, проходя около вокзала, я въ недоумѣніи и въ страхѣ остановился. На деревѣ висѣлъ челоуѣкъ, на груди котораго была краткая надпись: повѣшенъ за грабежъ. Вокругъ стояло нѣсколько мальчишекъ, смотря на повѣшеннаго съ любопытствомъ и даже съ вѣкторнымъ восторгомъ. Уже очень необыкновенное было зрѣлище. По ночамъ въ Ростовѣ стрѣляли и грабили, выходить было не безопасно...

Мы покинули Ростовъ 23-го декабря вмѣстѣ съ «Освагомъ». «Освагъ» въ полномъ составѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уволенныхъ чиновниковъ, долженъ былъ слѣдовать пѣшкомъ до Батайска. Каждому разрѣшено было взять небольшой багажъ, который помѣщался на нѣсколькихъ подводахъ. Это было печальное и смѣшное шествіе, съ К. Н. Соколовымъ и Э. Д. Гриммомъ впереди, съ толпой осважныхъ дамъ и чиновниковъ. Была оттепель и на заливныхъ лугахъ за Дономъ стояла непролазная грязь. Дорога повсюду была усыяна завязшими въ грязи возами и автомобилями. Конныя кубанскія части обгоняли насъ и лихо обдавали грязью. Чувствовалось въ нихъ большое къ намъ озлобленіе и ненависть. Мы шли весь день до вечера, вымокнувъ по колѣно въ водѣ. Въ Батайскѣ уготованъ намъ былъ осважный агитъ-поѣздъ съ извѣстными раскрашенными въ три цвѣта вагонами. Къ ночи мы помѣстились въ него — и такъ прожили до Новороссійской эвакуаціи.

Сначала было предположено, что мы останемся въ Екатеринодарѣ и даже тамъ намъ было приготовлено специальное помѣщеніе. Однако, въ Екатеринодарѣ мы пробыли только сутки и переѣхали въ Новороссійскъ. Здѣсь нашъ поѣздъ сначала поставили въ городѣ, около мола, потомъ стоялъ онъ у вокзала и, наконецъ, помѣщенъ былъ въ полѣ на запасномъ пути между вокзаломъ и городомъ около какого то канала.

Помѣщенный въ поѣздѣ «Освагъ» наружно, по крайней мѣрѣ, не прекращалъ своей дѣятельности, но, разумѣется, это была болѣе игра, чѣмъ серьезная работа. Приходилось только удивляться, какъ нѣкоторые могли съ серьезнымъ видомъ заниматься этой игрой. Въ общемъ каждому, за исключеніемъ развѣ самыхъ глупыхъ людей, было ясно, что мы, какъ учрежденіе, не живемъ, а доживаемъ свои дни, и доживаемъ въ условіяхъ поистинѣ каторжныхъ. Рано утромъ приходилось идти за водой, по грязному болотистому полю съ полверсты. Вода бралась съ паровозной водокачки и неизмѣнно обнаруживала слѣды нефти и запахъ керосина. Затѣмъ варился чай, готовился обѣдъ, топились вагоны. Желѣзные печки накалялись до красна и въ вагонахъ становилось невыносимо жарко. Вагоны тотчасъ же остывали, когда ихъ переставали топить. Топлива не было и топить приходилось дубовыми клепками, которыя воровали на складахъ около вокзала. Часто дулъ невѣроятный нордъ-остъ, иногда при температурѣ 10—12 гр. ниже нуля.

Надъ Новороссійскомъ съ сѣверо-востока тянутся невысокія, покрытыя мелкимъ лѣсомъ горы. Сидеть на эти горы съ вечера сѣрый туманъ, значитъ, будетъ нордъ-остъ. Сначала начинаетъ дуть онъ слабо, потомъ все болѣе сильными и сильными порывами срывается съ высотъ, прямо въ бухту. Сила вѣтра почти что невѣроятна. Онъ спшибаетъ съ ногъ людей, топить суда въ бухтахъ, рветъ крыши. И такъ не одинъ день, а не менѣе четырехъ, а если не прекратился въ четвертый день, то значитъ будетъ дуть восемь или двѣнадцать. Жизнь замираетъ въ городѣ, всѣ прячутся по домамъ, только огромныя стаи дикихъ утокъ и всякой птицы жмутся къ берегамъ и становятся точно ручными. Въ морозъ, отъ водяныхъ брызгъ съ залива весь городъ становится обледенѣлымъ и буквально леднѣютъ люди. У насъ было нѣсколько случаевъ страшнаго обморожанія лица у тѣхъ, которые выходили въ этотъ нордъ-остъ въ городъ. Понятно, жить въ такой нордъ-остъ въ желѣзнодорожномъ вагонѣ—не особенное удовольствіе.

Къ тому же жить было не безопасно. Въ полѣ между вокзаломъ и городомъ нерѣдко грабили и по вечерамъ приходилось ходить вооруженнымъ. При встрѣчѣ въ этомъ полѣ ночью съ человѣкомъ приходилось, бывало, кричать: «Кто идетъ? Руки вверхъ!» — и держать наготовѣ винтовку. Вокругъ города бродили зеленые, которые дѣлали не разъ нападеніе на городъ и однажды освободили даже изъ тюрьмы всѣхъ арестантовъ. Удивительно, какъ они не добрались до нашего поѣзда, въ которомъ имѣлись довольно большія суммы денегъ въ иностранной валютѣ. По ночамъ у насъ было установлено дежурство — и приходилось два три раза въ недѣлю быть въ караульной смѣнѣ, бродя часа по два, по три вокругъ вагоновъ. Помню, дежурилъ я разъ такъ съ однимъ нашимъ очень извѣстнымъ русскимъ художникомъ, который ранѣе никогда винтовки въ руки не бралъ. Онъ ходилъ съ конца поѣзда, а я съ головы и такъ мы доходили до средняго вагона, встрѣчались, потомъ опять расходились. Въ одну изъ нашихъ встрѣчъ, онъ со страхомъ говоритъ, что въ заднемъ пустомъ товарномъ вагонѣ кто-то шевелится. Мы пошли къ нему — дѣйствительно, кто то есть. Мы подняли тревогу, оцѣпили вагонъ — оказалось бродячая собака.

Вокругъ поѣзда и въ немъ самая непроходимая грязь и вонь. Прохожіе предпочитали обходить поѣздъ или, идя мимо него, зажимали носы. Люди въ поѣздѣ обовшивѣли и болѣли тифомъ. Въ нашемъ вагонѣ было пять случаевъ сыпного тифа. Помню больной, пока его не увезутъ въ лазаретъ, лежитъ, бывало, на большомъ столѣ, который былъ поставленъ во всю длину вагона-теплушки, а на другомъ концѣ мы пили чай и обѣдали.

Были и смѣшныя происшествія. Недавно умершій въ Парижѣ литераторъ Кохманскій обиталъ также въ нашемъ вагонѣ и отличался необычнымъ количествомъ поѣдавшихъ его насѣкомыхъ, которыхъ онъ чистилъ тутъ же при всѣхъ на полу. «Да что вы дѣлаете», — говорили ему, — «вошь распускаете». «Не распускаю, а уничтожаю», — спокойно возражалъ онъ. Однажды у него поднялась температура и онъ слѣгъ. Рѣшили, что у него тифъ, и распорядились везти его въ сыпнотифозный лазаретъ. Приѣхала телѣга и, несмотря на его протесты, сестра милосердія водворила его и свезла въ городъ. Однако, дня черезъ два онъ преспокойно воротился къ намъ въ поѣздъ съ подушкой подъ мышкой: никакого тифа у него не оказалось.

«Вы не сестра милосердія, а сестра жестокосердія», — неизмѣнно повторялъ онъ, встрѣчая сестру.

Надъ Новороссійскомъ витала смерть и тифъ уносилъ каждый день свои жертвы. Какъ только выѣдешь въ городъ, неизмѣнно встрѣчаешь похороны. Отъ тифа умеръ кн. Е. Н. Трубецкой и печально провожали его въ могилу. Последнее время въ Ростовѣ онъ производилъ впечатлѣніе уже стараго физически ослабѣвшаго и нравственно подавленнаго человѣка. Бывало, придетъ къ намъ въ редакцію, сядетъ у желѣзной топящейся печки и сидитъ такъ, не снимая шубы, грѣется, у него тогда болѣли и зябли ноги. Сидитъ часа два, не скажетъ слова. Кто зналъ его ранѣе, тотъ понимаетъ, какъ это на него не похоже. Какой онъ былъ

живой, блестящей на слово человек. Меня с юности поражал он своей породистостью, мужественной, степенной красотой, неподражаемой вибрацией речи, а главное, какой то простой, изнутри исходящей, естественной силой своих убеждений и верований. Много было в нашем интеллигентском богоискательстве болтливости, надломленности, а потому бесплодных потуг. Русский интеллигент воспитан на атеизм, а потому стремясь найти Бога, он не всегда умел это сделать — и искал его так, как неспособный к языкам англичанин старается заговорить по французски, делает неимоверные усилия, ломает язык, а все выходит по своему. Князю Евгению Николаевичу ничего не нужно было ломать, т. к. он уже имел то, что искал. Свободным и красивым взмахом руки сбрасывал он себя православным крестом так, как это делал какойнибудь старый предок его, садясь на коня в своем стольном городе.

Умер от тифа Пуришкевич. Его я видел за несколько дней до смерти на базаре, покупающим свинину и яростно торгующимся с продавцами. Ходил он в меховой бекеш с статскими генеральскими погонами, вечно шутил, и веселость не покидала его, кажется, до самой смерти.

Уныло тянулись погребальные процессии и уныло шли за ними люди, над которыми витала тифозная смерть.

В Новороссийск мы в значительной степени потеряли связь с фронтом, с командованием и с правящими сферами, — обстоятельство, которое еще более запутывало общую смутность создававшегося тогда положения. Вспоминая преобладающее в этой смутности настроение, я не могу не назвать его иначе, как чрезвычайно легкомысленным. Большинство загнанных в Новороссийск беженцев с самых первых дней начало жить мечтой об эвакуации. На эвакуацию эту смотрели, как на какую то легкую прогулку за границу, в течение которой можно отдохнуть, подышать воздухом, полежать у южного моря, а потом опять воротиться домой. У такого рода эвакуантов — а их было значительное количество — отсутствовало сознание величайшего трагизма происходивших событий. Они не видели и не хотели видеть, что дом их рушится, что вместо прогулки предстоят бездомные скитания, и что возврата уже больше нет. Мечты их, впрочем, разбились тотчас же после посадки на английские пароходы с голодным и суровым режимом.

Другая категория людей — их было также очень много — не чувствовали размера свершившейся катастрофы и находились в состоянии какого то мало понятного, почти болезненного оптимизма. Смутность окружающей атмосферы благоприятствовала распространению разных фантастических слухов, которыми эти люди себя утешали. Говорили, что англичане присылают целую армию в Новороссийск, что строятся где то уже окопы и укрепления, верили в предстоящее наше наступление, говорили о переменных казачьих настроениях, о развале у красных и т. п. Подобных оптимистов не убеждали даже такие факты, как неудача нашего наступления на Ростов. Я разумно при этом оптимистов искренних, а не ту официальную ложь о том, что все обстоит благополучно, которая тогда была широко распространена и культивировалась в частности у нас в «Осваге», преемниками К. Н. Соколова и Э. Д. Гримма. Многие из таких официальных оптимистов, произнося широкообщественные речи о наших ближайших успехах, тайно ходили по эвакуационным пунктам, тайно запаковали заграничными паспортами и ждали удобного момента, чтобы улизнуть из Новороссийска. Один из таких рыцарей пошел эвакуировать семью на пароход и «случайно» на нем остался до того момента, когда он отчалил от пристани. Так и уехал. Впрочем, все документы и визы у него оказались в полном порядке.

Большим реализмом обладали те, которые ориентировали свою будущую судьбу на Крым. План концентрации отступающих добровольческих сил в Тав-

рію былъ тогда широко извѣстенъ и отступленіе на Сѣверный Кавказъ многими считалось крупной военной ошибкой генерала Деникина. Полагали, что ошибку эту можно еще исправить, эвакуировавъ армію изъ Новороссійска въ Крымскіе порты. Самъ по себѣ такой планъ былъ уже не такъ дуренъ и доставлялъ единственную реальную возможность дальнѣйшей борьбы съ большевиками, однако, вокругъ него ходило не мало самыхъ нелѣпыхъ слуховъ. Шопотомъ передавали, что въ Крыму что то зрѣетъ, что тамъ предстоитъ какое то великое событіе, которое сразу измѣнитъ положеніе бѣлыхъ силъ. Называли въ связи съ этимъ какія то имена бывшаго царствующаго дома. Говорили о томъ, что они возглавятъ въ Крыму Добровольческую Армію и откроютъ такимъ образомъ новую эру въ исторіи бѣлаго движенія на югѣ Россіи.

Я принадлежалъ тогда къ числу пессимистовъ. Послѣ крушенія Ростова я потерялъ вѣру въ успѣхъ бѣлаго движенія и ясно чувствовалъ, что оно подходитъ къ фатальному своему концу. Изъ довольно значительнаго количества подобныхъ пессимистовъ только очень немногіе сознательно рѣшили остаться въ Россіи и раствориться среди большевиковъ. Большинство же считало правильнымъ дожидаться того момента, когда настанетъ дѣйствительный конецъ и когда судьба заставить проститься съ родными берегами.

И неизбѣжный конецъ этотъ быстро приближался. Во второй половинѣ февраля красные начали наступленіе по всему фронту. Несмотря на скудные свѣдѣнія и на официальный оптимизмъ нельзя было не видѣть, что военное счастье покинуло насъ. Крушеніе нше стало вопросомъ нѣсколькихъ недѣль. Начались массовыя приготовленія къ отъѣзду, выправка паспортовъ и документовъ. Эвакуація стала реальной программой дѣятельности гражданской и военной добровольческой администраціи.

Врѣзалось мнѣ въ память послѣднее засѣданіе политической группы Государственнаго Объединенія, происходившее уже въ эвакуаціонной атмосферѣ, почти что наканунѣ нашего бѣгства. Собрало оно наиболѣе выдающіяся интеллигентныя силы бѣлаго движенія во главѣ съ нынѣ ушедшими въ вѣчность А. Е. Кривошеинымъ и П. И. Новгородцевымъ. Прошло оно подъ знакомъ размышлений о темномъ нашемъ будущемъ, о нашей дальнѣйшей судьбѣ. И многіе тогда чувствовали, что намъ предстоятъ долгіе, тяжелые годы скитаній, годы разсѣянія, во время котораго мы сможемъ развѣ только перекликаться другъ съ другомъ, и что многимъ уже не будетъ возврата назадъ. Говорили о будущихъ судьбахъ Россіи — и вотъ какой былъ сдѣланъ тогда прогнозъ: возврата къ прошлому нѣтъ, и, если даже воротятся нѣкоторыя старыя формы, то содержаніе ихъ будетъ ново и для многихъ присутствующихъ идейно неприемлемо. «Махновская монархія» — вотъ наиболѣе вѣроятная политическая судьба Россіи, какъ сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, и мысль эта встрѣтила сочувственные отклики у многихъ.

Въ концѣ февраля въ «Освагѣ» у насъ официально былъ разрѣшенъ отъѣздъ для тѣхъ, которые желаютъ эвакуироваться за границу. Въ это время большевиками былъ прорванъ добровольческій фронтъ и они начали наступленіе на Екатеринбургъ. Начавъ усиленные хлопоты, мы получили мѣсто на пароходѣ Николай, который долженъ былъ выйти изъ Новороссійска 1-го марта. Конечно, мѣсто назначенія парохода было неизвѣстно — Салоники или Архипелагъ, Кипръ или Египетъ. Будущее было темно, однако же безысходный Новороссійскій узелъ все же развязался — и это приносило не малое облегченіе. Сборы къ отъѣзду оживили и ободрили насъ. 1-го марта къ вечеру мы простились съ агитъ-поѣздомъ и двинулись къ пароходу. Въ то время въ городѣ было уже тревожно: съ фронта пришли какія то части и разнесся слухъ, что они всячески будутъ препятствовать эвакуаціи штатскихъ, до тѣхъ поръ, пока не погрузятся всѣ военные. Давка и беспорядокъ господствовали на молу у пароходной пристани. Пришлось потратить не мало времени, чтобы въ длинной очереди достигнуть до пароходнаго тра-

па. И когда онъ былъ перейденъ, мы всѣ, я помню, облегченно вздохнули. Не сладко было это пребываніе въ Новороссійскѣ.

Помѣститься рѣшили мы на палубѣ, на серединѣ корабля, подъ открытымъ небомъ. Внизу, въ классныхъ помѣщеніяхъ и въ трюмѣ, люди лежали и сидѣли сплошной массой при отвратительномъ воздухѣ и духотѣ. Немногія свободныя части пространства охранялись сосѣдями почти что съ кулаками и съ бранью. Погода была хороша и на воздухѣ было пріятнѣе, а главное безъ особыхъ недоразумѣній. Пароходъ долженъ былъ отчалить только утромъ и это порождало паническіе разговоры. «Придутъ Марковцы», — говорили въ публикѣ — «и ссадятъ всѣхъ». Офицеры изъ контръ-развѣдки были злы и непріятны особенно съ тѣми, кто имѣлъ явно буржуйный видъ. Все это создавало отвратительное нервное настроеніе, которое къ счастью скоро разрядилось. Пароходъ неожиданно отчалилъ вечеромъ, постоялъ нѣкоторое время въ портѣ и, недождавшись какого то осмотра, поднялъ якорь и пошелъ въ открытое море.

Не долго наслаждались мы чувствомъ освобожденія отъ кошмара Новороссійской жизни — новый, не менѣе непріятный, пароходный кошмаръ смѣнилъ Новороссійскъ. Путешествіе на «Николаѣ» отвратительно было не только по физическимъ неудобствамъ, сколько по нравственной атмосферѣ, которая вскорѣ обнаружилась среди этихъ обломковъ бѣлой Россіи. Тяжело было физически цѣлый день и цѣлую ночь сидѣть на открытой палубѣ при крѣпкомъ морскомъ вѣтрѣ въ легкой одеждѣ — у меня была только англійская военная шинель. По утрамъ послѣ холодной ночи нужно было часами стоять за кипяткомъ, а потомъ часами дежурить, чтобы получить отвратительную пищу. Но все это еще можно было выносить при нашей достаточной тренировкѣ. Невыносимо было иное, — именно пароходный духъ и стиль. Команда была груба, капитанъ и его помощники вызывающе нахальны. Какой то «Синій Крестъ», который питалъ насъ, состоялъ изъ титулованныхъ земгусаровъ и соотвѣтствующихъ имъ дамъ, которые старались обнаружить максимальную степень превосходства передъ остальной бѣженской массой. Эта послѣдняя явно обнаруживала слѣды нравственного разложенія и даже одичанія. Всѣ эти безчисленные статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники, нагружавшіе пароходъ, толкались, грубили другъ другу, грозились и ругались изъ-за всякихъ пустяковъ. Добрыя человѣческія чувства пропали и поистинѣ человѣкъ сталъ звѣремъ. И сверхъ всего этого на пароходѣ процвѣтало какое то, смѣшное въ нашей обстановкѣ, бюрократическое мѣстничество и чванство. Тѣ, которые валялись на покрытомъ зловоніемъ полу каютъ перваго класса (уборная сломлась и вонючая жидкость залила весь полъ), считали себя все же привилегированными пассажирами и старались, что называется, утереть носъ пассажрамъ палубнымъ.

На третьи сутки мы увидѣли малоазіатскіе берега и къ вечеру вошли въ Босфоръ. Странно было смотрѣть на чужую намъ землю и думать, что ждетъ насъ здѣсь. Первые впечатлѣнія свидѣтельствовали, что едва ли ждетъ что либо хорошее. Мы спустили якорь около мѣстечка Кавака, гдѣ помѣшался международный санитарный и дезинфекціонный пунктъ. Пріѣхали французскія власти, вѣзали на пароходъ, ходили и смотрѣли на насъ, какъ на звѣрей. Съ ними заговаривали, но получали не очень вѣжливый отпоръ. Намъ заявили, что мы будемъ подвергнуты дезинфекціи, причемъ такимъ порядкомъ: съ разсвѣта насъ будутъ партіями возить на берегъ, и пока не будутъ вымыты всѣ, съ берега не спускать. Когда пароходъ будетъ очищенъ отъ насъ, его также будутъ дезинфицировать. Потомъ, насъ посадятъ обратно на пароходъ. Вся эта операція должна быть окончена до вечера.

«А если не окончите къ вечеру», — сказалъ докторъ французъ, — «операція начнется послѣ завтра утромъ съ начала. И пароходъ до тѣхъ поръ будетъ стоять въ Кавакѣ, пока не сумѣете произвести дезинфекцію съ утра до вечера».

Не зная, что такое эта дезинфекція, мы всё пришли въ смущеніе. Но дѣла оказалась не столь труднымъ, сколько ненужнымъ и унижительнымъ.

Рано утромъ пріѣхали турецкія власти, которыя снова объясняли намъ, и чемъ состоитъ эта дезинфекція. Изъ тона ихъ было ясно, что насъ считаютъ едва ли не варварами. Торопясь и всячески помыкая, стали сажать насъ на баркасы. Довольно грубая турецкая стража встрѣтила насъ на берегу, отдѣлила дамъ отъ мужчинъ и поставила въ очередь. Сначала насъ вводили въ раздѣльную и собирали одежду, снабжая довольно грязными трусиками. Одежда шла въ паровую дезинфекцію, а насъ самихъ вводили въ довольно холодный корридоръ, по стѣнамъ котораго были расположены маленькія камеры съ душами. Вода въ душахъ была почти что холодной и текла крошечной струйкой, подъ которой рѣшительно нельзя было вымыться. Нѣкоторые души были испорчены и вода въ нихъ совсѣмъ не текла. Душъ нужно было принять въ три минуты и потомъ выходить въ отдѣльную комнату, куда доставлялась наша одежда. Ее мы получили въ состояніи ужасномъ и нѣкоторыя части туалета у многихъ совершенно пропали. Затѣмъ, наскоро одѣвшись, подъ окрики стражи, насъ повели на прививку противохолерную съ какими то другими сыворотками. Прививали, что называется, оптомъ, грязными инструментами и не слушая никакихъ резонновъ. Одна дама, получивъ прививку, подошла съ вопросомъ къ французу — и тотъ не разобравъ, въ чемъ дѣло, вкатилъ ей сыворотку второй разъ, несмотря на ея крики и протесты.

Все это имѣло болѣе характеръ униженія, чѣмъ какой либо дѣйствительно полезной санитарной мѣры. Достаточно сказать, что послѣ дезинфекціи многие сняли со своей одежды живыхъ вшей, которыми раньше не обладали. Ясно, что подобная санитарія могла скорѣе заразить, чѣмъ избавить отъ заразы. «Вотъ такъ заграница», — говорили многіе, съ недоумѣніемъ выходя изъ этого замѣчательнаго учрежденія, которое по правиламъ европейской науки устроило, если я не ошибаюсь, международное санитарное бюро.

До вечера этого дня мы должны были толкаться за колючей проволокой въ окрестностяхъ санитарнаго пункта. На пароходъ насъ повезли тогда, когда черезъ дезинфекцію прошли всё нѣсколько тысячъ пассажировъ парохода «Николай».

На слѣдующій день пароходъ нашъ прошелъ черезъ Босфоръ и сталъ на якорь въ Золотомъ Рогѣ. Поражала насъ всёхъ не столько красота Босфора, сколько условія нормальной жизни, развертывающейся передъ нашими глазами. Впереди, на Галатскомъ мосту, сновала толпа, ходилъ трамвай и вечеромъ ярко горѣли электрическіе огни. Въ Стамбулѣ за Св. Софіей проходили и отходили желѣзнодорожныя поѣзда. Портъ изобиловалъ пароходами и товарами. Безчиленныя лодки съ торговцами окружили насъ, привезли апельсиновъ, винныхъ ягодъ, халвы и разныхъ съѣстныхъ продуктовъ. Бѣженцы русскіе, какъ дѣти, бросились все это покупать, мѣняя ходившія еще тогда добровольческія и царскія деньги. Чужая, незнакомая жизнь, кажущаяся извнѣ богатой и полной, кипѣла вокругъ и далекіе русскіе берега казались отсюда мертвыми, печальными и даже страшными.

Мы стояли на рейдѣ нѣсколько дней и ждали своей судьбы. Говорили, что насъ повезутъ въ Салоники, а оттуда въ Сербію. На берегъ насъ не пропускали, иначе, какъ по специальному разрѣшенію. Получивъ такое разрѣшеніе, я съ нетерпѣніемъ поѣхалъ въ городъ. Я былъ первый разъ въ Константинополѣ проездомъ изъ Европы и тогда онъ показался мнѣ небольшимъ, довольно грязнымъ, азіатскимъ городомъ. Теперь же я нашелъ его чистымъ, оживленнымъ и невѣроятно богатымъ. Наслажденіемъ для меня было сѣсть въ трамвай, гдѣ люди казались хорошо одѣтыми и очень вѣжливыми. Стѣсняла меня только нищета моего измятаго и грязнаго военнаго обмундированія.

День, проведенный мною въ Константинополѣ, показался мнѣ какимъ то чуднымъ сномъ. Безъ особой охоты поѣхалъ я къ вечеру на пароходъ и здѣсь,

сидя на палубѣ и рассказывая о видѣнномъ, я еще разъ почувствовалъ размѣръ того паденія и обнищанія, которыя мы пережили. Грустно улеглись мы спать. Сталь моросить дождь и спать на палубѣ было неудобно. Пытались мы построить палатку изъ тюковъ и стараго одѣяла, но она все не удавалась. Наконецъ, мы кое какъ заснули.

На утро мы проснулись отъ окружающей насъ сырости. Дождь непрестанно лилъ и мы промокли насквозь. Отъ одежды нашей шелъ паръ. Укрыться было некуда и, подчиняясь необходимости, приходилось покорно сидѣть и принимать на себя въ изобиліи падающую небесную влагу.

Такъ прошелъ день и ночь. Наступило новое утро. Говорили, что мы должны тронуться, но сломалась какая то цѣпь на пароходѣ и отъѣздъ нашъ отложили. Мокрые и продрогшіе бродили мы по пароходу и мрачная безнадежность начинала овладѣвать душой. «Одно спасеніе», — подумалъ я — «бѣжать съ парохода». И мы начали обдумывать планъ бѣгства. Планъ этотъ былъ не очень сложнымъ. Я долженъ былъ опять съѣхать на берегъ и достать женѣ англійскій сертификатъ отъ одной изъ знакомыхъ дамъ, ранѣе получившей право жительства въ Константинополѣ. Жена съ этимъ сертификатомъ должна была изобразить изъ себя даму, прѣбавшую на пароходѣ изъ города за вещами знакомыхъ. Я самъ уже на пароходѣ думалъ не входить. Планъ этотъ удался, правда, не безъ подкупа турецкой стражи. Вечеромъ мы были въ отелѣ, высушились и перемѣнили бѣлье. Мы до сихъ поръ вспоминаемъ этотъ день, какъ день небывалаго блаженства. Все казалось необыкновенно хорошимъ — и грязный номеръ, и бѣлыя простыни на постеляхъ, и ужинъ въ ресторанѣ, и прогулка по шумной Перѣ.

Мы прожили въ Константинополѣ около мѣсяца, постепенно отдыхая отъ нашей Новороссійской жизни и эвакуаціонныхъ впечатлѣній. Я испытывалъ здѣсь то же чувство, которое переживалъ въ Берлинѣ послѣ Москвы, съ той только разницей, что въ Константинополѣ дѣйствительно не было никакой нужды. То было еще золотое время русскаго бѣженства. У русскихъ были еще планы, надежды, а главное, деньги. Затѣвались предпріятія, питались самыя радужныя мечты. Будущее не казалось темнымъ и срокъ изгнанія не представлялся долгимъ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ мы стали собираться въ Сербію. Помню, когда я первый разъ слѣзъ съ Николая на Галатскій берегъ у самой пристани на небольшой площади, меня поразило одно зрѣлище, смысла котораго я сперва не понималъ. Толпа разнаго народа — и русскихъ, и грековъ, и турокъ, — стояла около какого то дома. Вдругъ выскочили оттуда нѣсколько зуавовъ и начали избивать людей стеками. «Что это такое?» — спросилъ я у знакомаго. «Добываютъ визы». «Странно» — подумалъ я, но свѣжія впечатлѣнія города отвлекли меня отъ этой дикой картины.

Позднѣе въ Константинополѣ я не разъ былъ свидѣтелемъ совершенно дикаго обращенія союзныхъ оккупационныхъ войскъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Французскіе и англійскіе солдаты не только при каждомъ удобномъ случаѣ лупили господъ въ фескахъ, но часто позволяли себѣ дѣянія просто хулиганскія. Разсыпать, напимѣръ, лотокъ съ апельсинами у турка разносчика было обычнымъ ихъ занятіемъ. Иногда компанія такихъ солдатъ или матросовъ разсыпала по очереди всѣ попадавшіеся лотки и разносчики въ ужасѣ разбѣгались въ сторону. Выносили все это они, надо сказать, съ чисто восточнымъ спокойствіемъ.

Я столкнулся съ вопросомъ о визахъ прежде всего по рассказамъ моихъ знакомыхъ. Не было изъ нихъ ни одного, кто вышелъ бы изъ этого занятія благополучно. Одному стеками разорвали новую шляпу, другого вытолкали колѣнами, несмотря на то, что онъ имѣлъ спеціальную рекомендацію. Я видѣлъ самъ, какъ собравшуюся толпу французскіе солдаты поливали изъ пожарной кишки, а офицеры съ балкона потѣшались на зрѣлище. Подъ такой душъ попалъ Н. Н. Львовъ,

когда онъ ходилъ за визой. Все это не создавало хорошаго настроенія при началѣ хлопотъ о выѣздѣ изъ Константинополя.

Въ испытанныхъ мною издѣвательствахъ нужно отмѣтить одно подмѣченное мною обстоятельство. «Союзники» наши не то, чтобы не умѣли устроить приличнаго порядка при полученіи этихъ визъ, нѣтъ, они, повидимому, сознательно не хотѣли такой порядокъ установить. Имъ какъ бы доставляло удовольствіе постыдить просителя въ положеніе, наиболѣе затруднительное. Такъ, просителямъ не разрешалось образовывать очереди — ее то неизмѣнно и разгоняли зуавы. Пыльные французскіе капралы выбирали изъ толпы фізіономіи на свой вкусъ и ихъ пропускали въ зданіе. Тѣ, которые не нравились, таскались по визамъ недѣлями и ничего не получали. Но проникнувъ въ зданіе, вы еще въ сущности ничего не достигали. Тамъ начинался новый выборъ, основанный ими на личной прихоти или на подкупѣ. Могу сказать, что я не видѣлъ ничего, болѣе безобразнаго и болѣе наглого, чѣмъ эти союзническіе приемы, которые практиковались не только по отношенію къ штатскимъ, но даже и къ раненымъ военнымъ. Кто испыталъ это въ Константинополѣ, тотъ понимаетъ, почему многіе перестали любить такъ называемыхъ нашихъ «союзниковъ».

Я получилъ визу въ два дня съ разными обманами и подкупами — не буду уже описывать какъ. Мы выбрались изъ Константинополя въ Софію, а потомъ въ Бѣлградъ. Здѣсь мы начали постепенно устраивать нашу бѣженскую жизнь. Тогда устроить ее было легче, чѣмъ теперь, — было безконечно болѣе возможностей. Жизнь въ Сербіи стала уже налаживаться, однако, тоска по Россіи все время одолевала насъ. Въ то время въ маленькомъ Крыму происходилъ какой то не вполне понятный издали процессъ. Смотри отсюда на Крымъ, мы терзались мыслью, что сидимъ здѣсь въ сравнительныхъ удобствахъ и не участвуемъ въ новой попыткѣ борьбы съ красной Россіей. Неожиданно для себя, однажды утромъ — то уже былъ июнь мѣсяцъ — я получилъ телеграмму, вызывающую меня отъ имени Главнокомандующаго въ Крымъ на мѣсто Начальника Информационной части при штабѣ арміи. Я раздумывалъ всего нѣсколько минутъ — и телеграфно отвѣтилъ, что принимаю назначеніе.

Проѣхать въ Крымъ было тогда не легко и только въ двухъ-недѣльный срокъ мнѣ удалось преодолѣть всѣ прѣпятствія и сѣсть въ поѣздъ на Константинополь. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Константинополь мы сѣли на пароходъ Константинъ и поплыли по Черному морю назадъ въ Скифію.

Когда я вспоминаю теперь о первыхъ нашихъ крымскихъ впечатлѣніяхъ, Крымъ представляется мнѣ какимъ то не совсѣмъ реальнымъ міромъ, который я увидѣлъ, какъ бы въ дурномъ снѣ. Да, жестокіе были эти первые дни встрѣчи съ Россіей, пока къ ней не присмотрѣлся и не привыкъ. Первое, что бросалось въ глаза — это какой то понурый, выпцвѣтшій и въ то же время непривѣтливый видъ людей, толкавшихся на Севастопольской пристани. Пришла, какъ водится, контръразвѣдка и безконечно долго провѣряла документы. Потомъ на пароходъ потянулись грузчики, здоровые и злые ребята, почему то ругавшіеся между собой. Тогда меня помню все тревожилъ вопросъ, который я не разъ задавалъ себѣ и ранѣе: почему это такіе злые русскіе люди. Сколько мы грузились и въ Турціи, и въ Болгаріи, и въ Сербіи, вездѣ народъ — болѣе добродушный и сходный, особенно константинопольскіе хамалы, жуликоватые, но услужливые, веселые и разбитные. А здѣсь подошли два мрачныхъ типа и сейчасъ же вышли недоразумѣнія.

«Вотъ снесите, пожалуйста, багажъ въ таможеню».

«Багажъ? А это вашъ ящикъ?»

«Мой».

«Нѣтъ-съ, господинъ, тяжелъ. Кто его понесетъ?»

Я впалъ въ недоумѣніе. Въ Константинополѣ на спинѣ его несъ, помнится, одинъ хамалъ. Растерянно спрашиваю что же дѣлать.

«Да можно перенести, только возьмите четырех человек».

Четыре человека по нашим вещамъ были явно излишни, но хотѣлось скорѣе на родную землю и я не сталъ возражать. «Сколько же будетъ стоить», — спрашиваю я.

Здѣсь была мнѣ названа такая невѣроятная сумма, что я пришелъ въ ужасъ. Даже въ переводѣ на турецкія лиры сумма была велика, а жизнь въ Крыму была въ нѣсколько разъ дешевле константинопольской. Я пришелъ въ возмущеніе, которое, однако, было встрѣчено весьма спокойно.

«Не хотите, такъ и не надо».

И мрачные типы удалились.

Я пошелъ искать носильщиковъ на пристань, гдѣ много было разныхъ грузчиковъ, которые охотно предлагали свои услуги. Вскорѣ я сговорился съ двумя за сравнительно сносную цѣну и повелъ ихъ на пароходъ. Но здѣсь произошло новое недоразумѣніе. Являются опять мрачные типы, выхватываютъ у носильщиковъ вещи и начинаютъ ругаться. Собирается толпа озлобленныхъ лицъ, и я вижу, что моихъ носильщиковъ пинками выставляютъ съ парохода.

Я пришелъ въ полное негодованіе и пошелъ объясняться съ комендантомъ пристани. Встрѣтилъ онъ меня не очень вѣжливо, но когда я показалъ свои документы, тонъ его сразу перемѣнился. Однако, онъ оказался совершенно безпомощнымъ.

«У насъ союзъ» — говорилъ онъ, — «союзъ грузчиковъ. Я ничего не могу сдѣлать... Не состоящимъ въ союзъ не разрѣшаютъ носить вещи... Цѣны у насъ не установлены, приходится платить, сколько просятъ».

Я былъ побѣжденъ. Приходилось мириться, равняясь на русскіе порядки. Я нанялъ двухъ новыхъ господъ изъ союза, которые такъ и отказались нести большой ящикъ. Мнѣ сказали, что его перевезутъ завтра прямо въ таможеню.

Таможенная процедура обошлась безъ особыхъ происшествій, но далѣе опять несуразныя затрудненія. Отъ пристани до квартиры знакомыхъ, у которыхъ мы могли переночевать, нужно было пройти десять-пятнадцать домовъ. Носильщики изъ союза вещи нести отказались, а подводы, стоявшія на улицѣ, начали въ свою очередь запрашивать невѣроятную цѣну.

«Да, позвольте», — горячился одинъ изъ севастопольцевъ, — вѣдь это два шага... Такую цѣну платятъ до вокзала».

«А намъ все равно, что до вокзала, то и до Нахимовскаго... Не хотите, такъ и не надо».

Опять пришлось заплатить дань.

Я помню Севастополь со старыхъ царскихъ временъ — былъ онъ всегда чистымъ, элегантнымъ и наряднымъ городомъ. И во времена Деникина былъ онъ всегда внѣшне культурнѣе, чѣмъ Симферополь. А сейчасъ, выйдя на площадь между Графской пристанью и Морскимъ Собраніемъ и осмотрѣвшись вокругъ, я какъ то сразу загрустилъ. Было что то тяжелое, подавленное, вымученное во всемъ —особливо въ встрѣчныхъ людяхъ. Казалось, что не люди это, а какія то сѣрыя подобія старыхъ людей, если угодно, ихъ тѣни. Особенно поразили меня друзья и знакомые, которыхъ я нашелъ похудѣвшими, пожелтѣвшими и какъ то выщѣвшими не только физически, но и духовно. По первому взгляду можно было заключить, что жизнь въ Крыму — не изъ легкихъ.

Мы уже отучились въ теченіе короткихъ заграничныхъ странствій отъ многихъ русскихъ порядковъ, которые въ первое время казались невыносимо тяжелыми. Севастополь былъ переполненъ, комнатъ не было. Пришлось въ первые дни спать на полу въ канцеляріи, на собственной одеждѣ. Все было неопрятно и первое время внушало брезгливость.

На слѣдующее утро пошелъ я въ таможеню добывать мой ящикъ. Время было присутственное, около десяти часовъ утра, но оказалось, что въ таможенѣ нѣтъ соотвѣстнаго чиновника. Его пошли искать и искали безъ преувеличенія около

часу. Наконецъ, пришелъ чиновникъ, нашелъ мой ящикъ, но и здѣсь дѣло не шло: обнаружилось, что нѣтъ какой то таможенной книги, которую также послалъ искать. Прошелъ часъ времени и пришелъ солдатъ съ книгой, однако въ это время исчезъ куда то чиновникъ. Было это все прямо по гоголевски. Я опять вышелъ изъ себя, сталъ предъявлять свои документы и вызовы и не безъ затрудненія послѣ трехъ часовой процедуры добился счастливой встрѣчи чиновника съ книгой.

«Да вы напрасно не заплатили»,—говорилъ мнѣ какой то севастопольскій гражданинъ, — «а такъ до вечера ждутъ»...

Въ тотъ же день, поѣвъ невкусный и дорогой обѣдъ въ ресторанѣ на Приморскомъ бульварѣ, мы неожиданно встрѣтили поблѣднѣвшаго и худого старшаго знакомаго. Онъ какъ то странно обрадовался намъ. Въ лицѣ и въ глазахъ его было что-то загадочное.

«Пожалуйте ко мнѣ»,—съ какимъ то трудомъ выговорилъ онъ. — «Ко мнѣ на похороны»...

Жена его наканунѣ, придя со службы, съѣла томатовъ и внезапно умерла отъ холеры.

Въ тѣ же первые дни подыскалъ я черезъ знакомаго офицера и комнату на краю города въ слободкѣ, противъ извѣстнаго въ Севастополѣ «толчка». «Толчекъ» этотъ произвелъ на насъ впечатлѣнне неотразимое. Каждое воскресенье наполнялся онъ толпами людей, торговавшими всякой самой послѣдней дрянью — старымъ платьемъ, посудой, замками, гвоздями и т. д. Это все были преимущественно «бывшіе» люди изъ недобитой и недорѣзанной интеллигенціи. Когда я смотрѣлъ на этотъ «толчекъ», я вспоминалъ Невскій проспектъ въ 1918 году. Здѣсь въ Севастополѣ бѣлая Россія уравнилась съ красной и процессъ истребленія русскаго «буржуа» дошелъ своимъ путемъ до своихъ послѣднихъ этаповъ.

Я пошелъ прописываться въ участокъ. Въ канцеляріи было человѣкъ 10—15 людей,—всего болѣе злыхъ и грязныхъ бабъ. За столомъ сидѣлъ гражданскій чиновникъ военнаго времени въ погонахъ съ тремя звѣздами. Шелъ какой то споръ между нимъ и бабами, на который я сначала не обратилъ вниманія, но нѣкоторыя реплики заставили меня насторожиться.

«А что-же, господинъ», — громко и язвительно заявила одна изъ женщинъ, обращаясь къ чиновнику, — «не вамъ я намедни принесла бутылку спирту».

«Я прошу васъ такъ со мной не разговаривать».

«Вотъ глаза безстыжіе, сами же съ товарищемъ своимъ бутылку вонъ въ той комнатѣ выпили, да еще котлетой закусывали».

Публика значительно покрякивала, а господинъ съ тремя звѣздочками имѣлъ явно сконфуженный видъ. Всякому было видно, что дѣйствительно пили и закусывали.

«Пожалуйте для объясненія въ ту комнату», — заявилъ чиновникъ.

Компанія удалилась, разговоръ въ другой комнатѣ шелъ тихій и мирный и всѣ воротились вполнѣ довольными. Публика улыбалась и перемитгивалась.

«Дымъ отечества»—думалъ я, поднимаясь отъ Графской пристани на гору — съ низовъ Крымской жизни къ верхамъ правительственнаго аппарата.

Изъ нѣкоторыхъ репликъ моихъ друзей и знакомыхъ я уже въ первые минуты по прибытіи въ Крымъ понялъ, что около моего вызова также имѣются нѣкоторыя недоразумѣнія. Я не зналъ и не могъ понять, въ чемъ дѣло, и друзья мои отмалчивались, говоря: вотъ пойдете сами и узнаете, мы что то слышали, да толкомъ не знаемъ.

Я былъ вызванъ военной властью и пошелъ въ первую очередь къ одному изъ ея представителей, генералу Н. Помню, въ учрежденіи, куда я пришелъ, меня поразила внѣшняя выправка служащихъ, которой не очень было много въ Екатеринодарѣ и въ Ростовѣ. Здѣсь все было болѣе на вытяжку, но въ то же время чувствовалось нѣчто не натуральное, выдуманное или вымученное. Въ приѣмной, гдѣ я ожидалъ и гдѣ ходили военные курьеры, мнѣ пришла странная мысль: не на

сдѣлать ли я, не въ театрѣ ли, гдѣ изображаютъ правительственное учрежденіе временъ Императора Николая I?

Генераль Н. оказался милѣйшимъ и любезнѣйшимъ человѣкомъ, весьма тонко и не безъ ироніи давшимъ мнѣ общее освѣщеніе той ситуаціи, въ которой находился вопросъ о моемъ назначеніи. Оказывается, послѣ того, какъ меня вызвали телеграммой, рѣшено было дѣло информаций сконцентрировать не при Штабѣ Арміи, но при управленіи внутреннихъ дѣлъ. Должность, на которую я вызывался, въ теченіе моего переѣзда была упразднена и, взамѣнъ ея, была образована новая должность заведывающаго Отдѣломъ Печати при названномъ управленіи. Этотъ Отдѣлъ Печати имѣлъ уже и своего начальника, весьма недавно назначеннаго — нѣкоего г. Н. Д. Выходило, что я вызванъ въ пустую.

«Но какъ же такъ, Ваше Превосходительство», — изумленно говорилъ я, — вѣдь я получилъ двѣ телеграммы и отвѣтилъ, что выезжаю. Почему же меня не предупредили?»

«Разумѣется, вышла неловкость, но согласитесь, я здѣсь не при чемъ. Вамъ придется переговорить съ А. В. Кривошеиннымъ. Что касается расходовъ по дорожѣ, то мы Вамъ ихъ, конечно, оплатимъ».

Къ А. В. Кривошеину я пошелъ весьма накаленнымъ. А. В. я зналъ по Ростову и по Новороссійску, никакихъ особыхъ отношеній у насъ съ нимъ не было, но, повидимому, онъ ничего не могъ имѣть лично противъ меня. Я зналъ также, что покойный А. В. былъ слишкомъ умудренный и бывалый администраторъ для того, чтобы не выйти изъ создававшегося неловкаго положенія. Въ приемной въ Севастопольскомъ Большомъ Дворцѣ пришлось порядочно подождать, пока онъ меня принялъ.

Какъ всегда, онъ сидѣлъ одновременно и обходительный, и важный, несомнѣнно производящій впечатлѣніе на сталкивающихся съ нимъ людей, съ красивымъ лицомъ, пріятнымъ голосомъ, ясными, хитрыми глазами и прирожденнымъ блескомъ ума, который естественно изливался изъ его натуры. Я замѣтилъ только, что здѣсь, въ Крыму, всегдашнее нервное подергиваніе его щеки еще болѣе усилилось. Онъ принялъ меня ласково, какъ старый царедворецъ, однако, выходя, который онъ мнѣ предложилъ, изумилъ меня до чрезвычайности.

«Очень пріятно», — говорилъ онъ, «что пріѣхали къ намъ работать. Здѣсь вышли нѣкоторыя измѣненія въ первоначальныхъ планахъ, но по существу это суть улучшенія. Передъ нами стоитъ задача организовать Отдѣлъ Печати, и очень радъ имѣть въ Вашемъ лицѣ сотрудника».

«Простите, Александръ Васильевичъ, но у Васъ вѣдь уже есть Начальникъ Отдѣла Печати».

«Ахъ, ничего, мы его уволимъ».

«Какъ же это такъ», — думалъ я, — «только что назначили и вдругъ увольняютъ... Здѣсь что то такое неладно».

Я сказалъ, что имѣю свои соображенія по организаціи этого дѣла въ Крыму и хотѣлъ бы представить ихъ въ докладной запискѣ, чтобы столковаться и выяснитъ точки зрѣнія. А. В. согласился и мы разстались.

А дѣло обстояло вотъ какъ. У бѣлаго движенія на Югѣ Россіи были свои «вѣчные спутники». Къ числу ихъ принадлежалъ Н. П. Измайловъ, человѣкъ безусловно искренній, но, да проститъ меня онъ, съ чрезвычайнымъ политическимъ сумбуромъ въ головѣ. Тамъ, гдѣ онъ появлялся, неизмѣнно выходила непериодическая газета, носившая имя «Царь Колоколъ» — «Голосъ русской мысли, русскихъ слезъ и русскаго смѣха». Одна часть ея наполнялась обыкновенно избранными изреченіями изъ русскихъ писателей, включая покойнаго Пуришкевича съ его небезызвѣстными каламбурами. Другая часть составлялась самимъ Н. И. Измайловымъ, который выступалъ въ томъ же самомъ номерѣ и подъ своимъ именемъ, и подъ различными псевдонимами. Иногда печатались статьи и постороннихъ сотрудниковъ, но довольно рѣдко. Направленіе газеты опредѣлялась нормой: правды самаго праваго. Этотъ «Царь Колоколъ» сталъ выходить и въ Севастополѣ

въ качествѣ единственнаго, пожалуй, рѣзко оппозиціоннаго по отношенію къ правительству органа. Оппозиція была по формѣ своей довольно несдержанной и по отношенію къ нѣкоторымъ членамъ правительства, напримѣръ, къ М. В. Бернацкому, прямо даже гнусной. Такъ вотъ первымъ постороннимъ фельетонистомъ этого листка и оказался новый начальникъ Крымскаго Отдѣла Печати. Можно сказать, случилась невѣроятная ерунда: вновь организованный органъ правительственной печати оказался въ лицѣ своего начальника во главѣ оппозиціи противъ правительства. Нужно было для этого преобразовывать Отдѣлъ Печати!

Все это я узналъ конфиденціально, ибо начальникъ отдѣла печати скрывался подъ псевдонимомъ, однако, тайна его псевдонима была тайной полишенеля. И мнѣ стало понятно, почему А. В. Кривошеинъ не очень стѣснялся съ его увольненіемъ. Приходилось только удивляться, почему его сразу не уволили. Нѣкоторые злые языки говорили: потому что онъ или правовѣдь, или лицеистъ, или бывший пажъ и потому что онъ покровительствуемъ Начальникомъ Управленія Внутреннихъ Дѣлъ, Г. Тверскимъ.

Положеніе создавалось для меня довольно трудное. Я составилъ докладную записку, въ которой изложилъ свои взгляды на организацію Отдѣла Печати. Въ ней я выставилъ, въ качествѣ существенныхъ требованій, — превращеніе Отдѣла Печати въ самостоятельное учрежденіе, съ изытіемъ его изъ Управленія Внутреннихъ Дѣлъ, и объединеніе въ Отдѣлѣ Печати всей заграничной информации, съ изытіемъ ея изъ Управленія Иностранныхъ Дѣлъ. Я передалъ записку А. В. и черезъ нѣсколько дней пришелъ за отвѣтомъ. Уже по первому приему я увидѣлъ, что отвѣтъ будетъ отрицательный.

А. В. Кривошеинъ говорилъ со мной на этотъ разъ довольно холодно и даже раздраженно. Онъ не только отвергъ мои вышеупомянутыя требованія, но и далъ понять, что рѣшительно расходится со мной въ самомъ пониманіи задачъ Отдѣла Печати. Изъ его словъ мнѣ стало яснымъ, что А. В. хотѣлъ организовать въ Крыму нѣчто въ родѣ стараго нашего Главнаго Управленія по дѣламъ печати, которое съ одной стороны должно было исполнять функціи цензурнаго комитета, а съ другой стороны призвано было сконцентрировать всѣ печатныя средства, бумагу, шрифтъ, типографіи и денежныя суммы для субсидированія газетъ. При этомъ разговорѣ съ А. В. мнѣ невольно вспомнилась прочитанная мною сентенція «Царя Колокола». «Выходъ одинъ», — писала газета — «большія типографіи должны быть взяты въ собственность государства, бумага монополизирована, а свинцовая армія должна стать дѣйствительной арміей. Работа у печатнаго станка должна быть приравнена во всемъ къ работѣ у пулемета». («Царь Колоколъ», № 2, статья «Чоротово Колесо Революціи»).

Мнѣ такая программа, цѣликомъ, впрочемъ, уже осуществленная въ Москвѣ, была рѣшительно не по дорогѣ. Я сдѣлалъ нѣсколько возраженій, которыя были встрѣчены весьма холодно. Мы сухо простились.

Однако этимъ дѣло не кончилось. Прошло съ мѣсяць. Новый Начальникъ Отдѣла Печати былъ уволенъ и я слышалъ, что кандидатъ на это мѣсто изыскивается вновь. Я менѣе всего претендовалъ въ то время быть этимъ кандидатомъ. Вдругъ однажды вечеромъ съ дежурнымъ офицеромъ получаю вызовъ Главнаго командующаго. Я, конечно, пошелъ.

Я первый разъ встрѣтился тогда съ генераломъ Врангелемъ и невольно у меня въ памяти эта встрѣча сравнивается съ описаннымъ выше свиданіемъ съ генераломъ Деникинымъ. Первое впечатлѣніе, опредѣлявшее внѣшнюю разницу двухъ этихъ людей, формулируется у меня въ военномъ противопоставленіи: инфантерія — кавалерія. У ген. Деникина не было ни внѣшняго блеска, ни свѣтскихъ манеръ, но въ то же время была въ немъ какая то глубокая почвенная сила. Ген. Врангель былъ красивъ, статенъ, а главное — отмѣчалъ его дѣйствительный, не напускной лоскъ обращенія. Внѣшне онъ былъ человекомъ, который могъ очаровать, но я не замѣтилъ въ немъ чертъ, изобличающихъ гипнотизирующее излученіе

властности. Въ движеніяхъ и во всей поведкѣ своей онъ былъ чрезвычайно быстръ.

Онъ предложилъ мнѣ назначеніе на должность Начальника Отдѣла Печати—предложеніе, которое меня чрезвычайно озадачило и смутило. Въ короткихъ чертахъ я рассказалъ Главнокомандующему исторію моего прибытія въ Крымъ. Онъ выразилъ полное изумленіе и сказалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Я мягко коснулся разногласій съ А. В. Кривошеинымъ и пытался въ нѣсколькихъ словахъ высказать мои взгляды на организацію Отдѣла Печати. Главнокомандующій быстро во всемъ со мной согласился. Мнѣ приходилось сейчасъ же рѣшать вопросъ и соглашаться, а рѣшеніе было очень трудно. Я началъ было указывать на разныя затрудненія, — на необходимость ѣздить въ Симферополь читать лекціи, на личныя дѣла и т. д. Всѣ эти затрудненія были быстро разсѣяны. Я тянулъ, сколько возможно, и принужденъ былъ согласиться.

«Пойдите къ А. В.», — сказалъ Главнокомандующій, — «скажите, что все устроено. Съ нимъ, я увѣренъ, Вы сговоритесь».

Я пошелъ изъ Малаго Дворца въ Большой Дворецъ къ А. В. Кривошеину. Онъ, повидимому, не былъ освѣдомленъ о моемъ вызовѣ Главнокомандующимъ, или сдѣлалъ видъ, что объ этомъ не знаетъ. Я сказалъ А. В., что пришелъ къ нему отъ имени ген. Врангеля, которому далъ согласіе на принятіе должности Начальника Отдѣла Печати. А. В. нѣсколько удивился и просилъ меня зайти черезъ два дня для выясненія нѣкоторыхъ окончательныхъ вопросовъ. Мы мило распрощались.

На слѣдующій день я получилъ извѣщеніе, что меня вызываетъ къ себѣ А. В. Кривошеинъ. Я пошелъ въ увѣренности, что дѣло идетъ о какихъ нибудь техническихъ вопросахъ въ связи съ моимъ назначеніемъ. Однако, удивленію моему не было конца.

А. В. Кривошеинъ, когда я вошелъ къ нему и сѣлъ, буквально сказалъ мнѣ слѣдующее:

«Николай Николаевичъ! Главнокомандующій передумалъ и измѣнилъ свое рѣшеніе, о чемъ я обязанъ довести до Вашего свѣдѣнія»...

Не нужно говорить, что все это опять очень неловко. А. В. тотчасъ же началъ неловкость исправлять, увѣряя меня въ томъ, что онъ всегда готовъ къ мимъ услугамъ и надѣется дѣйствительно оказать ихъ мнѣ, за что его я весьма благодарилъ. Закулисная сторона всей этой исторіи для меня такъ и осталась втайнѣ.

Въ тѣ дни мнѣ постепенно стало ясно, что представляетъ изъ себя крымская эпопея. По существу дѣла, эта была послѣдняя ставка бѣлаго движенія, въ которой рѣдко выигрываютъ и почти всегда погибаютъ. Существовала, повидимому, только одна возможность выигрыша — это настоящая геніальность отвѣтственнаго за всю ставку лица. Возглавлять Крымъ съ нѣкоторымъ расчетомъ на успѣхъ могъ бы только такой человѣкъ, который не только вдохновлялъ бы армію, но и сумѣлъ бы въ одномъ порывѣ спаять все гражданское населеніе Крыма. При этомъ уже не могло быть никакой рутины, никакой обыденщины, никакихъ пережитковъ стараго. Крымъ могъ отстоять себя военнымъ успѣхомъ, соединеннымъ съ совершенно новыми путями организаціи гражданской жизни, которые создали бы въ населеніи великое моральное напряженіе, общій энтузіазмъ и непреклонную вѣру. Тогда, взирая на Крымъ, каждый могъ бы сказать: «вотъ настоящая Россія», и каждый не могъ бы не полюбить ея и не потянуться къ ней. Крымскій моральный опытъ сталъ бы образцомъ и здѣсь началось бы новое государство.

Я знаю, что во всѣхъ этихъ предположеніяхъ много утопіи, но тѣмъ хуже это для Крыма: тѣмъ менѣе для него было шансовъ на успѣхъ. Очевидно было, что Крымъ не возглавлялся такимъ личнымъ геніемъ. Личное вліяніе Главнокомандующаго не шло далѣе арміи. Въ арміи, пожалуй, онъ имѣлъ большую попу-

лярность, чѣмъ ген. Деникинъ, но сомнительно, чтобы популярность эта была похожа на славу Цезаря или Наполеона. Что же касается гражданского управленія, то отъ него Главнокомандующій сознательно отошелъ, предоставивъ здѣсь власть своимъ ближайшимъ помощникамъ. Надо сказать, по справедливости, что управленіе Крымомъ не было уже такимъ сложнымъ дѣломъ, — вѣдь это была одна изъ нашихъ губерній, да еще не при всѣхъ уѣздахъ. Для такой губерніи достаточно было одного способнаго полицмейстера и излишенъ былъ цѣлый кабинетъ министровъ. Вотъ такой то полицмейстеръ и отсутствовалъ, — и получалась картина, которая мнѣ до сей поры рисуется слѣдующимъ образомъ: на верху, на горѣ, во дворцахъ засѣдаютъ Александръ Васильевичъ, Петръ Бергардевичъ, Григорій Николаевичъ и т. д., совѣщаются, обмѣниваются умѣйшими мыслями, а спуститься нѣсколько шаговъ внизъ, на пристань, на базаръ — здѣсь спекуляція, взяточничество, административная рутинка, развалъ, настоящій русскій хаосъ; Верхъ—самъ по себѣ, и самъ по себѣ низъ. А когда приходять къ Главнокомандующему и говорятъ: Ваше Превосходительство, внизу не все въ порядкѣ, онъ отвѣчаетъ: «Некогда... Ёду на фронтъ, все передалъ Александру Васильевичу...»

Бросалось въ глаза, далѣе, нѣкоторое рѣшительное несоотвѣтствіе между отчаяннымъ военнымъ замысломъ Крыма и между глубоко мирнымъ гражданскимъ окруженіемъ, въ которомъ Крымъ находился. Казалось бы, что такое рискованное предпріятіе, которое ген. Врангель началъ въ Крыму, должно было и требовать въ качествѣ сотрудниковъ людей отчаянныхъ, смѣлыхъ авантюристовъ — я примѣняю выраженіе это не въ дурномъ смыслѣ. Между тѣмъ Правительство Крыма возглавлялось людьми, глубоко мирнаго, чисто интеллигентскаго склада. По духу Крыму соотвѣтствовалъ ген. Слащевъ, а въ дѣйствительности онъ возглавлялся А. В. Кривошеинымъ и П. В. Струве. И потому крымская постройка была лишена одинаго и цѣльнаго стиля.

Здѣсь я не могу не удержаться, чтобы не сказать нѣсколькихъ словъ объ А. В. Кривошеинѣ, которому суждено было въ Крыму испытать столь странную судьбу. А. В. принадлежалъ къ числу людей, на которыхъ въ нѣкоторыхъ нашихъ кругахъ возлагались особыя надежды. Помню, еще во время ген. Деникина я нѣсколько разъ слышалъ сужденія объ А. В. Кривошеинѣ: «вотъ человекъ, который можетъ дѣйствительно спасти Россію». Безъ преувеличенія—около него носился и его окружалъ какой то мифъ. Многіе считали, именно, провиденціальнымъ, что онъ все время оставался на заднемъ планѣ и не выходилъ впередъ. Вѣрили, что вотъ наступитъ моментъ и онъ выйдетъ, наконецъ, какъ нѣкій русскій богатырь. И вотъ наступилъ моментъ, судьба вывела его на первый планъ, да еще съ столь счастливымъ сочетаніемъ, съ генераломъ Врангелемъ. Онъ вышелъ — и въ два, три мѣсяца всѣ упованія на него разлетѣлись въ прахъ. Даже больше того, упованія перешли въ открытую ненависть, въ черную злобу. Въ арміи, особенно на фронтѣ, заговорила стоголовая молва и превратила его въ виновника всѣхъ крымскихъ неудачъ, всего крымскаго хаоса, спекуляціи, экономической разрухи, финансоваго краха. Не знаю, чувствовали ли это тамъ, на горѣ, въ тихихъ кабинетахъ, гдѣ засѣдали важныя совѣщанія, подъ умѣлымъ, блестящимъ предсѣдательствомъ А. В., всегда умнаго и торжественнаго, какъ бы прямо вышедшаго изъ кулуаровъ Сената или стараго Государственнаго Совѣта. Я пробовалъ заговорить объ этомъ съ нѣкоторыми близко стоявшими къ сферамъ лицами, но они не принимали этого въ серьезъ, или сердились. А въ Симферополѣ мнѣ говорили офицеры съ фронта: «Пусть только Кривошеинъ придетъ на фронтъ, получить пулю въ лобъ». Я пробовалъ его защищать, но меня засыпали возраженіями по большей части самаго невѣроятнаго свойства, о которыхъ просто не хочется сейчасъ и говорить. Замѣчательно, что обвиненія противъ А. В. имѣли не столько общественно-политическій, сколько личный характеръ. Такимъ образомъ на смѣну героическому мифу пришелъ мифъ развѣнчивающій, отрицающій и оскорбляющій. Не могу сказать, чтобы его создавала толь-

ко армейская молва. Въ Севастополѣ мнѣ приходилось встрѣчаться съ однимъ изъ довольно высокихъ чиновъ контръ-развѣдки и онъ повторялъ мнѣ буквально все то, что говорилось на фронтѣ. «Я работаю, чтобы разоблачить его», — говорилъ онъ, — «и разоблачу»... Но Крымъ рухнулъ, потопивъ въ своихъ обломкахъ всю эту муть.

Крымскія впечатлѣнія не располагали къ тому, чтобы здѣсь на долго оставаться. Съ точки зрѣнія разсудочной нужно было складывать чемоданы и ѣхать опять за границу. Однако, странное чувство привязывало насъ къ этому послѣднему клочку старой Россіи. Мы медлили, откладывали отъѣздъ и выжидали. Я считалъ, что Крымъ продержится до весны, и мы рѣшили остаться въ Севастополѣ до новаго года. А тамъ посмотримъ что дѣлать...

Осенью я рѣшилъ ѣздить въ Симферополь читать лекціи въ Университетѣ. Поѣздомъ ѣхать было чрезвычайно затруднительно, т. к. было неизвѣстно, когда онъ отойдетъ отъ Севастополя и когда прибудетъ въ Симферополь. Обычно приходилось придти съ вечера на вокзалъ и здѣсь ждать иногда цѣлую ночь, а иногда и больше. Если поѣздъ отходилъ, онъ благополучно доѣзжалъ только до туннеля подъ Севастополемъ, гдѣ неизмѣнно останавливался на подъемѣ. Иногда паровозъ бралъ подъемъ своими силами, иногда же присылали толкача изъ Севастополя, — и такъ проходило нѣсколько часовъ. Кромѣ того поѣздомъ ѣхать было небезопасно въ смыслѣ тифа. Такъ погибъ нашъ ректоръ Р. И. Гельвишъ, поймавъ на себѣ послѣ вагона нѣсколько насѣкомыхъ и съ необыкновенной точностью заболѣвъ въ инфекціонный срокъ. Я рѣшилъ ѣздить лошадыми. Лошади проходили скорѣе поѣзда 60-ти верстное разстояніе отъ Севастополя въ Симферополь и менѣе риска было заразиться. Мнѣ приходилось вставать въ 5 часовъ утра, переправляться на другой берегъ залива, на сѣверную сторону и здѣсь нанимать мѣсто въ экипажѣ со случайными попутчиками, которые всегда утромъ находились у шинковъ и кофеенъ сѣверной стороны. Поѣздка эта стоила довольно дорого, сначала нѣсколько тысячъ, а потомъ и свыше десятка тысячъ крымскихъ рублей. Сверхъ того по дорогѣ часто грабили. Путь шелъ сначала пустынными и холмистыми мѣстами около моря, потомъ сворачивалъ на сѣверъ до первой большой деревни Бильбекъ. Эта часть пути не считалась опасной, но послѣ нея до Бахчисарая шоссе шло пустынными мѣстами, а передъ Бахчисараемъ входило въ лѣсистую лощину, къ которой справа подходили отроги Крымскихъ горъ. Это и было самое опасное мѣсто. Съ горъ по лѣсамъ сходили въ это мѣсто зеленые, брали дань съ путешественниковъ, а иногда и убивали.

Я лично ограбленъ не былъ, но видѣлъ съ пригорка на шоссе, какъ впереди грабили какихъ то проѣзжихъ. Ямщикъ нашъ остановилъ лошадей и, показывая кнудомъ, молвилъ: «глядите, тамъ зеленые». Впереди, въ четверти версты отъ насъ, стояло нѣсколько человекъ съ винтовками, а еще дальше по шоссе стояла тройка, окруженная какими то вооруженными людьми. Черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ, и всѣ прѣшіе люди стали отходить по кустамъ отъ дороги на гору. Мы не рѣшались двигаться впередъ, пока къ намъ не подъѣхалъ отъ Севастополя военный автомобиль съ вооруженными офицерами. Мы подъѣхали къ тройкѣ, у которой стояли два почти раздѣтыхъ человека и лежалъ на землѣ ямщикъ, прострѣленный въ плечо. Оказывается, онъ втупилъ въ переканія съ зелеными, за что и получилъ пулю. Съ проѣзжихъ же было снято все до нижняго бѣлья.

Зеленые эти тогда наполняли Крымскія горы, живя по лѣсамъ и пещерамъ. Насчитывалось ихъ нѣсколько тысячъ человекъ. Нѣкоторыя мѣстности Крыма были вполне въ ихъ власти и по нимъ почти невозможно было ѣздить. Такъ недоступны были, напримѣръ, всѣ лѣсистые перевалы черезъ Яйлу. Противъ зеленыхъ снаряжались цѣлыя экспедиціи, но довольно безуспѣшно.

Я останавливался въ Симферополѣ у знакомыхъ профессоровъ, которые всѣ за немногими исключеніями терпѣли страшную нужду. Особенно больно было

смотреть на многосемейных людей. У одного из них было трое детей — и вот с раннего утра, чуть солнце вставало, дети начинали просить хлеба. Хлеб выдавали по карточкам, и он приходил только часов в 9—10. Когда хлеб приносили, дети набрасывались на него, как голодные волчата. «Знаете, — сказала мне однажды мать, — наш маленький съел последний раз яшма три месяца тому назад». Этот маленький не имел никакого представления о том, что такое шоколад, и с большим недоверием отнесся к шоколадной плитке, привезенной мною из Севастополя.

Жизнь была тяжелая и мрачная. Впереди еще предстояла зима. Будущее было темно и люди жили не в той в лучшем, а убеждением, что хуже быть не может.

В половине октября красные начали наступать на Крым. У всех было твердое убеждение, что наступление будет отбито и никто серьезно не думал о возможности близкого падения Крыма. 26-го октября в понедельник я отправился в свою обычную поездку в Симферополь, где я намечался пробыть до конца недели. Лекции мои я читал при совершенно нормальных условиях и вообще жизнь в Симферополе проходила вполне нормально. На фронте у Перекопа шли жестокие бои, однако в городе не было заметно никакой паники. В среду вечером я возвращался с лекции домой и встретил по дороге одного знакомого полковника, разговор с которым внушил мне какую-то тревогу.

«Что Вы здесь делаете?» — с удивлением спросил он меня.

«Лекции читаю».

«Вот нашел время!.. Уезжайте в Севастополь».

«А что?»

«Да ничего, уезжайте скорее».

Я пришел на квартиру к моему сослуживцу, где останавливался, и рассказал ему о происшедшем. Он сообщил мне, что в городе ходят какие-то тревожные слухи о положении на фронте, но официально ничего не известно. Засидевшись довольно поздно за чаем, мы послали около полуночи на квартиру к ректору справиться о новостях. Ректор сообщил, что он имеет довольно тревожные известия о Севастополе, которые впрочем не были истолкованы нами, как начало конца. Я решил отменить на завтра лекцию и выехать утром обратно в Севастополь. Уверенность, что конец еще не близок, была у нас еще так велика, что мой хозяин дал мне ряд писем в Севастополь с разными поручениями и между прочим с просьбой вывезти его за границу, в случае, если Крым будет решено оставить. Мы беседовали в этот последний вечер о повседневных делах, о будущей зиме, и я оставил свою уверенность в Университете на ближайшее жалование для закупки дров на зиму.

С рассветом я был уже на базаре, где можно было найти лошадей на Севастополь. Здесь все было покойно и обыденно — подвозжали понемногу возы с зеленью и мясом, приводили лошадей, торговали горячим чаем и булками. Я нашел место в экипаже, напился чаю в простой татарской кофейне и вскоре мы тронулись. Со мноюехали два еврея по какому-то спекулятивному делу в Севастополь. Поразительно то, что они ровно ничего не знали о положении на фронте, и вели самые бытовые разговоры. При выезде из города мы обогнали юнкеров, которые всем училищем с оркестром музыки выступали по направлению в Севастополь. Я спросил, куда они идут, и получил ответ: «На охрану Севастополя». В Севастополь что-то не спокойно, — сказал мне один из знакомых офицеров. — Повидимому, они действительно не знали, зачем их туда двигают.

Так мы доехали до Бахчисарая, где, как обычно, остановились на постоялом дворе кормить лошадей. И здесь мы не узнали никаких особых новостей, хотя, как помнится, были какие-то встречные путешественники. И только

подъѣзжая къ Бильбеку, намъ попался встрѣчный автомобиль, который остановилъ насъ.

«Куда Вы ѣдете», — спросили насъ пассажиры. «Ворочайтесь... Севастополь эвакуируется».

Изумленію нашему не было конца. Извѣстія намъ были сообщены весьма тревожныя: фронтъ у Перекопа прорванъ, армія бѣжить, въ Севастополь всѣ, кто могъ, уже сѣлъ на пароходы и прежде всего правительство во главѣ съ А. В. Кривошеиннымъ. Всѣ суда и лодки реквизированы и переправиться на южную сторону почти невозможно.

Мы въ недоумѣніи переглядывались. Не знаю, что думали мои спутники, но я лично былъ увѣренъ, что всѣ эти рассказы нѣсколько преувеличены. Мнѣ то нужно было ѣхать въ Севастополь, а спутники мои ѣхали торговать и свободно могли воротиться обратно, тѣмъ болѣе, что было мѣсто въ автомобилѣ. Однако, мы всѣ поѣхали дальше.

Не безъ волненія подъѣзжали мы къ слободкамъ на сѣверной сторонѣ города. По внѣшнему виду нельзя было сказать, что въ Крыму произошло что то рѣшительное. Въ слободкахъ сновали тѣ же оборванные татары, а въ открывшейся нашимъ глазамъ бухтѣ по прежнему стояли суда. Однако, у пристани дѣйствительно не было лодокъ, а толкающіеся здѣсь лодочники подтвердили все то, что было сообщено намъ встрѣчными. Нужно было потратить не мало труда для того, чтобы меня взяли на маленькій военный катеръ, который случайно шелъ на южную сторону. Команда катера не сообщила мнѣ ничего новаго и даже разсѣяла нѣсколько понятную тревогу.

«Да, говорятъ, эвакуація», — сообщилъ мнѣ одинъ изъ матросовъ. «А мнѣ что, я все равно остаюсь»...

Было часовъ пять вечера, когда я высадился у Графской пристани. Городъ не измѣнился въ своемъ внѣшнемъ видѣ, и въ немъ еще незамѣтно было никакой эвакуаціонной паники. Только изъ гостиницы Киста французскіе солдаты таскали какіе то ящики, но я не придалъ этому никакого особаго значенія. У Приморскаго бульвара я повстрѣчалъ одного знакомаго.

«Говорятъ, эвакуація», — съ тревогой спрашиваю я.

«Э, батенька, это все паникеры проклятые. Многіе уже вещи укладываютъ, но повѣрьте, все это пустяки»...

Я спѣшилъ къ себѣ домой, но зашелъ по дорогѣ къ одному пріятелю. Онъ преспокойно сидѣлъ у себя въ подвалѣ и ничего не хотѣлъ знать объ эвакуаціи.

Прихожу домой, жена уже сидитъ съ открытыми чемоданами и разбираетъ вещи. Рассказываетъ, что приходилъ знакомый изъ одного учрежденія и говорилъ, что они уже уложились.

Мы рѣшили идти обратно въ городъ, чтобы получить извѣстіе изъ болѣе информированныхъ сферъ. Когда мы изъ нашего глухого предмѣстья вышли на главную улицу, нельзя было не замѣтить, что въ городѣ уже начинается нѣсколько необычное движеніе. Пыхтѣли грузовики, было много подвоовъ и у какой то канцеляріи грузили ящики. Я взглянулъ въ окно — знакомая картина: роются въ шкафахъ и рвутъ бумагу.

Въ гостиницѣ Киста, куда я зашелъ, я встрѣтилъ уже испуганныхъ и мѣтущихся людей. Мнѣ подтвердили здѣсь, что все конечно, что правительство уже сѣло на суда и что, главное, на суда сѣсть очень трудно, почти невозможно. Въ редакціи газеты «Великая Россія», куда мы потомъ пришли, всѣ уже сидѣли на упакованныхъ ящикахъ и собирались грузиться.

Я понялъ здѣсь, что наступилъ конецъ. Остаться въ Крыму я не могъ, нужно было уѣзжать. У меня не было никакихъ эвакуаціонныхъ документовъ, и я тотчасъ же, несмотря на поздній часъ, пошелъ ихъ добывать.

Я обходилъ много учреждений и дѣйствительно убѣдился, что все уже конечно. Начальствующія лица по большей части отсутствовали, суетились только низшіе служащіе, у которыхъ трудно было чего нибудь добиться. Въ Отдѣлѣ Пе-

чати проф. Г. В. Вернадскій выдалъ все же мнѣ удостовѣреніе, что я имѣю право эвакуироваться, по пропуска на пароходъ мнѣ такъ и не удалось получить. Было уже поздно, мы пошли домой и всю ночь готовились къ отъѣзду.

У насъ была надежда переправить вещи внизъ къ пристанямъ черезъ посредство сосѣда-ямщика. Часовъ въ пять утра жена пошла къ нему, но получила рѣзкій отказъ.

«Лошадей?» — сказали ей. «Отъ кого бѣжите? Отъ своихъ, русскихъ бѣжите. Не дадимъ вамъ лошадей»...

Послѣ долгихъ поисковъ поймали, наконецъ, какую то проѣзжую подводку, хозяинъ которой уже возилъ кого то внизъ. Онъ долго упирался, но подѣ конецъ согласился за порядочную сумму крымскихъ денегъ.

Съ разсвѣтомъ мы спустились на Екатерининскую улицу, представлявшую уже обычное для всѣхъ эвакуацій зрѣлище. Метались автомобили, и по тротуарамъ бѣжали смущенные люди. На мостовой лежала женщина въ крови съ разбитой головой, повидимому, задавленная. Люди равнодушно проходили мимо, какъ будто ничего не случилось. Потокъ людей и подводъ стремился къ Графской пристани и, далѣе, къ торговымъ пристанямъ, расположеннымъ вдоль береговъ залива. Около Морского Собранія и по Нахимовскому проспекту уже нельзя было проѣхать, отъ ряда стоящихъ одна за другой нагруженныхъ подводъ. Мы свалили свои вещи на улицѣ и я отправился на добычу документа.

Однако, всѣ учрежденія уже опустѣли, кое гдѣ только встрѣчались одинокіе чиновники. Въ Управленіи Народнаго Просвѣщенія совѣтовали мнѣ идти на уголъ какой то улицы, чтобы присоединиться къ еще непогруженнымъ чиновникамъ, но проникнуть на эту улицу было нельзя, все было запружено подводами и людьми. Редакція газеты «Великая Россія», повидимому, уже погрузилась за ночь. Послѣ чрезвычайныхъ усилій мнѣ удалось въ видѣ рекогносцировки проникнуть довольно близко къ пристанямъ, вплоть до контрольных пунктовъ. У меня спросили документы и, т. к. ихъ было недостаточно, погнали прочь. Время шло и я началъ терять самообладаніе. И передо мной стала мелькать уже мысль: не остаться ли въ Крыму.

Я шелъ въ задумчивости и натолкнулся на покойнаго нынѣ В. Ф. Дерюжинскаго. Онъ взялъ меня за плечо и началъ развивать длинную теорію.

«Совѣтую Вамъ оставаться», — говорилъ онъ, — «большевики должны будутъ сейчасъ держать экзаменъ передъ Европой. Повѣрьте, не будетъ никакихъ разстрѣловъ, никакихъ жестокостей, тогда Европа ихъ признаетъ, что имъ и нужно. О, они слишкомъ умны... Вотъ я рѣшилъ остаться, и иду убѣждать своихъ».

«Уже не остаться ли?» — думалъ я, возвращаясь къ женѣ и къ вещамъ. Я рѣшилъ тогда сдѣлать послѣднее усиліе, попытаться получить пропускъ у завѣдывающихъ эвакуаціей французовъ.

Въ помѣщеніи французскаго консульства сидѣло нѣсколько солдатъ и офицеровъ. Я началъ объяснить имъ свое положеніе, но не докончилъ, на меня закричали и почти что вытолкнули вонъ.

Я опять пошелъ къ женѣ и по дорогѣ встрѣтилъ знакомаго, который до того такъ же метался, какъ и я.

«Не устроились еще?» — закричалъ онъ, — «Идите къ англичанамъ, можете быть, устроить. Получилъ отъ нихъ пропускъ».

Я пошелъ къ англійскому консулу. У воротъ стоялъ солдатъ, который сначала не хотѣлъ меня пускать, но потомъ пустилъ. Въ передней никого не было и я пошелъ далѣе. Въ одной изъ послѣдующихъ комнатъ я нашелъ какого то служащаго и попросилъ его доложить обо мнѣ консулу. Консула не было и меня привели къ чиновнику съ безразличнымъ бритымъ лицомъ и трубкою въ зубахъ. Онъ выслушалъ меня и осмотрѣлъ документы.

«Работали ли Вы съ англичанами?» — спросилъ онъ. «Мы помогаемъ только тѣмъ, кто работаетъ съ нами. Эвакуаціей завѣдуютъ французы, просите ихъ».

Я потерялъ уже всякую надежду и пошелъ къ выходу. Въ одной изъ комнатъ я встрѣтилъ еще двухъ господъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ по русски. Я сталъ просить ихъ. Повидимому, во мнѣ приняли участіе. Долго разсматривали разныя мои удостовѣренія и, кажется, болѣе всего произвело впечатлѣніе удостовѣреніе о георгиевскомъ крестѣ.

Одинъ изъ господъ вынулъ свое перо, взялъ мое удостовѣреніе изъ Таврическаго Университета и написалъ что то на оборотѣ.

«Въ четыре часа будьте въ Стрѣлечкой бухтѣ, тамъ погрузитесь на военное судно», — сказалъ онъ.

Стрѣлечкая бухта лежала отъ города въ верстахъ шести-семи. Нужно было найти подводку или лодку, чтобы добраться туда.

Мы нашли носильщика, стараго, славнаго русскаго человѣка. Онъ все качалъ головой на происходящее и успокаивалъ. «Ничего», — говорилъ онъ, — господишь, не безпокойтесь, конечно, подводки сейчасъ не найти и лодки тоже. Ну, останетесь, ничего, мы народомъ рѣшили, что въ обиду оставшихся не дадимъ, не позволимъ разстрѣливать».

Повидимому, онъ впадалъ въ романтизмъ, какъ и Владиміръ Федоровичъ Дерюжинскій.

Мы все же пошли на поиски, но они были сначала безплодны. Побродивъ съ часъ, я сталъ думать, что, можетъ быть, лучше бросить вещи и пѣшкомъ идти въ Стрѣлечкую бухту. Было уже два часа дня.

Идя по площади мимо Морского Собранія, я увидѣлъ, что къ берегу около гостиницы Киста подъѣзжаетъ извозчикъ, до верху нагруженный вещами. Вещи эти стали таскать на подъѣхавшую съ офицерами лодку. Я подбѣжалъ къ извозчику и сталъ предлагать свезти меня въ Бухту. Я предлагалъ какія угодно деньги и крымскія, и франки, и фунты, и лиры.

«Эхъ, да зачѣмъ намъ франки», — сказалъ онъ, — «давайте здѣшнихъ, давайте сто тысячъ».

Я согласился, въ то время уже фунтъ хлѣба продавался за тридцать тысячъ. Онъ снялъ шапку, почесалъ голову и, какъ бы совѣстясь, прибавилъ.

«Ну, баринъ, прибавьте еще двадцать». Я прибавилъ и мы сговорились.

Вещи нужно было таскать черезъ всю площадь къ извозчику, т. к. по улицѣ нельзя было проѣхать отъ стоявшихъ подводъ. Носильщикъ мой почти перетащилъ все и мы уже уѣли сами, какъ вдругъ къ намъ подходятъ два офицера.

«Ваши документы», — говорятъ мнѣ.

Я далъ мой англійскій пропускъ.

«А Вы имѣете право пользоваться подводой? Не имѣете? Потрудитесь слѣзть».

Я началъ убѣждать ихъ. Убѣждалъ ихъ и извозчикъ, но безуспѣшно. Спасла насъ тогда его хитрость.

«Да, что Вы занятую подводку берете?» — сказалъ онъ вдругъ офицерамъ. «Гляньте, вонъ свободная ѣдетъ, ее возьмите».

Дѣйствительно, гдѣ то вдали двигалась свободная подводка и офицеры обернулись на нее. Возница въ это время стегнулъ свою лошадь и понесся впередъ. Я боялся, что въ слѣдъ намъ будутъ стрѣлять, но къ счастью не стрѣляли. Такъ мы и домчались до окраины города.

Былъ сумрачный октябрьскій день. Окрестности Севастополя пустынные и скучны — выжженная степь, покрытая сѣрыми камнями. Сѣро-зеленый заливъ виднѣлся на горизонтѣ изъ за холмовъ, спускался туманъ и, казалось, что уже начинало темнѣть.

Проѣхавъ около часу, мы стали спускаться къ морю. На одномъ изъ заворотовъ шоссе мы встрѣтили офицерскій патруль, безъ возраженія пропустившій насъ впередъ къ длиннымъ пакгаузамъ, сараямъ и складамъ, растянувшимся на берегу бухты. У маленькаго мола стояло нѣсколько человѣкъ «буржуевъ», ме-

ланхолически и выжидательно вглядывающихся въ море. «Не обманъ ли это — думать я. — «И зачѣмъ сюда придетъ англійское военное судно»... Сталь мнѣ росить мелкій дождь и сумерки спускались на землю.

Вокругъ насъ были расположены артиллерійскіе и вещевые склады арміи ген. Врангеля. На нихъ работало большое количество плѣнныхъ большевистскихъ солдатъ подъ командой нѣсколькихъ бѣлыхъ офицеровъ. Солдаты мирно ходили вокругъ и ровно ничего не знали о происшедшемъ.

«Что-то англичане сегодня пайковъ не выдаютъ», — сказалъ одинъ изъ нихъ. «Чудно?»...

При такихъ условіяхъ не очень уютно было заночевать въ Стрѣлцкой бухтѣ.

Было уже около пяти часовъ дня, когда внезапно изъ какого то заворота берега въ туманѣ появились два англійскихъ миноносца. Они красиво проманивировали мимо насъ, сдѣлали заворотъ и одинъ за другимъ подошли къ молу. Команда быстро сбѣжала на берегъ. Вышли офицеры и стали по порядку осматривать наши документы и пропускать на судно. Матросы въ одинъ мигъ перетасили всѣ наши вещи, которыя сложили на носу, тамъ, гдѣ стоитъ бронированная башня съ орудіями.

Все уже было готово къ отплытію, когда мимо склада по шоссе къ молу, почти вскачь подѣхала сильно нагруженная подвода. На верху, на вещахъ сидѣлъ В. Ф. Дерюжинскій. Онъ не остался, несмотря на свою теорію. Впрочемъ путешествіе это оказалось для него фатальнымъ. Въ общежитіи для бѣженцевъ на Босфорѣ въ Буюкъ-Дерѣ, онъ заразился тифомъ и кончилъ тамъ свои дни.

Тогда снова пережилъ я это позорное съ національной точки зрѣнія чувство: великое облегченіе отъ «дыма отечества». Снова свободный вздохъ поднялся изъ груди, какъ ранѣе при отъѣздѣ изъ Москвы и при бѣгствѣ изъ Новороссійска. Но только въ этотъ послѣдній разъ разрывъ съ Россіей былъ еще глубже. Я понималъ это уже потому, когда началъ влечить долгіе эмигрантскіе годы. Съ тѣхъ поръ я потерялъ тоску по родинѣ, какъ она одолѣвала меня въ Берлинѣ и въ теченіе первыхъ недѣль первой эвакуаціи. Я понималъ, что старая Россія, которая меня выкормила и вырастила, навѣки умерла, и тосковать по ней можно только такъ, какъ тоскуютъ по покойникѣ.

Мы не знали, куда насъ повезутъ, въ какую часть свѣта. Но насъ повезли сперва на Севастопольскій рейдъ. На немъ простояли мы два дня до вечера воскресенья. Хозяева наши, англичане, оказались большими джентльменами. Они всячески показывали намъ, что мы ихъ гости, которые нуждаются во вниманіи. Дамамъ нашимъ были предоставлены каюты команднаго состава и хозяева каютъ трогательно за ними ухаживали. Мы, мужчины, по большей части толкались по палубѣ и спали здѣсь же, производя, конечно, необычный для военной дисциплины безпорядокъ. Но ни разу не было ни одного замѣчанія, ни одного неприятнаго взгляда.

Вокругъ насъ, на берегахъ залива, въ городѣ и по разнымъ пригородамъ, расположеннымъ вдоль бухтъ, постепенно замирала жизнь, вызванная и организованная бѣлымъ движеніемъ. Послѣдніе останки Россійской Имперіи собирались на многочисленныхъ судахъ и частныхъ, и военныхъ. По ночамъ въ городѣ пылали пожары, зловѣще освѣщая небеса. А днемъ одинокіе люди выходили на берега Приморскаго Бульвара и смотрѣли на насъ — многіе, чтобы сказать послѣднее прости послѣднимъ призракамъ прошлаго. И невольно обращался взглядъ на голые холмы и камни пустынной Сѣверной Стороны, откуда должны были придти первые разѣзды Московскаго войска.

Въ воскресенье, во второй половинѣ дня, мимо насъ стали проходить одинъ за другимъ корабли бѣлаго флота, палубы которыхъ наполнены были сплошной массой людей. На нѣкоторыхъ идущихъ на буксирѣ баржахъ люди стояли сплош-

ной стѣной, какъ щетина на щеткѣ. Это былъ великій исходъ, которому не было примѣровъ въ исторіи — исходъ цѣлаго населенія небольшого государства, исходъ въ полную неизвѣстность. Въ глубокомъ молчаніи провожали мы вереницу шествующихъ мимо насъ кораблей.

Къ вечеру, когда уже большая часть бѣлой эскадры вышла изъ бухты, къ нашему миноносцу подъѣхалъ яликъ съ тремя офицерами. По грязной одеждѣ, по сумкамъ и винтовкамъ видно было, что всѣ они съ фронта.

«Возьмите насъ», — кричали они, — «Отстали, никуда не берутъ»...

Послали къ дежурному офицеру просить за нихъ. Онъ отказалъ, говоря, что англичанамъ рѣшительно запрещено подбирать отставшихъ.

«Возьмите, ради Бога», — умоляли насъ съ ялика. — «Что-же намъ въ море гадаться, все равно разстрѣляютъ».

Пошла депутація къ капитану. Онъ вышелъ на палубу важный, вылощенный и выбритый. При видѣ его и этихъ грязныхъ людей въ яликѣ, нельзя было не почувствовать всю степень нашего упадка и нашей нищеты.

«Возьмите ихъ», — умоляли русскіе. «Возьмите ихъ»...

Капитанъ сердито махнулъ рукой и сказалъ что то офицеру. Дали команду и матросы стали спускать подъемную лѣстницу.

Первый влѣзъ на лѣстницу старый полковникъ съ сѣдыми подусниками и съ Георгіемъ на шинели. Онъ снялъ съ плеча винтовку, размахнулся ею и съ силой бросилъ ее въ море.

«Ну, довольно воевать!» — сказалъ онъ и взомелъ на палубу...

Вѣроятно, его невольный жестъ хорошо выражалъ смыслъ всего, что тогда происходило. Помню, многіе тогда заплакали.

Мы тронулись въ путь при вечернемъ закатѣ, когда зловѣще опустѣлъ весь Севастопольскій портъ. По нему плавало нѣсколько брошенныхъ лодокъ, да какой то полузатонувшій большой баркасъ.

При выходѣ въ открытое море у Херсонесскаго маяка мы обогнали всю громадную нашу флотилію и помчались по направленію къ Босфору. Широкій бѣлый слѣдъ оставался за нами на черной массѣ воды, а впереди волшебнo блестяи волны отъ бросаемихъ прожекторомъ сноповъ электрическаго свѣта. Мы мчались по волнамъ какъ будто на автомобилѣ. Рано утромъ уже показались Румелійскіе берега, вдоль которыхъ мы довольно долго шли, а часовъ въ одиннадцать мы уже вошли въ Босфоръ.

Въ Кавакѣ къ намъ причалилъ французскій катеръ. Начались какіе то сердитые переговоры между англичанами и французами. Французы требовали отправить насъ въ общемъ порядкѣ въ концентраціонный лагерь. Англичане хотѣли быть джентльменами до конца и выпустить насъ на свободу. Насъ ввели потомъ въ Золотой Рогъ, и капитанъ ѣздилъ въ городъ объясняться на нашъ счетъ. Наконецъ, судьба наша была рѣшена. Насъ пересадили на пустой турецкій шаркетъ, повезли обратно въ Каваку, вымыли тамъ и глубокимъ вечеромъ подвезли къ пристани Буюкъ-Дерэ. Здѣсь намъ разрѣшили слѣзть на берегъ и идти на всѣ четыре стороны.

Населеніе маленькаго греческаго и армянскаго мѣстечка сперва смотрѣло на насъ съ ужасомъ. Въ отеляхъ при видѣ насъ запирали двери и гасили огни. Но вскорѣ какъ-то все уладилось и всѣ получили ночлегъ.

Такъ началась наша эмигрантская жизнь.
